

Tyulemissov Madi مەدى ابو اصل

tmadi1@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

Предисловие
О. ФИШМАН

Оформление художника
Е. АДАМОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди творят чудеса, превращаются в животных, умирают и воскресают... Небесные духи покровительствуют одним людям, бесовские чары губят других. Черепахи рождаются с шерстью, а зайцы с рогами; женщина производит на свет драконов, ласточка — воробья. Нет предела фантазии авторов ранних китайских рассказов. Все смещается в их произведениях, невозможное становится возможным: обитатели неба и земли живут рядом, люди достигают бессмертия, небесные духи спускаются на землю и вмешиваются в жизнь простых смертных.

Герои этих рассказов не индивидуализированы; это и не образы, и не типы; авторов еще не интересуют ни характеры героев, ни мотивировка их поступков; это — люди, которые либо сами умеют творить чудеса, либо становятся жертвой других персонажей — обладателей сверхъестественной силы. Одним из первых крупных представителей фантастической повествовательной литературы в Китае был Гань Бао (IV в. н. э.), автор книги «Поиски духов» — сборника коротких рассказов о легендарных императорах, добрых и злых духах, драконах и тиграх, о сверхъестественных рождениях, воскрешении из мертвых, наваждениях и бесовских чарах.

Гань Бао повествует о некоем Пин Чан-шэне, который несколько раз умирал и снова воскресал; о Го Сюане, по знаку которого лягушки принимались плясать, как люди, а чарки сами подходили к гостям и не отступали, пока те не осушали их до дна; о мальчишке-нищем, который каждый раз, когда его заточали в тюрьму, чудесным образом освобождался от пут и оказывался на своем постоянном месте на рынке; о некоем Ци Си, который напоил своего знакомого Сюань Ши таким крепким вином, что тот, придя домой, уснул, был принят за мертвого, похоронен и проснулся только через три года.

Это были еще не новеллы, а короткие записи о чудесных происшествиях. Именно эти рассказы легли в основу фантастической новеллы эпохи Тан (618—907).

Авторы первых танских новелл жили и творили во времена экономического и политического расцвета Китая.

Танская империя была одним из самых могущественных и обширных государств во всей Азии. Дипломатические и торговые отношения связывали Китай с Индией, Японией, Туркестаном, Персией, Византией, Индокитаем; китайские торговцы добирались до Персидского залива, в южных портах Китая возникали многочисленные колонии арабских и персидских купцов. Росли города, строились дороги и каналы. Отмена ограничений во внутренней торговле способствовала развитию промыслов и ремесел, зарождению цеховых организаций купцов и ремесленников. Чанъань — столица танского Китая — была крупнейшим политическим, торговым и культурным центром, тесно связанным с многочисленными рынками Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Здесь была создана Академия «Ханьлинь» — средоточие ученых, бывших как бы советниками правительства; здесь же находилась школа певцов и музыкантов (Грушевый сад), придворный театр. В этом городе в 713 году начал издаваться правительственный бюллетень, по существу явившийся первой печатной газетой в мире.

Это был век многосторонних интересов и великих дерзаний. Музыка, живопись, наука, литература получили небывалое развитие. Царствовавший между 713 и 755 годами император Сюань-цзун покровительствовал искусствам, собирал вокруг себя таланты. В Чанъань съезжались люди, рассчитывавшие сдать государственные экзамены и получить право на занятие государственной должности. Здесь был цвет интеллигенции того времени — писатели, поэты, ученые, художники, музыканты.

Великие поэты Танской эпохи Бо Цзюй-и и Юань Чжэнь выступали против чистого искусства, против формализма, господствовавшего в поэзии предшествовавших эпох. Они выдвигали на первое место общественную роль литературы. У них были свои политические идеалы, и литература, по их мнению, должна была стать орудием выражения этих идеалов, средством борьбы за их достижение. Они требовали от писателей наиболее тесного сближения с жизнью и своей поэтической практикой доказывали необходимость этого. Стихи Бо Цзюй-и и Юань Чжэня отражали различные стороны жизни феодального общества и именно своей актуальностью завоевали бессмертие.

Идеи поэтов «общественной темы» подхватывают писатели Хань Юй (768—824) и Лю Цзун-юань (773—819), возглавившие «Движение за возрождение древности».

Выступая за освобождение прозы от искусственных словесных украшений, параллельных конструкций, нагромождения намеков и цитат, протестуя против формализма предшествовавших эпох, они

выдвигали в качестве образцов произведения древних писателей. Это обращение к древней литературе по существу было борьбой за создание новой литературы большого общественного содержания. Лидеры «Движения за возрождение древности» ратовали за произведения, написанные простым, понятным языком, в которых главной является идея, а не способ ее выражения; содержание, а не форма. Отрицательное отношение Хань Юя и его сторонников к литературе их предшественников объяснялось тем, что последняя была бессильна удовлетворить запросы современности.

«Движение за возрождение древности» в эпоху Тан имело прогрессивный характер; участники его писали по-новому, обогащали старые жанры повествовательной литературы. С этим движением связано и развитие танской новеллы.

Танская новелла — это целый этап в истории китайской литературы. Впоследствии она легла в основу всей повествовательной и драматической литературы Китая: фантастической, любовно-бытовой, историко-геронческой и сатирической.

Эпоха расцвета порождала в писателях и поэтах чувство гордости за свою страну, уверенность в себе, дух творческой активности, оптимизм. Для танских новеллистов характерно жизнеутверждение, воспевание действия, инициативы, героики, призыв к борьбе со всем, что сковывает духовные силы человека.

В танской новелле отражается сложная противоречивость того времени. Новые идеи и веяния шли вразрез с устоями феодальной морали, с кодексом нравственности, господствовавшим в обществе.

В частности, горожане и особенно вновь нарождающийся класс купечества не были удовлетворены своим положением в сословном, до мозга костей кастовом обществе. Новеллы танских писателей отражают недовольство жизнью, стремление людей к иному положению в обществе, мечту о счастье, бунт против феодальных ограничений и социальной несправедливости. Протест горожан, ремесленников и купцов против власти аристократии, протест молодежи против старшего поколения находит свое выражение и в фантастической, и в любовной, и в героической новелле.

Танские новеллисты были выразителями идеологии передовой интеллигенции того времени. Люди широко образованные, целеустремленные, полные кипучей энергии, они живо откликались на общественные события.

Наиболее известные авторы танских новелл (Юань Чжэнь, Бо Син-цзянь, Ли Гун-цзо, Чэнь Хун) были непосредственно связаны с «Движением за возрождение древности». Юань Чжэнь являлся активным членом «общественной группировки поэтов» и в своих новеллах проповедовал идею общественной значимости литературы.

Писатели были довольно близки к народу, знали его нужды, разделяли его надежды. Отсюда и известный демократизм их идей, и относительная простота языка, и реализм в показе жизни, нравов и этических воззрений эпохи.

Если ранние фантастические танские новеллы, создававшиеся в VII веке («Древнее зеркало», «Белая обезьяна», «Душа, которая рассталась с телом»), тесно связанные с народными легендами и древними рассказами о чудесах, имели несложную фабулу, то новеллы VIII—IX веков представляют собой сюжетно разработанные произведения.

В отличие от рассказов о чудесах фантастические новеллы VIII века уже ориентировались на действительность; поэтому фантастика в них выступает не как самоцель, а как средство показа общественной жизни, часто даже с критических позиций.

Герои большинства фантастических новелл недовольны своим положением в обществе, вступают в конфликт с действительностью. Фантастика служит авторам этих новелл способом восстановить справедливость, наградить достойных или наказать виновных.

Автор новеллы «Путешествие в далекое прошлое» известный писатель Нью Сэн-жу не сдал государственные экзамены, вследствие чего лишился возможности получить должность; обиженный жизнью, не оцененный современниками, он ищет утешения в мире фантастики.

В новелле, написанной от первого лица, Нью Сэн-жу, заблудившись ночью, попадает в какой-то дом, где его принимают с почестями, словно дорогого гостя. Хозяйка дома и ее подруги, — давно умершие красавицы древности, жены и наложницы древних императоров, — называют его «знаменитым ученым династии Тан», восхищаются его стихами, наслаждаются беседой с ним.

В новелле Ли Фу-яня «Чжан Лао» простой человек противопоставляется надутой, чванливой знати, бедный огородник оказывается могущественным волшебником, завидным зятем, а богач Вэй Шу, не желавший отдать бедняку свою дочь, — посрамлен.

Фантастическая новелла эпохи Тан отражает мечты простых людей о лучшей доле, хотя зачастую и показывает их призрачность.

Герой новеллы Шэнь Цзи-цзи «Волшебная подушка» во сне прожил целую жизнь: женился на девушке из знатного дома, сдал экзамен, дослужился до высших чинов, затем был разжалован, сослан, снова восстановлен в прежних чинах и, наконец, умер. Сон послужил ему хорошим уроком: он понял, что жизнь простого крестьянина, далекого от интриг двора, от случайностей политической игры — лучше и в конечном счете счастливее, чем та жизнь, которую он прожил во сне.

Тот же прием использует мастер жанра фантастической новеллы Ли Гун-цзо в новелле «Правитель Нанькэ». Все, с чем во сне столкнулся герой этой новеллы, весьма напоминает то, что происходит в реальном мире: та же система управления, те же дворцовые интриги и междоусобные войны, то же чиновничество, те же обряды и наказания, та же несправедливость.

Фантастика в этих новеллах — лишь своеобразный прием, с помощью которого авторы показывают все несовершенство современного им общества.

Недаром Ли Гун-цзо подробно описывает светлую жизнь муравейника, столь похожего на придворное общество. Рисуя его в сатирическом плане, авторы этих двух новелл стараются доказать, что погоня за богатством и славой, проходящими, как сама жизнь, — бессмысленна и недостойна человека.

Фантастический сюжет большинства танских новелл обрамляется реальными рамками. Так, в новелле Ли Чао-вэя «Дочь дракона» автор точно указывает время и место действия. Да и сама фантастика здесь является замаскированной картиной реального мира. Герой новеллы Лю И встречает дочь дракона, владыки озера Дунтинху, и, выполняя ее поручение, попадает в подводные владения ее отца. За исключением поразительной неземной роскоши, здесь все, как в мире людей. Фантастика оказывается лишь внешней формой; она способствует движению сюжета; а пафос новеллы — в раскрытии действительности, в показе трагической судьбы женщины, которая в феодальном обществе лишена каких бы то ни было прав. Таким образом, критика общественных условий, показ социальной несправедливости характерны уже для ранних фантастических новелл танской эпохи.

Но наиболее полно демократические мотивы звучат в новеллах любовно-бытовых, где главное место отведено простым людям, современной тематике. Сюжеты новелл подсказаны самой жизнью, герои действуют в реальной обстановке, часто в типических обстоятельствах. Поскольку авторы танских новелл в большинстве своем — чиновники, то и герои их — представители служилой интеллигенции, обладающие ученой степенью или добывающиеся ее.

Образованный человек того времени стремился сдать государственные экзамены, получить ученую степень и должность, быстро продвинуться по общественной лестнице, а затем жениться на девушке из богатой и знатной семьи. Жизнь шла по проторенному, заранее намеченному пути; только вследствие опалы или неудачи на государственных экзаменах, когда герой новеллы временно оказывался вне той общественной среды, к которой он принадлежал, с ним происходили всякие удивительные истории. В ряде новелл герой влюбляется в гетеру или девушку незнатного происхождения. Но такого

рода любовь была несовместима с чиновничьей карьерой,—отсюда недолговечность подобных любовных связей и трагическая развязка большинства новелл этого типа.

В эпоху Тан множество юношей из далеких провинций Китая приезжали в столицу Чанъань. Рано или поздно они попадали в знаменитый квартал Пинканли, где жили гетеры. Красивые, изящные, умные, образованные, превосходные собеседницы, не скованные словесными предрассудками и конфуцианской моралью, эти девушки производили неизгладимое впечатление на неопытных провинциалов. Зарождалась любовь, приходилось на время отказаться от карьеры, но о браке даже мысли возникнуть не могло. В танскую эпоху существовал кодекс правил поведения юноши из благородной семьи, было точно установлено, на ком он мог и на ком не мог жениться, а так как гетера (обычно это девушка из народа, которую в детстве купили у неимущих родителей) по своему социальному положению немногим отличалась от рабыни, то женитьба на ней была делом неслыханным. Тем больший интерес представляют для нас те танские новеллы, в которых гетера противопоставляется женщине из высших слоев общества и наделяется самыми лучшими качествами.

В основе любовных новелл, героиней которых является женщина, стоящая вне общества («Повесть о красавице Ли», «История Хо Сяо-юй», «История гетеры Ян» и другие), лежит идея о всесии любви, стирающей сословные грани. Авторы этих новелл стоят выше сословных предрассудков, они убеждают, что личные качества человека—из каких бы слоев общества он ни происходил—ценны сами по себе.

Тема любви юноши из благородной семьи к гетере весьма интересно решается в новелле Бо Син-цзяня «Повесть о красавице Ли». Герой этой новеллы—сын гордого и богатого князя—бросает ради своей возлюбленной семью, друзей, карьеру. Он становится нищим, работает в лавке похоронных принадлежностей (в старом Китае это считалось самым позорным занятием), он почти деклассирован. В беде ему помогает не его знатная родня, не отец, а простые люди: товарищи по работе, старый слуга и, наконец, гетера Ли. Именно этих людей наделяет Бо Син-цзянь лучшими чертами: они гуманны, великодушны, их не сковывают кастовые представления. А концовка новеллы—свадьба юноши и красавицы Ли,—это настоящее торжество любви над старой моралью, сословными предрассудками, общественным мнением.

Не только гетера Ли, но и певичка Хо Сяо-юй, и многие другие героини любовных новелл достойны стать хранительницами семейного очага, но таковы были условия времени, таково положение женщины в феодальном обществе, что лишь немногие авторы решались привести незнатную героиню к браку с человеком благородного проис-

хождения. К числу таких авторов относится Бо Син-цзянь, который положил в основу своей новеллы народный рассказ «Цветочная ветвь», где повествование также кончается благополучной развязкой — браком между юношей и гетерой. Именно народному происхождению новелла Бо Син-цзяня, развенчивавшая чванливую аристократию, обязана счастливым концом.

Борьба за личную свободу, за счастье, бунт против морально-этических оков феодального общества являются темой многих танских новелл, а противоречия между старыми и новыми классами танской эпохи, столкновение свободного человеческого чувства с устоями общества, основанными на конфуцианской догме, на сыновней почтительности, на чинопочитании, составляют основу главного конфликта.

Симпатии авторов танских новелл всегда на стороне тех, кто отстаивает свое личное счастье. Недаром так осуждает автор «Истории Хо Сяо-юй», новеллист Цзян Фан, своего героя Ли И, юношу из знатной семьи. Перед отъездом на новое место службы Ли И пылкими клятвами и уверениями старается утешить свою возлюбленную: «Когда я клялся ясным солнцем в жизни и после смерти быть верным тебе и дожить вместе с тобой до старости, то мне казалось, что этого еще слишком мало. Как же посмею я думать о других женщинах? Умоляю: не сомневайся во мне и живи, как моя жена, спокойно ожидая меня. В восьмую луну я обязательно приеду в уезд Хуачжоу и отправлю за тобой посланца: разлука будет недолгой...»

В это время Ли И, по-видимому, сам верит своим клятвам. Но когда он попадает домой и узнает, что мать уже выбрала ему богатую невесту из знатной семьи, Ли И не решается противиться воле старших. Тем самым он изменяет своей клятве и предает Хо Сяо-юй. А она верит ему, ждет, живет воспоминаниями и в конце концов умирает от горя. Концовка новеллы — это осуждение автором своего героя: проклятие Хо Сяо-юй и после ее смерти преследует обманувшего ее юношу.

Резкую критику общественных устоев и конфуцианской морали мы находим в новелле Юань Чжэня «Повесть об Ин-ин», рассказывающей о любви Ин-ин, девушки из знатной семьи, к студенту Чжану.

Образ Ин-ин — один из самых обаятельных в китайской литературе: нежная, пылкая, верная, она бесконечно предана своему возлюбленному, готова на любую жертву ради него. Сойдясь с Чжаном, то есть совершив чудовищный, с точки зрения феодальной морали, поступок, она ни в чем не раскаивается, ни о чем не жалеет. Главное для нее — это счастье Чжана. Узнав о предстоящем отъезде возлюбленного в столицу на экзамены и понимая, что он не вернется, Ин-ин не пытается удержать юношу, ни в чем не упрекает его. Больше того, она еще утешает огорченного близкой разлукой Чжана.

Письмо Ин-ин к Чжану особенно ярко раскрывает ее характер; оно полно тоски и отчаяния, но вместе с тем дышит нежностью и заботой. Чжан не возвращается к Ин-ин: побеждает ограниченная мораль феодального общества, преследовавшая всякое проявление любви, не освященной браком. Но сама постановка вопроса — «чему следовать: конфуцианской морали, предписывавшей держаться подальше от женщин и презирать любовь, или же голосу сердца?» — была для того времени прогрессивной.

Юань Чжэнь пытался найти какие-то новые нормы отношений, обосновать право человека самому устраивать свою личную жизнь, без вмешательства семьи и общественного мнения. Но и он не сумел пойти против этого общественного мнения, и повесть его кончается продиктованной конфуцианской догмой ссылкой на зло, которое приносит женщина мужчине. Юань Чжэнь был в известной степени противоречив: он сочувствовал своей героине Ин-ин, но не решился дать счастливую развязку новелле (в отличие от автора «Повести о красавице Ли»), не осмелился резко осудить своего героя (как это сделал автор «Истории Хо Сяо-юй»). И все-таки, несмотря на противоречивость, в целом эта новелла представляет собой огромный интерес. В ней впервые дается сложная психологическая картина душевных переживаний героини. Благодаря жизненности и остроте, типизации героев, показу их внутреннего мира, это произведение можно считать этапным в истории китайской художественной прозы. Его появление знаменовало становление реалистической новеллы.

Любовно-бытовые новеллы давали всеобъемлющую картину эпохи и жизни различных общественных групп. Авторы охотно прибегали к деталям, помогающим проникнуть во внутренний мир героев, понять их поступки и характеры. В этих новеллах фантастика играла чисто служебную роль, в частности, помогая возлюбленным соединиться («Куньлуньский раб», «История У-шуан»).

Если авторы любовно-бытовых новелл не жалели слов для воспевания своих героинь, женщин преданных, верных, нежных, готовых на любое самопожертвование ради любимого человека, бескорыстных и благородных, то герои новелл рисовались обычно совсем не героическими. Они слабовольны, нерешительны, непостоянны. Юноша из знатной семьи — всего лишь игрушка в руках судьбы и родителей: он не в силах противостоять условностям, зажат в тисках обычаев и не может найти выхода из затруднительного положения. На помощь ему часто приходит герой в подлинном смысле этого слова, помогающий обрести возлюбленную (Мо Лэ в новелле «Куньлуньский раб», военачальник Гу в «Истории У-шуан»), или выступающий в роли судьбы, пытающегося восстановить справедливость (рыцарь-незнакомец в «Истории Хо Сяо-юй»). В непостоянстве и слабоволии типиче-

ского героя, юноши благородного происхождения, скрывалась критика господствующего класса, лучшие представители которого, талантливые молодые люди, не могли без посторонней помощи — подчас простой служанки («Повесть об Ин-ин») или слуги («Куньлуньский раб») — достигнуть своей цели.

И все же в любовной новелле рыцарь, герой в подлинном смысле этого слова, стоит еще на втором плане. Автор, восхваляя его смелость, предприимчивость, благородство, готовность к самопожертвованию, уделяет основное внимание лирическому герою.

Примерно со второй половины IX века развивается жанр героической новеллы, воспевающей волевого, предприимчивого, сильного человека. Сама эпоха, богатая драматическими событиями, давала писателям богатый материал для подобных новелл. Герои наделяются необычными, исключительными качествами — и лишь в этом проявляется фантастика; действия же героев реалистичны, никаких чудес с ними не происходит.

Если в любовной новелле действуют императоры и сановники, ученые и поэты, фаворитки, гетеры и певицы, то в героической новелле появляются представители и других социальных кругов: мелкие чиновники, военные, купцы, городские жители и т. д. Иногда героические поступки совершаются женщинами; так, например, отважная Се Сяо-э мстит разбойникам, убившим ее отца и мужа («История Се Сяо-э»).

Большой интерес представляет новелла Ян Цзюй-юаня «История Хун Сянь», повествующая о том, как женщина предотвратила междоусобную войну. Примечательно то, что автор этой новеллы наделяет героическими чертами простую служанку — женщину из самых низших слоев общества. Это свидетельствует о прогрессивных, демократических убеждениях Ян Цзюй-юаня, воплотившего в своей новелле мечту народа о мирной, спокойной жизни.

В ряде героических новелл выводится исторический персонаж; особенно типична в этом отношении новелла Ду Гуан-тина «Чужеземец с курчавой бородой» — рассказ о человеке, намеревавшемся захватить власть и уступившем право бороться за нее Ли Ши-мину (сыну Ли Юаня — основателя танской династии). Новелла эта появилась в конце IX века, когда крестьянское восстание и междоусобная борьба между феодалами дробили и ослабляли Кит. й. К этим событиям вполне применимо описание обстановки, в которой разворачивается действие новеллы Ду Гуан-тина: «В стране хаос и волнение, во всех концах страны отважные люди поднимаются на борьбу». В таких условиях естественно появление новеллы о человеке, который смог бы объединить страну и обеспечить народу мирную жизнь.

Авторы героических новелл впервые начинают смело критиковать недостатки современного им общества, хотя подчас эта критика завуалирована обращением к истории или вымыслу. Они пытаются призвать к порядку зарвавшихся чиновников, несправедливых судей, победить зло и восстановить справедливость. Позднее героическая новелла положила начало рассказу о справедливых судьях и роману о «благородных рыцарях долга».

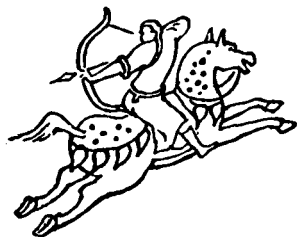
Танская новелла была новым жанром, влившим свежую струю в китайскую литературу; она порвала со старой схоластической литературой, вышла за рамки догм конфуцианства, вступила в конфликт с господствующей моралью, с сословной идеологией, утверждая новое, жизненное, реалистическое начало. В новеллах танских авторов — как писал известный китайский литературовед Чжэн Чжэнь-до — «первые с подлинным мастерством описаны человеческие чувства и события». В превосходной художественной форме танские новеллы отражали подлинную жизнь танского общества.

Авторы некоторых новелл были неудачниками: провалившись на экзаменах, они удалились от государственной службы и стремились порвать с господствующим стилем экзаменационных сочинений. Борясь против условности и скованности языка, очищая свои произведения от конфуцианских цитат и намеков, присущих официальной литературе, они выработывали новый стиль — простой, яркий и точный, и главное внимание уделяли разработке фабулы.

Танские новеллы являлись на протяжении веков предметом подражаний. Они получили хождение среди народа в виде народных сказов и песен; темы многих новелл (в основном любовных) легли в основу драм XIII—XVI веков. Замечательные пьесы юаньских драматургов «Дождь в платанах» и «Зал вечной жизни» созданы под влиянием «Повести о бесконечной тоске»; «Западный флигель» Ван Ши-фу написан на сюжет «Повести об Ин-ин».

Танские новеллисты вписали много ярких страниц в сокровищницу литературы своего великого народа.

О. Ф И Ш М А Н

**ТАНСКИЕ
НОВЕЛЛЫ**

ДРЕВНЕЕ ЗЕРКАЛО

Ученый муж по имени Хоу из Фэньиня, живший при династии Суй, был человек необыкновенный. Я, Ван Ду, считаю его своим учителем. Перед кончиной он подарил мне древнее зеркало и сказал:

— Храни его, и тебя минуют все наваждения.

Я принял подарок и очень дорожил им. Зеркало имело восемь цуней¹ в поперечнике; на обратной его стороне было рельефное изображение лежащего единорога, а вокруг него на равном расстоянии друг от друга — черепаха, дракон, феникс и тигр. Ближе к краю следовали восемь триграмм и двенадцать созвездий², а по самому краю были начертаны двадцать четыре иероглифа, отчетливо видные и написанные как бы в стиле «ли»³, но таких знаков не найдешь ни в одной книге.

Учитель говорил:

— Эти двадцать четыре знака соответствуют двадцати четырем сезонам года⁴.

Когда на зеркало падали лучи солнца, то все изображения и знаки его обратной стороны отчетливо выступали на тени, отбрасываемой зеркалом. При легком ударе зеркало издавало чистый звон, который не затихал в течение целого дня. Конечно, это было необыкновенное зеркало!

¹ Цунь — мера длины, равная 3,2 см.

² Двенадцать созвездий — знаки Зодиака.

³ Стил «ли» — один из стилей китайской каллиграфии.

⁴ По китайскому лунному календарю год делится на 24 сезона.

Не удивительно, что учитель дорожил им и считал зеркало чудодейственным. Однажды он сказал мне:

— Давным-давно я слышал, что император Хуан-ди¹ отлил пятнадцать зеркал. Первое имело в поперечнике пятнадцать цуней, что соответствует пятнадцати дням — сроку, в течение которого луна из узкого серпа превращается в диск. Каждое следующее зеркало было в поперечнике меньше предыдущего на один цунь, следовательно это зеркало восьмое по счету.

Хотя времена Хуан-ди — седая старина и письменных свидетельств о них не сохранилось, тем не менее в словах такого достойного мужа, каким был учитель Хоу, сомневаться невозможно. В далекую старину Ян добился благополучия, приобретя нефритовый перстень, а Чжан Гун погиб, потеряв свой меч. Ныне наступили тревожные времена, и я с глубокой печалью взираю на события; вся страна словно охвачена огнем, — где найдется место для спокойного житья! И вдобавок ко всем бедам — вот несчастье! — я лишился драгоценного зеркала! Поэтому я хочу рассказать о всех чудесах, связанных с ним, чтобы те, кто станет его обладателем в грядущих поколениях, знали бы о его происхождении.

Это зеркало досталось мне в пятом месяце седьмого года правления «Дае»² от учителя Хоу, кончина которого совпала с моим приездом в Хэдун по окончании срока моего цензорства. Возвращаясь в шестом месяце того же года в Чанъань, я попал в Чанлэпо и остановился в гостинице, которую держал некий Чэн Сюн. У хозяина появилась новая служанка, очень красивая девушка по имени Ин-у, что значит Попугай. Я достал свое зеркало, чтобы поглядеть на себя и привести в порядок одежду, как вдруг служанка повалилась на пол и стала биться головой о доски.

— Пощадите меня! — кричала она, обливаясь кровью. Я позвал хозяина и спросил, что это значит.

— Два месяца назад ее привел один проезжий, — отвечал Чэн Сюн, — девушка была очень больна, и человек этот оставил ее, сказав, что заедет за ней на обратном пути.

---

¹ 2697—2597 гг. до н. э.

² До установления народной республики в Китае даты обозначались либо циклическими знаками, либо специальным названием (девизом) годов правления того или иного императора, либо годами первой республики (с 1911 г.). Седьмой год правления «Дае» — 611 г.

С тех пор он не появлялся, а девушка стала служить у меня. Больше я ничего о ней не знаю.

Подозревая, что это оборотень, я приблизился к девушке с зеркалом в руках.

— Пощадите меня, и я приму свой первоначальный вид,— взмолилась она.

— Сначала расскажи о себе, потом примешь свой прежний вид,— сказал я, пряча зеркало,— и я тебя пощажу.

Девушка поклонилась и стала рассказывать:

— Я — тысячелетняя лисица и жила под старой сосной, растущей перед храмом на горе Хуашань. За мои превращения небо покарало меня смертью. Меня схватил было владыка горы Хуашань, но я ускользнула и бежала в края между реками Хэ и Вэй. Там Чэнь Сы-гун из Сягуя удочерил меня и относился ко мне с добротой. Позднее меня взял в жены человек из тех же мест по имени Чай Хуа, но жизнь с мужем не наладилась, и я убежала на восток. В Ханьчэне мною завладел Ли У-ао, человек жестокий и беспощадный. Несколько лет он силой заставлял меня кочевать вместе с ним, привез меня сюда и здесь покинул. К несчастью, я натолкнулась на это волшебное зеркало и не могу больше скрывать свое подлинное обличье.

— Ты — лисица и, вероятно, приняла человеческий облик для того, чтобы делать зло людям? — спросил я.

— Наоборот, чтобы служить им,— отвечала девушка.— Но зверь, принимая облик человека, оскорбляет богов, и я готова принять смерть.

— Я хотел бы пощадить тебя, если это возможно,— сказал я.

— Благодарю вас за вашу доброту, но, оказавшись однажды под лучом этого зеркала, я уже не могу сохранять чужой облик. И хотя я в течение долгого времени была человеком, мне придется принять свое настоящее обличье. Об одном только прошу — уберите зеркало в ящик, чтобы я могла выпить вина перед смертью.

— А ты не убежишь, если я спрячу зеркало? — спросил я.

Смеясь, она отвечала:

— Разве я могу быть такой неблагодарной? Ведь вы, ваша милость, хотели пощадить меня. Но от волшебного зеркала я уже не могу уйти. Лишь одного хочу — чуточку веселья перед своей гибелью.

Я убрал зеркало в ящик, угостил девушку вином и по-

звал соседей присоединиться к пиру. Девушка быстро захмелела и, поправив одежду, начала танцевать и петь:

О зеркало!
Я расстаюсь с тобой!
О жизнь, прощай!
Над смертью я не властна...
С тех пор
Как изменился облик мой,
Как много царствовало
На земле династий!
Хотя порою
Радостно нам жить,
Лишь смерть избавит
От тоски и бед,
Зачем же
Этим миром дорожить?
За жизнь цепляться,
Право, толку нет!¹

Закончив песнь, девушка снова поклонилась, превратилась в лисицу и умерла к удивлению всех присутствующих.

В первый день четвертого месяца в восьмой год правления «Дае» случилось солнечное затмение. Я отдыхал в одной из комнат цензората, когда заметил, что стало темно. Вскоре пришел служитель и сказал, что затмение еще только начинается. Я поднялся, достал зеркало, чтобы привести себя в порядок, и тут вдруг заметил, что оно потускнело и не отражает свет. Я догадался, что зеркало имеет связь с тайной мрака и света, иначе почему вместе с затмением солнца оно утратило свой блеск? Не успел я прийти в себя от изумления, как зеркало снова заблестело — солнце тоже начало постепенно открываться. Когда оно засияло, зеркало обрело свой обычный блеск. С этих пор я стал замечать, что во время затмения солнца или луны зеркало также становилось тусклым.

В том же году, в пятнадцатый день восьмого месяца, мой друг по имени Сюе Ся навестил меня и показал приобретенный им бронзовый меч четырех чи² в длину, с клинком и рукоятью, сделанными из одного куска; рукоять

¹ Перевел с китайского И. Голубев.

² Чи — мера длины, равная 32 см.

украшали изображения дракона и феникса, а сверкающий клинок — узоры, напоминающие не то языки огня, не то рябь на воде.

— С этим мечом происходят замечательные вещи, — сказал Сюе Ся. — Если его положить в темную комнату в пятнадцатый день любого месяца, когда на небе сверкает полная луна, то от меча на несколько чжанов¹ вокруг расходятся яркие лучи. Я владею этим мечом уже несколько лет и, зная, что ты жаден до всяких необычайных древних вещей, как голодающий до пищи и жаждущий до питья, я сегодня ночью готов вместе с тобой испытать мой меч.

С большой радостью принял я предложение. Небо в эту ночь было чистое, мы закрылись в комнате, куда не проникал ни один луч света, и приступили к испытанию. Я тоже достал свое зеркало и положил его рядом. Оно вспыхнуло ярким светом, и в комнате стало светло, как днем. От меча же не исходило никакого сияния. Сюе Ся был очень удивлен и сказал:

— Убери, пожалуйста, зеркало в ящик.

Я повиновался, и меч засветился, отбрасывая лучи лишь на один-два чи.

Мой друг, поглаживая меч, вздохнул и сказал:

— Видно, в Поднебесной² и среди волшебных вещей есть свои законы: менее совершенное должно уступать более совершенному.

С этих пор каждый раз в полнолуние стоило мне вынуть зеркало в темной комнате, как оно начинало сверкать и далеко отбрасывало лучи. Если же в комнату проникал лунный свет, то зеркало не сияло: разве с блеском солнца и луны можно соперничать?

Зимой того же года я был временно назначен придворным историком и загорелся желанием составить жизнеописание Су Чо. Случилось так, что мой старый семидесятилетний слуга по имени Бао Шэн некогда находился у него в услужении. Старик был очень сведущ в истории и знал толк в литературных сочинениях. Когда он увидел мои наброски жизнеописания Су Чо, то был повержен в безысходную печаль. Я спросил его о причине этого, и он рассказал следующее:

— Господин Су был добр и щедр, и мне очень грустно,

¹ Чжан — мера длины, равная 3,2 м.

² Поднебесная — Китай.

что все предсказанное им сбылось. Ваше драгоценное зеркало в свое время было подарено ему близким другом Мяо Цзи-цзы из Хэнани, и господин Су очень им дорожил. В год своей кончины он часто грустил и говорил своему другу: «Смерть моя не за горами, и я беспокоюсь — в чьи руки попадет зеркало? Сейчас я хочу погадать на ветках, а ты будешь присутствовать при этом». Он велел мне принести ветки, сам разложил их и, закончив гадание, сказал: «Через десять лет после моей смерти моя семья утратит это зеркало. Кому оно достанется — неизвестно. Однако волшебный предмет всегда может дать какое-либо сверхъестественное знамение. Ныне в районе между реками Хуанхэ и Фэньхэ постоянно наблюдаются благоприятные приметы, которые совпадают с моим гаданием на ветках. Очевидно, зеркало окажется в этих местах». — «Кому же оно достанется?» — спросил Мяо Цзи-цзы. Господин Су еще раз внимательно рассмотрел веточки и сказал: «Сначала оно попадет во владение дома Хоу, а потом станет собственностью дома Ван. Что станет с ним после этого, сказать не могу». Закончив свой рассказ, слуга расплакался. Я собрал сведения о семье Су Чо и узнал, что у него действительно было это зеркало, а после смерти хозяина оно исчезло, — все соответствовало рассказу моего слуги Бао Шэна. Об этом я упомянул в жизнеописании Су Чо, в строках: «Су Чо так искусно гадал на ветках, что мог даже предсказать свое будущее».

В девятый год правления «Дае», в первый день нового года, в наш дом пришел за подаянием странствующий буддийский монах из западных областей. Мой брат Ван Цзи, удивленный внезапным появлением монаха, пригласил его в дом и накормил.

— В этом гостеприимном доме находится волшебное зеркало, — сказал монах, — можно ли посмотреть на него?

— Как вам стало известно об этом? — спросил мой брат.

— Я сведущ в магии, — отвечал монах, — и поэтому могу обнаруживать присутствие волшебных предметов. В течение последних двух лет я наблюдаю зеленоватый свет, исходящий днем из вашего дома, и красный свет — когда сияет луна. Все это приметы волшебного зеркала, и, выбрав благоприятный день, я пришел в надежде увидеть его.

Брат принес зеркало, монах взял его в руки и начал пританцовывать от радости, потом сказал брату:

— Это зеркало обладает волшебными свойствами, о которых вы не знаете. Если зеркало покрыть золотой мазью и посыпать истолченным в порошок жемчугом, то его лучи будут проникать сквозь стены.— Потом со вздохом продолжал: — Если же перед этим воскурить золотые благовония и омыть зеркало нефритовой водой, то можно будет увидеть внутренние органы человека. Но беда в том, что нет лекарств для лечения обнаруженных недугов.

Монах оставил золотые благовония, нефритовую воду и другие эликсиры и удалился. С тех пор он не появлялся. Опыты с зеркалом были проделаны, и все вышло так, как говорил монах.

Осенью того же года я был назначен правителем города Жуйчэн. Перед домом правителя росло многовековое дерево жужуб, возраст которого никто точно не мог определить. По установленному обычаю, правитель, вступая на должность, приносил жертву этому дереву, иначе неминуемые беды ожидали его. Я считаю, что злые духи порождены людским воображением, и не собирался приносить положенных жертв, но чиновники и служители умоляли меня не нарушать обычай, а я не смог отказать им и уступил. Затем я подумал, что огромное дерево, имевшее несколько чжанов в объёме, может быть и в самом деле прибежищем каких-нибудь чудовищ, наделенных магической силой, поскольку никто не осмелился уничтожить его. Поэтому я тайком повесил волшебное зеркало среди ветвей этого дерева. В ту же ночь, во вторую стражу¹, раздался оглушающий грохот, подобный грому небесному. Я вскочил с постели и выбежал из дома. В ночном мраке бушевала гроза,— лишь дерево среди молний и грома сияло сверху донизу. Утром под деревом обнаружили огромного змея, издохшего от множества ран. У змея была фиолетовая чешуя и красный хвост, зеленая голова и белый рог, на лбу виднелся знак «князь». Я забрал свое зеркало, велел сжечь змея посреди улицы, а дерево приказал выкопать. Внутри оно оказалось полым, а под корнями обнаружили логово со следами змея. После этого никакие злые духи не беспокоили окрестных жителей.

Зимой того же года я получил приказ проследить за раздачей продовольствия из государственных закромов

¹ В старом Китае ночное время от 7 часов вечера до 5 часов утра делилось на пять страж, по два часа каждая.

в округе Хэбэй. Население тех мест страдало от голода и болезней, особенно в окрестностях Пу и Шань. Среди сопровождавших меня людей был уроженец этих мест Чжан Лун-цзюй, семью которого, состоящую из нескольких десятков едоков, преследовали всяческие болезни и недуги. Пожалев этого человека, я захватил свое сокровище и отправился в его дом. Зеркало я оставил хозяину дома, наказав ему только ночью извлечь его из футляра. При виде зеркала все страждущие сразу поднялись с постелей. Они говорили, что лучи предмета, похожего на луну, были холодны, как лед, и изгнали лихорадку. Поскольку зеркалу не было причинено никакого ущерба, я решил употребить его для облегчения страданий народа и велел Чжан Лун-цзюю ходить с этим зеркалом по другим домам. Но в ту же ночь зеркало, находившееся в футляре, стало издавать зловещий стон, который далеко разносился вокруг и долго не умолкал. Это показалось мне удивительным. Утром Чжан Лун-цзюй пришел ко мне и сказал:

— В эту ночь мне приснился человек с головой дракона и туловищем змеи в алой шапке и в лиловых одеждах. Он назвался духом зеркала по имени Цзы-чжэнь. «Я явился к тебе,— изрек он,— потому что оказал помощь твоему семейству. Передай правителю Ван Ду, что болезни, ниспосланные на людей,— наказание неба, так зачем же он хочет заставить меня действовать против воли небесной! К тому же болезни прекратятся через несколько месяцев,— нет смысла поручать мне это неуютное небу дело».

Я исполнил просьбу духа, и через несколько месяцев больные действительно стали постепенно выздоравливать, как и предсказывал дух зеркала.

В десятый год правления «Дае» мой брат Ван Цзи, отказавшись от должности помощника правителя Люхэ, решил отправиться в длительную поездку по стране. Я отговаривал его от этой затеи:

— В стране беспорядки, на дорогах — разбойники, ты лишишь меня покоя. Мы с тобою — родные братья и никогда надолго не разлучались. Это путешествие будет похоже на уход от мира. В давние времена Шан Цзы-пин отправился посетить наши пять священных гор и пропал неизвестно куда. Если ты последуешь примеру этого почтенного человека, то повергнешь меня в безграничную печаль.

И я заплакал.

— Решение мое твердо, я еду,— отвечал Ван Цзи.— Пусть мой достойный брат не беспокоится обо мне. Ведь у Конфуция сказано: «Муж не подавляет свою волю». Живет человек сто лет и не знает, чем ему заполнить свободное время: добился истины — радуется, упал духом — печалится. Следовать своим желаниям — удел святых.

Мне ничего не оставалось, как проститься с братом.

— Перед разлукой есть у меня к тебе одна просьба,— сказал он.— Твое волшебное зеркало — не земная вещь. Я отправляюсь в дальний путь, дай мне его с собою.

— Могу ли я отказать тебе,— отвечал я и отдал зеркало брату.

Он уехал и долго не подавал о себе никаких вестей. Лишь в шестом месяце тринадцатого года правления «Дае» вернулся он в Чанъань. Отдавая мое зеркало, он сказал:

— Эта вещь воистину чудодейственна! Простившись с тобой, я отправился сначала к горам Суншань и Шаоши¹. Однажды на склоне дня я очутился в диком ущелье и, увидев каменный храм, где могли поместиться человек пять, решил в нем заночевать. Ночь выдалась лунная. После второй стражи вдруг появились два человека: один тощий и седой по имени Шань Гун, похожий на буддийского монаха; другой — круглолицый черный карлик по имени Мао Шэн с белыми усами и густыми бровями. «Что здесь за люди?» — спросил карлик. «Искатель необычайного, странствующий по глухим местам», — отвечал я. Пришельцы сели и завели долгую беседу, которая показалась мне подозрительной. Полагая, что они явились с дурными намерениями, я незаметно взял ящичек и вынул из него зеркало. Едва оно засияло, как оба мои собеседника с хрипом упали на землю. Карлик превратился в черепаху, а монах — в обезьяну. Зеркало я повесил, и к рассвету животные издохли. Черепаха была покрыта зеленой плесенью, а обезьяна — белой шерстью.

Затем я побывал на горе Цзишань², переправился через Иншуй и в уезде Тайхэ осмотрел нефритовый колодезь. Около колодца есть пруд, такой глубокий, что вода в нем кажется зеленой. Спросил о нем дровосека, и тот рассказал мне. Пруд этот — страшное место. Здешние жители

¹ Суншань и Шаоши — священные горы в провинции Хэнань.

² Цзишань — гора в провинции Хэнань, о которой известно много легенд и преданий.

восемь раз в году приносят ему жертвы и молят о милосердии. Если жертвоприношение не соответствует ритуалам, то из пруда поднимается черная туча и сильный град разрушает плотины и дамбы.

Я вынул зеркало и обратил его на пруд. Вода в нем забурилась, раздались грохот, земля содрогнулась. Вдруг вода взметнулась ввысь и разлилась на двести шагов в окружности, а дно оголилось. Посреди пруда лежало рыбообразное чудовище длиною более чжана, толщиной с руку. Голова его, увенчанная рогом дракона, была красная; лоб белый, кожа покрыта темными и желтыми полосами. Без чешуи, покрытое слизью, чудовище походило на змею; острая морда напоминала голову осетра. Чудовище извивалось в иле и блестело, но далеко уползти не могло. Это был водяной змей; без воды он не мог двигаться. Его закололи и зажарили. Мясо оказалось жирным и вкусным, его хватило на несколько дней.

Затем я отправился в Бяньчжоу¹. У правителя города Чжан Цзи была дочь, которую уже давно мучила какая-то болезнь. Ночью девушка кричала от нестерпимой боли, которая утихала только днем.

Я поселился в отведенном мне помещении. Однажды, услышав вопли девушки, я достал зеркало и осветил им больную.

— Убили парня с гребешком! — вскрикнула она.

С постели свалился огромный петух и издох. Оказалось, что это был старый, семи-восьмилетний петух хозяина.

Когда я переправлялся через Янцзыцзян возле города Янчжоу, над рекой сгустились темные тучи, вихрь поднял волны и лодка потеряла управление. Надо было что-то предпринять, иначе мне грозила гибель. Я схватил зеркало и осветил им реку. Луч света пронзил толщу воды до самого дна. Ветер сразу стих, волны улеглись, и в мгновение ока мы очутились в тихой бухте.

Странствуя в магнитных горах Шэшань, я восходил на горные кручи, забирался в глубокие пещеры; случалось, стаи птиц, страшных и крикливых, набрасывались на меня, медведи преграждали путь. Тогда я доставал зеркало, медведи и птицы поспешно спасались бегством.

Выбрав удобное время, я решил переправиться через реку Цяньтанцзян, как вдруг начался прилив и нас по-

¹ Бяньчжоу — нынешний город Кайфын.

несло в море. Грохот водяных валов был слышен за несколько сотен ли¹.

— Валы уж близко, на юг плыть нельзя, — сказал кормчий. — Если не вернемся назад — быть нам в утробе рыб.

Я вынул зеркало, и взвихренные волны реки застыли, словно облака. Река вокруг лодки расступилась шагов на пятьдесят: вода стала прозрачной и мелкой, гигантские черепахи и крокодилы разбегались в разные стороны. Кормчий поставил парус, и мы словно влетели в Наньпу². Оглянувшись, я увидел, что на том месте, где мы недавно были, горами вздымались водяные валы.

Потом я поднимался на гору Тяньтай³, любовался гро- тами и ущельями. Обычно я всегда носил зеркало с собой, но однажды я положил его на землю и отошел на сто шагов. Зеркало сияло таким светом, что можно было разглядеть мельчайшую пылинку, а птицы в испуге срывались с гнезд и бестолково носились в воздухе.

Прибыв в Гуйцзи, я познакомился с удивительным человеком по имени Чжан Ши-луань, деяния которого описаны в моих трудах.

В Юйчжане я встретился с даосом Сюй Цзан-би. Это был седьмой потомок Шэньяна, умеющий заговаривать ножи и огонь. Даос поведал мне о том, что у Ли Цзин-шэня, смотрителя государственных амбаров в Фэнчэнсяне, есть три дочери, обольщенные оборотнями, и никто не может им помочь. Он пробовал их лечить, но безуспешно. Тогда я отправился в Фэнчэнсянь. В доме Ли Цзин-шэня меня встретили с почетом, я стал расспрашивать хозяина о его дочерях, и он рассказал мне следующее: «Все три дочери живут вместе, в боковой пристройке; каждый день к вечеру они наряжаются, стараясь перещегоолять друг друга в нарядах. В сумерки они удаляются в свое помещение и гасят светильники. Однако там слышатся разговоры и приглушенный смех. А утром приходится будить их, — иначе не проснутся. День ото дня они худеют, хотел было запретить им наряжаться — грозят удавиться или броситься в колодезь. Не знаю что и делать». Я попросил хозяина показать пристройку. На восточной стороне находилось окно; чтобы его нельзя было крепко закрыть, я днем сломал в оконном переплете четыре перемычки, заменив их

¹ Ли — мера длины, равная в то время 576 м.

² Наньпу — гавань в уезде Наньчан провинции Цзянси.

³ Гора Тяньтай расположена в провинции Чжэнцзян.

палочками. Солнце закатилось, и хозяин сказал, что наряженные девушки уже удалились в свои покои. Настала первая стража, мы прислушались; в помещении девушек слышались голоса и смех. Я рванул на себя оконный переплет и осветил зеркалом помещение. Все три девушки разом воскликнули: «О муж мой! Он погиб, погиб!» Сначала ничего не было видно. Я подвесил зеркало и оставил его до утра в девичьих покоях. А когда рассвело, мы увидели двух крыс совершенно голых, без единого волоска. Одна длинная и худая, другая — жирная, весом цзиней на пять. Рядом с дохлыми крысами лежал ящер величиной с человечесью руку, покрытый переливающейся всеми цветами радуги чешуей. Голова его была увенчана рожками, длинный хвост распластался по полу метра на полтора. С этих пор девушки выздоровели.

Отсюда я отправился прямо в Лушань, где провел несколько месяцев в рассеянной праздности, бродил по лесам и дебрям, ночевал под открытым небом. Тигры и леопарды, шакалы и волки разбегались — стоило лишь направить на них луч зеркала. Чиновник в отставке Су Бин, живший в Лушане, человек ученый, обладавший даром предвидения, говорил мне:

— Волшебные вещи недолго остаются среди людей. Ныне в мире смуты и беспорядки, и вам следовало бы вернуться в родные места, пока цело зеркало, оберегающее от бед.

Я согласился с ним и отправился в обратный путь на север, однако замешкался в Хэбэе, и однажды ночью мне приснилось, будто бы зеркало сказало мне: «Я скоро покину мир людей и хочу проститься с твоим братом, возвращайся скорее в Чанъань». Во сне я обещал выполнить его желание. Проснувшись утром, я предался размышлениям и почел за лучшее немедленно вернуться в Чанъань. И вот я с тобой, обещание мое выполнено. Но я боюсь, что ты скоро лишишься своего волшебного зеркала.

Через несколько месяцев мой брат уехал в Хэдун. В пятнадцатый день седьмого месяца в тринадцатый год правления «Дае» из ящика, где хранилось зеркало, донесся печальный звон. Сначала слабый и отдаленный, он быстро нарастал, пока не стал подобен крику дракона и реву тигра. Некоторое время тревожные звуки оглашали воздух, потом стихли. Я открыл ящик и увидел, что зеркало исчезло.

ДУША, КОТОРАЯ РАССТАЛАСЬ
С ТЕЛОМ

В третий год правления «Тяньшоу»¹ Чжан И из Цинхэ получил должность чиновника в Хэнчжоу и там поселился. Человек добрый, он имел несколько друзей. Сыновей у него не было, только две дочери. Старшая умерла еще в детстве, а младшая Цянь-нянь выросла красивой и почтительной девушкой.

В семье Чжан И жил Ван Чжоу из Тайюаня — сын его сестры, красивый и способный юноша. Чжан И уважал своего племянника и часто говорил: «Со временем отдам Цянь-нянь тебе в жены».

Чжоу и Цянь-нянь очень любили друг друга, но родители девушки даже не подозревали об этом. Однако позднее отец обещал свою дочь в жены сыну одного чиновника. Узнав об этом, девушка сильно опечалилась, юноша тоже был убит горем. Он просил отпустить его в столицу для сдачи экзаменов; Чжан И не смог отговорить племянника, пришлось устроить ему богатые прощальные попойки.

С тайной печалью в сердце Чжоу простился с провожающими и сел в лодку. К концу дня он проплыл довольно большое расстояние и причалил к гористому берегу. Ровно в полночь, — он никак не мог заснуть, — слышались быстрые шаги: кто-то приближался к лодке. Он окликнул

¹ Правление под девизом «Тяньшоу» приходится на 690—692 гг.

прохожего, это была Цянь-нянь. Босая, она бежала за его лодкой. От неожиданности и счастья Чжоу словно обезумел. Он взял руки девушки в свои и спросил, зачем она пришла.

— Я не могу забыть тебя даже во сне, — сказала она, плача. — А меня заставляют идти замуж за другого. Я знаю, что ты всегда будешь меня любить, и решила всем пожертвовать ради тебя. Поэтому я и покинула родителей.

От радости и счастья юноша почти лишился рассудка. Потом он спрятал девушку в лодке. Они плыли днем и ночью и через несколько месяцев достигли Сычуани. В течение пяти лет Цянь-нянь родила двух сыновей; с родителями она не переписывалась, но все время думала о них. Однажды, плача, она сказала мужу:

— Я пришла к тебе, нарушив все приличия. Пять лет я ничего не знаю о моих родителях; для такой непочтительной дочери нет места на земле.

— Не горюй, я отвезу тебя к ним, — сказал муж, тронутый ее благочестием. И он отправился вместе с ней в Хэнчжоу.

Чжоу первым вошел в дом Чжан И; повинившись, он рассказал обо всем, что произошло.

— Не пойму, что ты говоришь, — удивился Чжан И. — Цянь-нянь больна и все эти годы тосковала в своей комнате.

— Так ведь она в лодке! — воскликнул Чжоу.

Изумление Чжан И еще более возросло, он послал слуг на берег. В лодке действительно находилась Цянь-нянь, цветущая и довольная. Завидев слуг, она спросила:

— В добром ли здоровье мои родители?

Удивленные слуги поспешили обратно и рассказали хозяину все, что видели.

Когда больная девушка, лежавшая в комнате, услышала о том, что произошло, она поднялась с постели, привела себя в порядок и переменяла одежды. Улыбаясь, но не говоря ни слова, она вышла встретить другую Цянь-нянь. Затем у всех на глазах обе девушки соединились и превратились в одну, но одетую в два платья.

Это событие семья Чжан И хранила в тайне. О нем знали только родственники. Супруги умерли через сорок лет. Оба их сына сдали экзамены и стали помощниками судей.

Я, Сюань-ю, много раз слышал эту историю в молодости. Некоторые рассказывают ее по-другому, иные считают ее вымыслом. В конце правления «Дали»¹ мне довелось встретить Чжан Чжун-сяня, судью из Лайу, от которого я и услышал эту странную историю. Судья был двоюродным братом Чжан И, он знал все подробности этого необыкновенного события.

---

¹ 766—779 гг.

БЕЛАЯ ОБЕЗЬЯНА

В

последние годы правления «Датун» династии Лян¹ император послал полководца Линь Циня в южные области, где было неспокойно. Тот дошел до Гуйлина и разбил армии Ли Ши-чу и Чэнь Ди.

Другой полководец по имени Оуян Хэ² достиг Чанлэ и покорил все племена, обитавшие в неприступных горах. С ним была жена — очень красивая белая женщина. Один из его военачальников сказал ему:

— Зачем ты взял в поход такую красавицу? В этих местах обитает дух, который похищает молодых женщин. Береги же свою жену!

Хэ сильно встревожился, ночью окружил дом войсками, а жену спрятал в тайных покоях под охраной десяти рабынь. Ночь выдалась темная, дул черный ветер, но до пятой стражи ничего не случилось. Охранники утомились и задремали. Вдруг налетело какое-то чудовище, и жена Хэ исчезла. Двери оставались закрытыми, и никто не понимал, куда она делась. Отправляться на поиски в горы было невозможно: в ночной тьме нельзя было увидеть собственную вытянутую руку. Но и с рассветом напасть на след не удалось.

Хэ сильно горевал, он поклялся не уходить из этих мест, пока не найдет жену; каждый день рыскал он во всех направлениях, забираясь порой очень далеко.

¹ Династия Лян — 502—556 гг. н. э.; правление под девизом «Датун» приходится на 535—545 гг.

² Оуян Хэ — отец знаменитого каллиграфа Оуян Сюня.

Прошел месяц, и однажды, на расстоянии ста ли от лагеря, среди густых зарослей он нашел расшитую туфлю своей жены; туфля выцвела от непогоды, но он ее все же узнал. Полководец сразу воспрянул духом и с удвоенным рвением принялся за поиски. Отобрав тридцать воинов и запасшись провиантом, он отправился в путь. Ночевали они в пещерах и ели под открытым небом.

Дней через десять Хэ и его воины прошли двести ли и наконец увидели на юге гору, заросшую таким густым лесом, какого они еще никогда не видели. Когда они подошли ближе, путь им преградила глубокая река, кольцом опоясавшая гору; они переправились через нее на срубленных деревьях. Сквозь густые заросли бамбука на отвесной скале мелькнуло что-то красное; слышались голоса и смех. Пробравшись через заросли виноградных лоз, воины очутились на этой скале и увидели прекрасные деревья, расположенные правильными рядами; меж ними росли невиданные цветы; внизу зеленела лужайка, мягкая, как ковер. Такой тишины и покоя они не знали на земле. К востоку возвышались каменные ворота, за ними пели и смеялись женщины в ярких шелковых одеждах. Увидев пришельцев, они замолкли, а когда Хэ и его воины приблизились, женщины спросили:

— Что вас привело сюда?

Хэ ответил. Женщины переглянулись и сказали:

— Твоя жена находится здесь уже более месяца. Сейчас она больна, но мы проведем тебя к ней.

Они миновали ворота и увидели три пещеры, огромные, как залы. Вдоль стен стояли ложа, убранные богатыми покрывалами. Жена Хэ лежала на каменном ложе, покрытом красивыми циновками; перед ней стояли редкостные яства. Но едва Хэ приблизился к жене, как она жестом приказала ему удалиться.

Тогда женщины объяснили ему:

— Мы — пленницы; некоторые томятся здесь более десяти лет. Это жилище сверхъестественного существа, оно так могуче, что и сотня воинов не справится с ним. Твое счастье, что чудовище еще не вернулось. Уходи скорее! Но если ты добудешь два кувшина крепкого вина, десяток жирных собак и побольше веревок из конопли, то мы поможем тебе убить его. Чудовище возвращается всегда в полдень. Не приходи слишком рано. Мы будем ждать тебя десять дней.

Хэ послушался их и ушел. Он и его люди вернулись в срок и принесли крепкого вина, веревки и собак.

Тогда женщины изложили ему свой план:

— Чудище любит вино и, захмелев, похваляется своей силой: велит привязать его руки и ноги к ложу шелковыми веревками, а потом разрывает их одним движением. Однажды мы скрутили его тройной веревкой, и чудище никак не могло освободиться. На этот раз мы сплетем конопляные веревки с шелком, свяжем чудище так, что оно не сможет и шевельнуться. Его тело твердое, будто железо. Есть только одно уязвимое место — всего несколько цуней ниже пупа, — чудище всегда держит его хорошо защищенным. Но удара мечом ему не вынести! — Затем женщины провели Хэ в боковую пещеру, и строго наказали ему: — Это кладовая для припасов. Спрячься здесь и жди. А мы поставим вино среди цветов, в роще разложим собак и, когда наша хитрость удастся, позовем тебя. Тогда уж не медли!

Хэ сделал так, как говорили женщины, и ждал затаив дыхание.

В полдень над горой появилось что-то белое, как шелк, и словно на крыльях опустилось на землю. Вскоре в пещеру вошел мужчина более шести чи ростом. Пышная борода спускалась ему на грудь, в руках он держал посох. Женщины увлекли его за собой. Завидя собак, он набросился на них, с жадностью высасывал кровь и кусками глотал мясо, пока не насытился. С любезными улыбками женщины наперебой подливали вино в нефритовую чашу. Выпив несколько доу¹ вина, мужчина захмелел. Женщины втащили его в пещеру, которая вскоре огласилась веселым смехом.

Прошло довольно много времени, пока наконец Хэ дождался условленного сигнала. Он вышел из засады, держа оружие наготове. Огромная белая обезьяна была привязана за все четыре лапы к ложу. Увидев человека, она рассвирепела и рванулась, сиюсь освободиться; глаза ее сверкали, как молнии. Хэ нанес ей несколько ударов, но меч отскакивал будто от железа или камня. Тогда он ударил пониже пупа, и клинок, войдя глубоко в тело, был выброшен струей крови.

— Это небо поразило меня, а не ты! — воскликнула

---

¹ Доу — мера объема, немногим более 10 л.

обезьяна.— Твоя жена беременна, но не убивай ее сына, он будет служить мудрому императору и возвеличит твой род.

Сказав это, обезьяна издохла.

Хэ обшарил пещеры и нашел множество драгоценных чаш, редких яств, сосудов с душистыми веществами, два старинных меча. Здесь было собрано все, чем дорожат люди. Тут же находились и тридцать женщин поразительной красоты. Они рассказали, что за десять лет многие пленницы, чья красота поблекла, исчезли неизвестно куда. Кроме обезьяны, они никого не видели. Обезьяна все делала сама. По утрам она мылась, в жару и в холод носила белую одежду. Ее тело поросло белой шерстью. Обезьяна постоянно читала какие-то непонятные знаки, похожие на заклинания и начертанные на деревянных дощечках. После чтения чудище прятало дощечки под каменную лестницу. В ясные дни обезьяна плясала с двумя мечами, и они летали, как молнии, сливаясь в сверкающий круг, подобный луне. Обезьяна любила плоды и орехи, а более всего собак, которых она с жадностью рвала на куски и высасывала из них кровь. Обычно с утра она улетала с быстротой ветра и за полдня могла преодолеть расстояние в несколько тысяч ли. Она могла добыть все, что хотела, и никогда не спала. В течение ночи обезьяна переходила с одного ложа на другое и к рассвету успевала обойти всех красавиц. Говорила она умно и красиво, но все же по облику это была обезьяна. В минувшую осень, когда деревья начали сбрасывать листву, она сказала с печальным вздохом:

— Духи гор недовольны мною, и наказанием будет смерть. Надо просить других духов вступиться, тогда, может быть, кара минует меня.

В прошлом месяце, незадолго до полнолуния, обезьяна развела костер на каменной лестнице и сожгла свои дощечки.

— Я прожила тысячу лет,— сказала она со вздохом,— но у меня не было сына. Сейчас, когда должен появиться сын, пришло время умереть.— Обезьяна взглянула на женщин и горько заплакала.— Эта гора недоступна для людей, с ее вершины я никогда не видела даже дровосеков. Внизу много тигров, волков и других хищников. Добраться сюда можно только по воле неба.

Хэ вернулся в свой лагерь с драгоценностями и женщи-

нами. Пленницы, помнившие, где находится их дом, отправились в родные места.

Прошел год, и жена Оуян Хэ родила сына, похожего на своего настоящего отца. Его назвали Сюнем¹. Позднее Хэ был казнен императором Ди из династии Чэнь². Его близкий друг Цзян Цзун полюбил мальчика за необыкновенный ум и взял под свое покровительство. С годами сын белой обезьяны прославился своими литературными произведениями и каллиграфией.

---

¹ Оуян Сюня описывают как безобразного, похожего на обезьяну человека.

² 557—560 гг.

ВОЛШЕБНАЯ ПОДУШКА

седьмой год правления «Кайюань»¹ даосский монах по имени Люй, постигший тайну бессмертия, по дороге в Ханьдань остановился в маленькой харчевне. Сняв шапку, распустив пояс и опершись на мешок, он сидел и отдыхал, как вдруг к нему подошел молодой человек по имени Лу, одетый в платье из грубой ткани. Верхом на вороном коне он ехал в деревню и остановился в этой же харчевне. Усевшись на одной циновке с монахом, юноша стал шутить и болтать. Потом, взглянув на свою ветхую одежду, он с глубоким вздохом сказал:

— Не везет мне в этой жизни: видно, такова уж моя судьба!

— Посмотреть на вас — вы здоровы, не знаете ни горя, ни печали. Вам бы радоваться, а вы вздыхаете о неудачах. В чем дело? — сказал монах.

— Какая это жизнь! — вздохнул Лу. — Жалкое прозябание!

— Если это не жизнь, то что вы называете жизнью? — спросил монах.

— Мужчина рождается, чтобы совершать подвиги и прославлять свое имя, — отвечал юноша, — быть полководцем или министром, задавать пиры, слушать любимую музыку, вести свой род к процветанию, а семью — к богатству, — вот что я называю жизнью! Я стремился к зна-

¹ «К а й ю а н ь» — девиз правления императора танской династии Сюань-цзуна (713—741).

ниям, совершенствовал их в странствиях, мечтал сдать экзамены. И вот, полный сил, я занимаюсь земледелием,— разве это не несчастье?

Лу замолк, и его стало клонить ко сну. В это время хозяин только что поставил варить просо. Монах достал из своего мешка подушку и передал ее молодому человеку со словами:

— Положи голову на мою подушку, и твои желания исполнятся.

Подушка была из зеленого фарфора¹, с двух сторон в ней имелось по отверстию. Только было Лу склонил к ней голову, как отверстия эти стали постепенно увеличиваться и озарились светом. Он поднялся, вошел в отверстие и очутился в своем доме.

Прошло несколько месяцев, и он взял в жены красивую девушку из богатой семьи Цуй, из Цинхэ. Лу был счастлив, каждый день он менял одежды и коней.

На другой год он сдал экзамен на степень цзиньши², получил должность в секретариате и облачился в одежды чиновника. Затем его сделали военачальником в Вэйнани, оттуда неожиданно перевели на должность цензора, а потом он получил более высокое назначение — стал секретарем по составлению важных указов. Через некоторое время он стал служить в Тунчжоу, потом был назначен наместником провинции Шэньси. Здесь он построил канал длиною в восемьдесят ли, который принес населению столько пользы, что жители поставили камень и выбили на нем перечень заслуг Лу. Затем он был правителем Бяньчжоу, надзирателем за общественным порядком в Хэнаньдао и наконец был назначен наместником столичного округа.

В этот год император начал войну с варварскими племенами Жун и Ди, чтобы вернуть свои земли. Воспользовавшись этим, туфаньский военачальник Симоло и чжунлунский Манбучжи захватили Гуачжоу и Шачжоу; как раз в это же время был убит наместник Ван Цзюнь-хуан. Все это потрясло империю.

Император вспомнил о полководческих талантах Лу и

---

¹ В старом Китае для сохранения прически пользовались валиками, сделанными из фарфора или других твердых материалов.

² Цзиньши — третья (высшая) ученая степень в старом Китае. Выдержавшие экзамен на степень цзиньши по первому разряду зачислялись в академию «Ханьлин».

назначил его старшим цензором и наместником Хэсидао. В смертельной битве Лу уничтожил семь тысяч варваров, отвоевал у них девятьсот ли земель, возвел три больших стены для охраны границ. Жители этих мест поставили на горе Цзюйяньшань камень в честь его подвигов.

Лу вернулся ко двору, заслуги его были занесены в анналы, а сам он удостоился самых высоких почестей. Его назначили в управление по гражданским делам, затем начальником управления по сбору налогов и одновременно летописцем императора. При дворе его уважали, народ любил его.

Завистники распустили о нем вздорные слухи, и Лу был назначен правителем в Дуаньчжоу. Через три года его вернули ко двору и назначили советником императора. Вскоре Лу стал во главе императорского совета и в течение десяти с лишним лет вершил государственные дела совместно с секретарем совета Сяо и советниками Сун Бэем и Гуан Тином. Случалось, что в один день он получал по три секретных приказа от императора, всегда помогал ему мудрым советом и был назначен главным советником.

Другие советники из зависти оклеветали его. Был издан приказ о заточении Лу в тюрьму. Стражники уже были у ворот, чтобы схватить его. В отчаянье Лу сказал жене и сыновьям:

— У нашей семьи в Шаньдуне было пять цин¹ хорошей земли, и этого было достаточно. И зачем мне нужны были почести, принесшие мне столько горя? Как бы я хотел ехать на вороном коне, в простом платье в Ханьдань. Увы, это невозможно!

Выхватив меч, он хотел заколоть себя, но жена не дала ему сделать это.

Все сторонники Лу были казнены, только он избежал казни благодаря заступничеству одного из евнухов и был лишь сослан в Хуаньчжоу.

Через несколько лет император, узнав, что Лу невиновен, вернул его из ссылки, назначил начальником правительственного совета, пожаловал ему в удел княжество Янь, не забыв оделить его и другими милостями.

У Лу было пять сыновей: Цзянь, Чуань, И, Вэй и Ци. Это были одаренные люди. Старший, Цзянь, получил

¹ Цин — мера площади, около 6,67 га.

степень цзиньши и служил в управлении наград; Чуань стал цензором; Вэй ведал храмом предков императора; Ци был правителем в Ваньнянь; И — самый смысленный, в двадцать восемь лет стал доверенным советником императора. Все они взяли в жены девушек самых знатных родов. И было у него более десяти внучат. Дважды Лу ссылали в пограничные местности и снова призывали ко двору. Он жил то в столице, то на окраинах; в течение пятидесяти с лишним лет он то подвергался опале, то получал награды. Лу был расточителен и предавался удовольствиям. Его внутренние покои были полны певиц и танцовщиц удивительной красоты. Тучные земли, усадьбы, красивые женщины, быстрые кони — все было к его услугам. В последние годы Лу одряхлел, несколько раз просил разрешения уйти в отставку, но каждый раз получал отказ императора. Он заболел, — и посланцы императора один за другим спешили узнать о его здоровье. Его лечили знаменитые врачи, но все было напрасно. Чувствуя, что смерть близка, Лу просил передать императору:

— Я родился в Шаньдуне, я познал радость, владея полями и садами. Случай выдвинул меня в ряды высших сановников. Я изведал опалу и милости, я был военачальником на чужбине и возвращался ко Двору советником. В этом круговороте жизни я не замечал, как бежали годы. Но несмотря на милости императора, я не стал бессмертным. Живя в вечных тревогах, я не заметил, как подкралась старость. В этом году мне исполнилось восемьдесят лет, я занимаю высокий пост, но конец мой уже близок, — я дряхл, болезни одолевают меня, и я жду смерти. Никакой пользы я не приношу, — явите высочайшую милость, отпустите меня на покой, и я навсегда уйду из вашей священной эпохи. Безгранично благодарный и преданный, прошу этой милости.

В государственном рескрипте говорилось:

«Благодаря своим добродетелям вы удостоились звания первого советника. Вы доблестно воевали, блюли порядок и мир при дворе, благодаря вам в течение сорока лет в империи царили благоденствие и покой. Как дитя, заболевшее корью, вы через некоторое время оправитесь от болезни. Стоит ли так сильно печалиться и горевать? Сей день был отдан приказ военачальнику Гао Ли-ши скакать и справиться о вашем здоровье. Он везет иглу и

камень, которыми мы сами пользовались. Без сомнения, вы скоро поправитесь».

В ту же ночь Лу умер.

...Молодой человек потянулся и пробудился от сна. Перед ним — все та же харчевня, рядом сидит монах, и просо еще не доварилось. Юноша поднялся и сказал:

— Неужели все это сон?

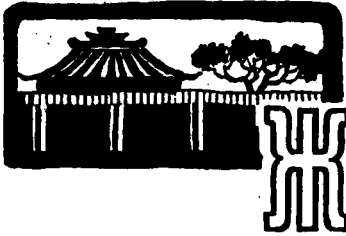
— Такова жизнь человеческая,— отвечал монах.

Лу долго размышлял в тишине и потом с благодарностью сказал:

— Наконец-то я познал пути чести и позора, рок нищеты и богатства, закономерность приобретений и утрат, тайны жизни и смерти. Вы, учитель, показали мне тщету моих желаний. Я не забуду ваших наставлений.

Он низко поклонился монаху и удалился.

энь была необыкновенная женщина.

Бывший наместник провинции Вэй Инь был девятым ребенком в семье и приходился по материнской линии внуком князю Синьяню. Юноша не отличался почтительностью и любил выпить. Был у него и приятель, женатый на его двоюродной сестре; звали его Чжэн, а фамилии его я не помню. В юности этот Чжэн изучал военное искусство и тоже любил вино и женщин. Разорившись, он поселился в семье своей жены. С Инем они были друзьями и почти всегда проводили время вместе.

В шестой месяц девятого года правления «Тяньбао»¹ друзья ехали по улицам Чаньяня, направляясь в квартал Синьчанли на пирушку. Когда они достигли южной части квартала Сюаньпин, Чжэн вспомнил, что у него есть неотложное дело, извинился перед Инем и обещал присоединиться к нему позднее, на пирушке. Инь поскакал на своем белом коне на восток, а Чжэн верхом на осле свернул к югу. Миновав северные ворота Шэнпин, он увидел трех женщин, которые шли по улице; одна из них, в белой одежде, была очень хороша собой. Покоренный ее красотой, Чжэн последовал за женщинами, то обгоняя их, то заставляя осла замедлять шаг, однако заговорить не осмеливался. Женщина в белом не сводила с него глаз, и он решил обратиться к ней с вопросом:

¹ «Тяньбао» — девиз второй половины правления императора Сюань-цзуна (742—755).

— Почему вы, такая красивая женщина, ходите по городу пешком?

— Что же делать,— смеясь, ответила та,— если никто не предлагает коня?

— Это несчастное животное недостойно носить на себе такую красавицу, но я с радостью отдам его вам, а сам пойду сзади.

Женщины переглянулись и громко рассмеялись; они держались довольно непринужденно. Чжэн последовал за ними, и, когда они достигли веселого квартала Ляюсань, уже стемнело. Возле красивого дома, окруженного глинобитной стеной с воротами, женщины остановились. Красавица в белом сказала Чжэну: «Подождите немного здесь»,— и скрылась. Одна из ее спутниц, оказавшаяся служанкой-рабыней, осталась вместе с Чжэном у ворот. Она спросила его, кто он и где живет. Чжэн ответил и в свою очередь спросил о красавице в белом.

— Зовут ее Жэнь, она двадцатая в семье,— ответила служанка.

Через некоторое время Чжэна пригласили войти. Он привязал осла у ворот, а шапку положил на седло. Женщина лет тридцати вышла приветствовать его. Он решил, что это старшая сестра Жэнь.

Светильники ярко горели, начался пир. Когда было выпито несколько чаш вина, Жэнь переделась и всячески старалась развлечь гостя. Было выпито много вина, все развеселились. Глубокой ночью Чжэн и Жэнь уединились, и он имел возможность убедиться в том, что Жэнь божественно сложена, а песни ее и смех опьяняют, как вино. Не верилось, что всеми этими прелестями обладает смертная женщина. Перед рассветом Жэнь сказала:

— Тебе пора уходить. А мне и моей сестре надо с самого утра быть в цзяотан¹.

Условившись о следующей встрече, Чжэн удалился.

Ворота квартала были еще закрыты. Поблизости находилась харчевня, хозяин которой, родом с севера, с помощью светильника разводил огонь в очаге. Чжэн вошел в харчевню, чтобы поболтать с хозяином, пока не откроют ворота.

— Кто живет в том здании, к востоку отсюда? — спросил Чжэн, указывая на дом, где он недавно был.

---

¹ Так назывались в танскую эпоху государственные заведения, в которых обучались певицы, танцовщицы и музыканты.

— Этот дом необитаем, в нем никого нет,— ответил хозяин.

— Но я только что проходил мимо него и видел, что там живут,— настаивал Чжэн.

Тогда хозяин, о чем-то вспомнив, воскликнул:

— А, знаю! Там есть лиса, которая завлекает мужчин. Ее видели раза три. Уж не она ли попалась вам на глаза?

— Нет,— сказал Чжэн, покраснев, и поспешно вышел.

Он вернулся и снова осмотрел дом, глинобитную стену и ворота,— все было по-прежнему. Он заглянул внутрь и увидел буйно растущую траву, заглушившую цветники.

Когда Чжэн вернулся домой, Инь пожурил его за то, что он не сдержал своего обещания. Чжэн извинился, но ничего не сказал о странной встрече. Между тем он не мог забыть красавицу, мечтал о ней и, несмотря ни на что, жаждал видеть ее снова.

Дней через десять, случайно оказавшись на западном рынке, Чжэн неожиданно столкнулся с ней около торговца платьем. Знакомая девушка-рабыня сопровождала красавицу. Чжэн окликнул ее, но Жэнь скрылась в толпе и пыталась ускользнуть. Продолжая окликать ее, он последовал за Жэнь. Только когда Чжэн нагнал ее, она остановилась и, закрыв лицо веером, сказала:

— Ты ведь знаешь, кто я, зачем же ищешь встречи?

— Что за беда, если даже я знаю это? — ответил Чжэн.

— Мне стыдно,— призналась Жэнь,— и тяжело встречаться с тобой.

— Как же ты могла отвергнуть меня; ведь я так тоскую!

— Почему я решила избегать тебя? Только потому, что боялась возненавидеть тебя,— отвечала Жэнь.

Чжэн клялся в любви и становился все более настойчивым. Тогда Жэнь повернулась к нему, опустила веер и предстала пред ним во всей своей красоте.

— Есть много женщин таких же, как я,— сказала она,— только ты их еще не встретил. Не смущай меня словами о том, что я — единственная.

На просьбы Чжэна о новой встрече она ответила:

— Подобных мне люди ненавидят, потому что мы не такие, как они, и якобы приносим вред. Но я не злая.

Если ты не презираешь меня, я готова до конца дней быть твоей служанкой.

Чжэн очень обрадовался и выразил желание нанять дом.

— К востоку отсюда,— сказала Жэнь,— на тихой улице есть свободный дом; его легко узнать по большому дереву, возвышающемуся над оградой. Это жилище подойдет для нас. В день нашей первой встречи тебя сопровождал мужчина на белом коне, который, простившись, поскакал к востоку; это брат твоей жены? У них дом полон мебели, и ты у него можешь кое-что взять на время.

Случилось так, что дядя Иня, уехавший надолго по делам службы, отдал ему все вещи на сохранение. Чжэн нашел дом, о котором говорила Жэнь, и обратился с просьбой к своему другу одолжить ему кое-что из мебели. Тот спросил, зачем ему понадобились эти вещи.

— Недавно я обрел красавицу,— отвечал Чжэн,— арендовал дом для нее, и теперь нужна мебель.

— Судя по выражению твоего лица, тут какая-то тайна. Как тебе удалось овладеть такой красивой женщиной? — смеясь, сказал Инь.

Он послал одного из своих преданных слуг отвезти постели, занавеси и другие вещи по указанному адресу, наказав ему все высмотреть. Вскоре слуга прибежал обратно, запыхавшись и обливаясь потом.

— Есть там женщина? Какая она? — спросил Инь.

— Необыкновенная! — отвечал слуга. — Я никогда не видел подобной красавицы!

Среди своих многочисленных родственниц и во время беспутных походов Инь встречал многих красивых женщин.

— С кем же ее можно сравнить? — спросил он.

— Ни с кем! — отвечал слуга.

Инь назвал имена четырех или пяти самых красивых женщин, но слуга твердил, что никто не может сравниться с Жэнь.

В то время первой красавицей считалась шестая дочь князя У, приходившаяся двоюродной сестрой жене Иня.

— А с шестой дочерью князя У можно ее сравнить? — спросил Инь.

— Ни с кем! — отвечал слуга.

— Неужели в Поднебесной может быть такая красавица? — воскликнул Инь, в изумлении всплескивая руками.

Он приказал принести воды, чтобы омыть шею, надел новую шапку, подкрасил губы и направился к Чжэну. Того не оказалось дома. Войдя в ворота, Инь увидел молодого слугу, подметавшего двор, и служанку, стоявшую в дверях; больше никого не было видно. Он спросил слугу, где хозяин. Юноша улыбнулся и ответил:

— Дома никого нет.

Инь бросил взгляд внутрь дома и увидел в одной из дверей красную юбку: это Жэнь пряталась за ширмами. Инь вытащил ее на свет и оглядел. Красавица оказалась еще прекраснее, чем он слышал о ней. Обезумев от любви, он набросился на нее. Жэнь сопротивлялась, Инь крепко прижимал ее к себе. Наконец она сказала:

— Я покорюсь вам. Только дайте мне вздохнуть.

Тем не менее, когда Инь снова привлек Жэнь к себе, она оборонялась по-прежнему; так повторилось раза четыре. Наконец Инь, собрав все свои силы, сломил ее сопротивление. Жэнь ослабела, вся покрылась потом. Она знала, что ей не спастись, тело ее обмякло, лицо исказила мука.

— Почему у тебя такой несчастный вид? — спросил Инь.

— Мне жаль Чжэна, — с глубоким вздохом отвечала Жэнь.

— Отчего ты так говоришь? — спросил Инь.

— Он шести чи росту, — был ответ, — а не может защитить женщину. Разве это мужчина! Вы же молоды и богаты, у вас много красивых наложниц, и таких, как я, вы встречали много. А Чжэн беден. Я — единственная, кого он любит. Как же вы, — у кого с избытком есть чем заполнить свое сердце, — как вы решаетесь отнимать у человека единственную радость? Он беден и не может быть самостоятельным, он носит ваше платье, ест вашу пищу, и поэтому он в вашей власти. Если бы он был богат, не случилось бы того, что произошло.

Инь был человек воспитанный, наделенный к тому же чувством справедливости; слушая ее, он отступил, овладел собой и, извиняясь, сказал:

— Не гневайтесь.

И когда Чжэн вернулся, Инь сердечно приветствовал его.

С этих пор Инь посылал Жэнь все необходимое. Красавица часто в носилках или верхом на коне отправлялась на прогулку. Инь всегда сопровождал ее, и оба были это-

му очень рады. Они стали друзьями, но никогда не переходили границ дозволенного. Инь любил и уважал ее, не докучая ей; ел он или пил — он не мог ее забыть.

Догадавшись о его любви, Жэнь однажды сказала ему: — Я смущена проявлением ваших чувств. Я недостойна такой доброты, к тому же не хочу изменить Чжэну, поэтому не могу ответить на ваши желания. Я родом из провинции Шэньси, воспитывалась в столице; семья наша — потомственные артисты, все мои родственницы — наложницы богатых людей, которым хорошо известны в Чанъани все женщины. Если вам понравится какая-нибудь девушка, и вы сами не сумеете добиться ее, я приведу ее вам. Быть может, я этим отплачу за вашу доброту.

— Прекрасно! — отвечал Инь.

Женщина по имени Чжан, торговавшая на рынке платьями, нравилась Иню цветом лица и тонкой фигурой. Поэтому он спросил Жэнь, — знакома ли она с ней.

— Она моя двоюродная сестра, — отвечала Жэнь, — и получить ее будет легко.

Дней через десять она привела эту женщину к Иню. Прошло несколько месяцев, торговка наскучила Иню, и Жэнь сказала:

— Девушку с рынка заполучить легко. Если бы вам нравилась какая-нибудь очень красивая и трудно доступная женщина, я сделала бы для вас все, что в моих силах.

— Недавно, во время весеннего праздника, я отправился со своими друзьями в храм Цяньфо, — сказал Инь. — В зале нам удалось послушать музыкантов генерала Дяо. Среди них была девушка лет шестнадцати, искусно игравшая на свирели: локоны закрывали ее уши. Девушка эта была очень красива. Вы знаете ее?

— Она наложница генерала, — отвечала Жэнь, — ее мать моя двоюродная сестра. Вы получите эту девушку.

Инь почтительно поклонился.

Жэнь стала часто бывать в доме генерала Дяо. Прошел целый месяц, и Инь, полный нетерпения, осведомился о ее замыслах. Жэнь потребовала два куска шелка для подкупа, и он тут же выполнил ее просьбу. Через два дня, когда Жэнь и Инь вместе обедали, прибыл слуга с вороным конем, посланным генералом, который просил хозяйку дома пожаловать к нему. Жэнь, улыбаясь, сказала Иню:

— Дело идет на лад.

Оказалось, что наложница занемогла, и медицина не

в силах побороть ее болезнь. Инь подумал, что все это подстроила Жэнь. Мать девушки и генерал обезумели от горя и решили позвать предсказателя. Жэнь, тайно подкупив предсказателя, велела, чтобы он посоветовал перенести девушку к ней в дом. Осмотрев больную, предсказатель молвил:

— Девушке нельзя оставаться здесь. Чтобы обрести исцеление, ей надо переселиться в дом, находящийся к юго-востоку отсюда.

Генерал и мать девушки разузнали о месте, указанном предсказателем,— это был дом Жэнь. Генерал попросил у нее разрешения поместить в доме больную девушку. Сначала Жэнь отказывалась, ссылаясь на то, что в ее комнатах тесно, но потом, будто уступая настойчивым просьбам, согласилась. Тогда девушка в сопровождении матери была привезена в дом Жэнь со своими одеждами и безделушками,— и сразу же выздоровела. Через несколько дней Жэнь тайно привела Иня, и месяц спустя девушка забеременела. Ее мать испугалась и поспешно вернула дочь генералу. На этом все и кончилось.

Однажды Жэнь сказала Чжэну:

— Можешь ли ты достать тысяч шесть? Я помогла бы тебе кое-что приобрести.

— Достану,— отвечал Чжэн. И он занял шесть тысяч.

— Иди на рынок,— сказала Жэнь,— у одного торговца ты увидишь лошадь с черной отметиной на ноге, купи ее.

Чжэн отправился на рынок, купил эту лошадь и привел ее домой. Братья жены посмеялись над ним.

— Ну и кляча! Зачем ты ее купил? — удивлялись они.

Через некоторое время Жэнь сказала ему:

— Пришло время продать лошадь. Ты должен взять за нее тридцать тысяч.

Чжэн повел ее на рынок. Кто-то предложил ему двадцать тысяч. Чжэн отказался.

— Почему ему предлагают так много? — дивились люди вокруг.— И почему он отказывается продать?

Чжэн сел на лошадь и вернулся домой; покупатель следовал за ним до ворот, набавлял, набавлял цену и дошел до двадцати пяти тысяч. Чжэн наотрез отказался:

— Меньше чем за тридцать тысяч не продам.

Братья жены дружно ругали его. Но Чжэн был непреклонен и в конце концов выручил за лошадь тридцать тысяч. Позднее он узнал, почему покупатель согласился на

такую высокую цену. Оказывается, он ведал императорскими конюшнями в уезде Шаоинь. Одна из вверенных ему лошадей, с черной отметиной, издохла три года назад, а ему вскоре предстояло передать должность другому. Если бы лошадь была жива и здорова, чиновник этот получил бы шестьдесят тысяч. Вот он и решил купить такую же лошадь за половину этой суммы,— тогда остальные тридцать тысяч достались бы ему. К тому же ему причитались деньги на корм лошади, которые он не расходовал три года. Вот почему он так настойчиво торговался и в конце концов купил эту лошадь.

Однажды Жэнь попросила у Иня новые одежды, так как старые износились. Инь предложил купить шелка, но Жэнь не пожелала, сказав:

— Мне нужны уже готовые платья.

Инь позвал купца по имени Чжан Да и послал его к Жэнь узнать, что она хочет. Увидев ее, купец был настолько поражен ее красотой, что позднее, встретясь с Инем, сказал ему:

— Эта женщина, без сомнения, либо из дворца императора, либо из дома знатного человека. Вы не имеете прав на нее, и я полагаю, что, вернув ее поскорее обратно, вы предотвратите несчастье.

Жэнь всегда покупала готовое платье и никогда не шила на себя, а почему — этого Чжэн и Инь не могли понять.

Прошло более года, и Чжэн был послан по военным делам в уезд Цзиньчэн округа Хуайли. С тех пор как Чжэн женился, он хоть и проводил весь день с Жэнь, но на ночь возвращался к своей жене и очень сожалел, что не может быть с Жэнь все время. Уезжая к месту своего назначения, Чжэн просил Жэнь поехать вместе с ним, но она отказалась.

— Мы будем вместе лишь около месяца,— сказала она,— невелика радость! Лучше обеспечьте меня необходимым и разрешите ждать вашего возвращения.

Никакие мольбы не помогли,— Жэнь была непреклонна. Тогда Чжэн обратился за помощью к Иню. Тот начал уговаривать Жэнь и спросил о причине ее отказа. После продолжительного колебания красавица сказала:

— Предсказатель судьбы однажды говорил мне, что в этот год поездка на запад принесет мне несчастье, вот почему я и не хочу ехать.

Но Чжэну так хотелось, чтобы Жэнь поехала вместе с ним, что он ни о чем другом не мог и думать.

— Как может такая умница, как вы, быть столь суеверной? — смеялся он вместе с Инем и настойчиво уговаривал ее ехать.

— А если предсказатель говорил правду и я погибну, разве вы не будете горевать? — ответила Жэнь.

— Ничего не случится! — твердили оба и снова настойчиво упрашивали ее.

В конце концов Жэнь согласилась. Инь дал им коней, проводил до Линьгао и здесь простился с друзьями.

На другой день они прибыли в Мавэй. Жэнь верхом на коне гарцевала впереди, за ней следом на осле ехал Чжэн, а позади — рабыня госпожи и слуги. Случилось так, что у западных ворот, на берегу реки Лочуань, вот уже в течение десяти дней лесники натаскивали охотничьих собак. Когда Жэнь проезжала мимо, из зарослей вдруг выскочила свора собак. Чжэн увидел, как Жэнь упала на землю, превратилась в лису и побежала в южном направлении, преследуемая собаками. Чжэн бросился вслед, крича на собак, но не смог отвлечь их. Пробежав ли с небольшим, собаки настигли лису и растерзали ее. Пропливая слезы, Чжэн достал деньги, выкупил у охотников останки любимой, похоронил их и рядом с могилкой срубил для памяти деревце. Потом оглянулся — конь Жэнь щипал траву у дороги, ее одежда лежала на седле, обувь и чулки свисали со стремян, как оболочка, сброшенная цикадой. Головные украшения рассыпались по земле, остальных вещей не было видно. Служанки тоже исчезли.

Дней через десять Чжэн вернулся в столицу. Инь был рад его видеть, вышел ему навстречу и спросил:

— Здорова ли Жэнь?

— Она умерла, — проливая слезы, отвечал Чжэн.

Инь опечалился, друзья обнялись и, удалившись в комнату, горько заплакали. Потом Инь стал расспрашивать о подробностях смерти.

— Ее разорвали собаки, — отвечал Чжэн.

— Как же собаки, даже свирепые, могут разорвать человека?

— Она не была человеком.

— Так кто же она? — спросил Инь, пораженный его словами.

И Чжэн рассказал ему всю историю с начала до конца. Инь удивлялся и тяжело вздыхал.

На другой день, приказав запрячь лошадей, Инь вме-

сте с Чжэном отправился в Мавэй. Они разрыли могилу, посмотрели на останки Жэнь и в великой печали вернулись обратно. Позднее, вспоминая привычки Жэнь, друзья могли отметить только то, что лишь одним отличалась она от людей — никогда не шила себе платья.

Впоследствии Чжэн стал главным инспектором и разбогател. Одно время в его конюшнях было более десяти коней. Он умер шестидесяти лет от роду.

В годы правления «Дали» я, Шэнь Цзи-цзи, жил в Чжунлине, встречался с Инем, который несколько раз рассказывал эту историю, поэтому я и запомнил ее во всех подробностях. Позднее Инь стал цензором и одновременно наместником в Лунчжоу, где и умер.

Эта история показывает, что и животным присуще человеческое! Не уступив силе, Жэнь хранила до самой смерти верность своему избраннику, в чем с нею не могут сравниться нынешние женщины. К сожалению, Чжэн был недалеким человеком, его привлекала только красота Жэнь, но он ничего не знал о ее характере. Будь он мудрым, он мог бы кое-что узнать о законах перевоплощения, о природе сверхъестественного и в изящных сочинениях поведать нам о необыкновенной любви, а не довольствовался бы только красотой своей возлюбленной. Очень жаль, что он не был мудрым!

Во второй год правления «Цзяньчжу»¹ я отправился в Цзиньбу, где получил пост советника. Моими попутчиками были генерал Пэй Цзи, помощник правителя города по имени Сунь Чэн, советник по гражданским делам Цуй Сюй и советник Лу Чунь, которые ехали из провинции Шэньси в город Сучжоу. Вскоре к нам присоединился Чжу Фан, бывший советник, путешествующий ради своего удовольствия. Мы плыли вниз по рекам Ин и Хуай, днем пируя, а по ночам рассказывая разные истории. Мои спутники были глубоко изумлены и растроганы, когда слышали историю Жэнь. Они просили меня записать эти необыкновенные события, и я, Шэнь Цзи-цзи, исполнил их желание.

---

¹ 781 г.

ДОЧЬ ПОВЕЛИТЕЛЯ ДРАКОНОВ

В годы правления «Ифэн»¹ конфуцианец по имени Лю И держал государственные экзамены, но потерпел неудачу. Он возвращался в родные места на берег реки Сян и по пути решил остановиться в Цзиньяне, чтобы повидать своего друга. Вдруг с земли взлетела птица: лошадь испугалась и понеслась. Она проскакала шесть или семь ли, прежде чем всаднику удалось остановить ее. Возле дороги он увидел девушку изумительной красоты, она пасла овец. Одетая в простое платье, девушка казалась чем-то опечаленной; она стояла, внимательно ко всему прислушиваясь, и словно ждала кого-то.

— Чем ты так опечалена? — спросил Лю.

Сначала девушка молчала и лишь благодарно улыбалась ему, но потом расплакалась.

— Как я несчастна! — воскликнула она. — Но раз ты посочувствовал мне, то могу ли я утаить от тебя глубокую ненависть, которая переполняет меня? Слушай же! Я младшая дочь Повелителя драконов озера Дунтин. Мои родители отдали меня в жены второму сыну Повелителя драконов реки Цзин, но муж мой любит удовольствия, его завлекла одна из служанок, и он с каждым днем относился ко мне все хуже и хуже. Я пожаловалась свекру и свекрови, но они слишком любят сына, чтобы встать на мою сторону. Когда я повторила свои жалобы, они разгневались и прогнали меня.

¹ 676—678 гг.

Она разрыдалась, не в силах побороть свое горе; потом, подавив волнение, продолжала:

— Озеро Дунтин так далеко! Оно там, за горизонтом, и я не могу послать весточку родителям. Сердце мое разбито, глаза не просыхают от слез, но я ничего не могу сделать, чтобы поведать родным о моем горе. Я знаю — ты возвращаешься в те края и будешь проезжать мимо озера Дунтин. Тебя не очень затруднит, если я попрошу захватить мое письмо?

— Я люблю справедливость! — отвечал Лю И. — От твоего рассказа кровь закипела во мне, я жалею лишь о том, что у меня нет крыльев и я не могу лететь туда. А ты спрашиваешь, не затруднит ли это меня! Но воды озера Дунтин глубоки; я же могу ходить лишь по пыльной земле. Как мне передать весточку? Боюсь, что не смогу ничего поведать твоим близким, потому что живем мы в разных стихиях, и я не оправдаю надежд. Или ты научишь меня, как поступить?

— Как ты добр! — сказала девушка, все еще плача. — Если я когда-нибудь получу ответ, я отблагодарю тебя, даже если это будет стоить мне жизни. Пока ты не согласился сам отправиться к моим родителям, я не смела сказать тебе, как их найти. Путь к ним не более труден, чем в столицу.

Лю спросил, как ему надо действовать, и она пояснила:

— К югу от озера растет огромное апельсиновое дерево, посвященное богу-хранителю этой местности. Ты наденешь пояс, который я тебе дам, и трижды ударишь по стволу. На зов кто-нибудь придет, и если ты последуешь за ним, то не встретишь никаких препятствий. Когда увидишь моих родителей, расскажи им все, что слышал от меня, ничего не упуская, потому что в письме всего не опишешь.

— Я исполню все твои желания, — отвечал Лю.

Девушка достала из складок одежды письмо и передала его Лю, все время глядя на восток и безудержно рыдая, чем глубоко растрогала Лю.

Положив письмо в свой мешок, Лю спросил:

— А почему ты пасешь овец? Разве боги тоже едят их?!

— Нет, — отвечала девушка, — это не овцы, это существа, приносящие дождь.

— Кто же они?

— Громы и молнии.

Лю посмотрел на животных внимательнее и заметил, что, двигаясь, они высоко держат головы и как-то по-особенному щиплют траву. Больше они ничем не отличались от обычных овец: у них были такие же рога и шерсть.

— Теперь я твой посланец,— сказал Лю.— Надеюсь, когда ты вернешься к своим родителям, ты не будешь избегать меня.

— Не только не стану избегать,— отвечала девушка,— но буду принимать тебя как родственника.

Они простились, и Лю отправился на восток. Проехав несколько десятков шагов, он оглянулся, но девушка и овцы исчезли.

Вечером того же дня он прибыл в город Цзиньян и простился со своим другом. Через месяц он добрался до своего дома, приветствовал родных и сразу же отправился к озеру. Переменив пояс, он повернулся лицом к дереву, трижды ударил по стволу и стал ждать. Из волн поднялся воин и, поклонившись, спросил:

— Зачем ты явился сюда, благородный пришелец?

— Увидеть твоего повелителя,— отвечал Лю, не рассказывая, что привело его сюда.

Волны расступились, образовался проход, по которому воин повел Лю, сказав:

— Закрой глаза — и ты мигом перенесешься туда.

Лю повиновался и очутился во дворце. Башни и беседки, уходящие вдаль и соединенные бесчисленными арками и воротами, диковинные растения и деревья предстали перед Лю. Воин провел его в большой зал и сказал:

— Подожди здесь, пришелец.

— Где я нахожусь?

— Во дворце Божественной Пустоты.

Оглядевшись, Лю увидел множество предметов, которые на земле считаются драгоценными. Колонны были из белого нефрита, ступени из изумруда, ложа из коралла, ширмы из хрусталя, притолоки из резного стекла, пестрые балки отделаны янтарем. Невозможно описать удивительную и таинственную красоту дворца.

Повелитель драконов все не появлялся, и Лю спросил у воина:

— Где же владыка озера Дунтин?

— Он сейчас в павильоне Непостижимого Жемчуга, там жрец Солнца объясняет ему книгу Огня. Он скоро выйдет,— был ответ.

— Что это за книга Огня?

— Наш владыка — дракон,— отвечал воин.— Его стихия — вода, и одной ее каплей он может затопить горы и долины. Жрец — человек, а стихия человека — огонь, он может одной искрой спалить дворец Афан¹. Поскольку свойства этих стихий не одинаковы, то и действие их различно. Жрецу Солнца ведомы законы огня, и наш владыка пригласил его, чтобы познать эти законы.

Только он кончил говорить, как распахнулись ворота дворца и появился человек в пурпурной одежде с изумрудной пластинкой в руках.

— Это наш повелитель,— сказал воин, вскакивая.

Он приблизился к своему владыке и доложил о прибытии Лю. Повелитель драконов посмотрел на пришельца и спросил:

— Не из мира ли смертных ты явился?

— Оттуда,— отвечал Лю, поклонившись.

Владыка приветствовал его и пригласил сесть.

— Наше водное царство мрачно, а обитатели его необразованны,— сказал он.— Что заставило тебя проделать такой долгий путь?

— Я из ближних мест, где тебя чтут как бога-покровителя,— сказал Лю.— Я родился в Чу, учился в Цинь. Потерпев неудачу на экзаменах, я ехал недавно вдоль реки Цзин и увидел твою дочь, пасшую в диком месте овец. На нее, не защищенную от ветра и дождя, нельзя было смотреть без жалости. Я спросил, что с нею случилось, и она рассказала, что до такого положения ее низвели пренебрежение мужа и равнодушие его родителей. Ее слезы могли бы растрогать любого человека. Она вверила мне письмо, которое я обещал доставить вам. Поэтому я и пришел.

Лю вынул письмо и передал его Повелителю драконов. Прочитав послание, тот закрыл лицо руками, заплакал и сказал:

— Я сам виноват в том, что был глух и слеп, как человек, и не знал, что бедная дочь моя терпит страдания. Только ты, пришелец, смог прийти ей на помощь в труд-

---

¹ Дворец Афан, имевший несколько сот ли в окружности, построен Цинь Ши Хуан-ди в III в. до н. э.

ную минуту. Пока жив, я никогда не забуду твоей доброты.

Он долго еще плакал и вздыхал, и вся свита его тоже утирала слезы. Затем он велел еврею отнести письмо во внутренние покои дворца к женщинам. Через некоторое время оттуда послышался громкий плач. Повелитель драконов вздрогнул и сказал слугам:

— Скажите им, чтобы они не стонали так громко,— как бы Цянь Тан не узнал о случившемся.

— Кто такой Цянь Тан? — спросил Лю.

— Это мой младший брат. Он был Повелителем реки Цяньтан, но теперь отстранен от дел.

— Почему же ты хочешь, чтобы он ничего не знал? — спросил Лю.

— Потому, что он страшен во гневе. Десятилетнее наводнение во времена правления Яо¹ — следствие его гнева. Недавно он поссорился с небесными владыками и разрушил у них пять гор. Ради меня и моих заслуг в прошлом Шан-ди, Повелитель неба, простил моего брата. Он должен все время находиться здесь, хотя люди с берегов реки Цяньтан каждый день ждут его возвращения.

Не успел Повелитель драконов договорить, как раздался страшный грохот,— казалось, расколосось небо и разверзлась земля. Дворец задрожал до основания и окутался дымом. Затем появился красный дракон длиной более чем в тысячу чи, глаза его сверкали молниями, высунутый язык был кроваво-красен. Его шею обвивала золотая цепь, которой он был прикован к нефритовой колонне. Вокруг него гремел гром, сверкали молнии, падали снег, дождь и град. А через миг дракон исчез в голубом небе.

От испуга Лю упал на землю. Повелитель драконов сам поднял его и сказал:

— Не бойся, он не причинит тебе вреда.

Прошло довольно много времени, пока Лю оправился от испуга и успокоился. Тогда он попросил разрешения удалиться.

— Мне лучше уйти, пока я в состоянии двигаться, ибо я не смогу пережить еще раз такое.

— Нет нужды покидать нас,— возразил Повелитель

---

¹ Яо — легендарный правитель древнего Китая (2356—2255 гг. до н. э.).

драконов.— С таким шумом мой брат удаляется, а возвращается он по-другому. Потерпи еще немного.

По его приказу принесли вина, и они выпили за дружбу.

Вскоре подул легкий ветерок, показалось сверкающее облако. Среди развевающихся флажков, под нежные звуки свирели появились, смеясь и разговаривая, тысячи девушек в ярких одеждах, позванивая нефритовыми украшениями. Среди них была одна с красивыми тонкими бровями, в расшитых одеждах, увешанных сверкающими драгоценностями. Когда она подошла ближе, Лю увидел, что это та самая девушка, которая давала ему письмо. Сейчас она плакала от радости. Озаряемая розовым сиянием слева и пурпурным справа, девушка прошла во внутренние покои, распространяя вокруг благоухание.

Повелитель драконов рассмеялся и сказал Лю:

— Явилась затворница с реки Цзин.

Извинившись перед гостем, он ушел во внутренние покои, откуда слышались радостные восклицания. Вскоре он вернулся и продолжал пить и есть вместе с Лю.

Через некоторое время вошел человек в пурпурной одежде с изумрудной табличкой в руках и встал слева от Повелителя драконов; он казался сильным и смелым.

— Это Повелитель реки Цяньтан,— сказал Повелитель драконов.

Лю поднялся и приветствовал прибывшего, тот в свою очередь поклонился и сказал:

— Моя несчастная племянница была оскорблена молодым негодяем. Благодаря твоему благородству мы узнали, каким обидам она подвергалась. Если бы не ты, ее давно занесло бы песком реки Цзин. Нет слов, которые могли бы выразить тебе, пришелец, нашу признательность.

Лю поклонился и поблагодарил его. Затем тот сказал, повернувшись к своему старшему брату:

— Утром я покинул дворец, через час я был уже у реки Цзин, в полдень началась битва, и вот спустя час я уже здесь. На обратном пути я поднялся на девятое небо и доложил Повелителю Шан-ди о случившемся. Когда он узнал о такой несправедливости, он простил мою поспешность, а также и мои прошлые проступки. Мне очень стыдно, что гнев заставил меня забыть попроситься с вами, я нарушил покой во всем дворце и взволновал нашего до-стопочтенного гостя.

И он поклонился еще раз.

— Сколько же человек ты убил? — спросил Повелитель драконов.

— Шестьсот тысяч, — отвечал брат.

— Сколько уничтожил посевов?

— Восемьсот ли.

— А где этот негодяй, ее муж?

— Я съел его.

— Поступки этого недостойного юнца были действительно нетерпимы, — сказал Повелитель драконов, хмуря брови. — Но и ты слишком поторопился. Счастье, что владыка неба Шан-ди вездесущ и, увидев зло, причиненное нам, помиловал тебя. В противном случае что бы я мог сказать в твою защиту? В будущем ты не должен поступать так безрассудно.

Повелитель реки Цяньтан поклонился еще раз.

Ночь Лю провел в Зале Морозного Света. На другой день его угощали во дворце Морозной Лазури, где собрались друзья и домочадцы Повелителя драконов.

Сначала под звуки труб, рогов и барабанов танцевали десять тысяч воинов с флагами, мечами и трезубцами. Один из них вышел вперед и возгласил:

— Это подвиги Повелителя реки Цяньтан.

Представление было так воинственно и устрашающе, что у зрителей волосы встали дыбом.

Затем под звуки гонгов и струнных инструментов, сделанных из бамбука и камня, тысяча девушек в узорчатых шелках, жемчугах и перьях начали танец. Одна из них вышла вперед и объявила:

— Это возвращение во дворец дочери Повелителя драконов.

Музыка была так нежна и трогательна, что слушатели невольно заплакали.

Повелитель драконов пришел в хорошее расположение духа и одарил танцевавших белыми и цветными шелками. Затем пировавшие опять принялись за вина и яства.

Когда все изрядно выпили, Повелитель драконов ударил по столу и запел:

Небес лазурный океан,
Безбрежные земные дали.
Как мы могли из дальних стран
Проведать о ее печали?

Коварный лис к земле приник
В норе своей хотел укрыться,
Но гром вдруг грянул и настиг
Его карающей десницей!
Чист сердцем и душою прям,
Не оступившись пред пучиной,
Ты оказал услугу нам —
Вернулась дочь под кров родимый.
Увы! Не знаем мы, как быть,
Как нам тебя благодарить?

Вслед за Повелителем драконов поднялся Повелитель реки Цяньтан и с поклоном запел:

На небе все предрешено.
Рок счастье шлет и испытанья.
В любви ей было суждено
Найти не радость, а страданья.
Вдоль быстрой Цзин она брела,
Обиды сердце ей терзали,
Невзгодам не было числа,
И меры не было печали.
О том, что вынесла она,
Ты нам поведал, досточтимый.
Вновь, как в былые времена,
Она на родине любимой.
И нам, доколе будем жить,
Твоей услуги не забыть!

После этой песни оба Повелителя протянули свои кубки Лю. Тот, немного помедлив, принял их, осушил и, вернув кубки, запел:

Плывут спокойно облака,
Стремятся воды Цзин к востоку.
Печаль прекрасной глубока,
Она обижена жестоко.
Я весть из дальней стороны
Принес — пусть ваша грусть растает.
Обиды все отомщены,
И снова дочь ваш взор ласкает.
Я тронут вашей добротой
И благородством очарован.
Царит здесь благостный покой,
Но путь иной мне уготован.
Дворец покину скоро я,
О, как скорбит душа моя!¹

Когда Лю закончил, все громко выразили свое одобрение.

¹ Все три песни этой новеллы переведены М. Степановым.

Повелитель драконов достал изумрудную коробочку с бивнем носорога, обладавшим свойством покорять водную стихию, а Повелитель реки Цяньтан — круглую янтарную пластинку, в которой была жемчужина, блистающая в ночи,— эти подарки они передали Лю. Юноша с благодарностью принял их. Затем все, находившиеся во дворце, стали складывать около Лю шелковые ткани, драгоценные камни и делали это до тех пор, пока он не был совсем завален сверкающими подарками. Лю улыбался и без усталости шутил со всеми. Изрядно выпив, он извинился и в хорошем расположении духа ушел спать в зал Морозного Света.

На другой день он снова был приглашен в павильон Прозрачного Света. Повелитель реки Цяньтан, захмелев, сказал:

— Ты, должно быть, слышал, что крепкий камень можно разбить на куски, но нельзя замесить, как глину, а честного человека можно убить, но нельзя опозорить? Хочу кое-что предложить тебе. Если ты согласишься, то мы вместе будем парить в облаках, если нет,— нас засыплют землей. Что на это скажешь?

— Я хотел бы услышать, в чем дело,— отвечал Лю.

— Как тебе известно, любимая дочь Повелителя драконов была женой негодяя,— сказал Повелитель реки Цяньтан.— У нее добрый нрав и много других достоинств, ее почитают все родственники. К несчастью, она стала женой недостойного и претерпела много стыда. Теперь с этим покончено. Мы хотели бы отдать ее тебе и навсегда породниться с тобой. Таким образом, та, что многим обязана тебе, будет твоею, а мы, которые любим ее, будем знать, что она в хороших руках. Разве благородный человек останавливается на полпути?

Лю в негодовании встал и презрительно рассмеялся:

— Я бы никогда не подумал, что Повелителю реки Цяньтан могут прийти в голову такие недостойные мысли! Говорят, чтобы дать выход своему гневу, вы пронеслись над девятью округами и разрушили пять гор; я сам видел, как вы порвали золотую цепь и спасли свою племянницу. Думаю, нет на свете никого, кто бы был храбрее и справедливее вас. Вы не думаете о гибели, когда караете несправедливость, и не дорожите жизнью ради тех, кого любите. Это и есть величие настоящего мужа! Почему же в то время, когда играет музыка и у хозяина и у гостя хорошее

настроение, вы, позабыв приличия, пытаетесь силой навязать мне свою волю, вопреки моей совести? Этого я никак не ожидал! Встреть я вас среди разбушевавшихся волн или в мрачных горах, с развевающимися усами, окутанного облаками и дождем и грозящего мне смертью, я принял бы вас за дикого зверя и не противился бы. Но сейчас на вас одежда и шапка, вы рассуждаете о высокой нравственности и выказываете глубокое понимание человеческого естества и людских путей. Вы можете быть учтивее многих достойных людей, живущих на земле, не говоря уже о чудищах вод. Несмотря на это, вы хотите воспользоваться своей силой и буйным нравом и под тем предлогом, что вы пьяны, принудить меня согласиться на ваше предложение. Ведь это насилие! Я, конечно, существо ничтожное, которое вы, повелитель, можете раздавить одним ногтем. Тем не менее я отважусь непреклонным сердцем победить столь несправедный гнев. Жду вашего решения!

Повелитель реки Цяньтан, извиняясь, сказал:

— Я вырос в этом дворце и никогда не слышал таких правдивых речей. Мои слова были неразумны, я оскорбил вас. Очень сожалею об этом — я заслужил наказание. Надеюсь, вы простите меня и не будете гневаться.

Эту ночь, как и предыдущую, они весело пировали вместе и скоро стали друзьями.

На другой день Лю попросил отпустить его. Жена Повелителя драконов в честь спасителя дочери устроила пир, на котором присутствовали все обитатели дворца. Обращаясь к Лю и проливая слезы, жена Повелителя драконов сказала:

— Вы так много сделали для нашей дочери, а мы ничем не можем отблагодарить вас. Как жаль, что вы должны покинуть нас!

Она велела дочери подойти и поблагодарить Лю. Потом спросила:

— Встретимся ли мы еще когда-нибудь?

Сейчас Лю жалел о том, что не согласился на предложение Повелителя реки Цяньтан, и был очень грустен. После пира, когда Лю прощался, весь дворец наполнился печалью. Ему преподнесли редчайшие драгоценности, описать которые невозможно.

Уже знакомым путем Лю выбрался на берег и увидел, что за ним следует более десяти слуг с его вещами; слуги проводили его до дома и простились.

Как-то Лю отправился в Гуанлин к торговцу драгоценностями, чтобы продать кое-что из своих сокровищ. Лишь за сотую часть их он получил столько, что стал богаче всех к западу от реки Хуай.

Лю взял себе в жены девушку из семьи Чжан, но она вскоре умерла; он женился на девушке из семьи Хань, но через несколько месяцев она тоже умерла. Тогда он переселился в Цзиньлин. Одиночество томило его, и он решил снова жениться. Одна сваха сказала ему:

— Есть девушка в семье Лу из Фаньяна. Ее отец, Лу Хао, был правителем в Цинлю. В преклонном возрасте он захотел постичь философию даосов и отправился странствовать; никто не знает, где он теперь. Мать девушки из семьи Чжэн. В позапрошлом году девушку выдали замуж в семью Чжан из Тинхэ, но, к несчастью, муж ее умер. Она молода, воспитанна и красива, поэтому мать хочет выдать ее за благородного человека. Желаеть ты ее в жены?

В благоприятный для бракосочетания день Лю женился на этой девушке. С этих пор они жили в довольстве, добра у них было много, и в Цзиньлине они пользовались уважением.

Однажды вечером, спустя месяц после женитьбы, Лю вернулся домой и был поражен сходством жены с дочерью Повелителя драконов, но жена его казалась более цветущей и красивой. Он рассказал ей о том, что произошло с ним в прошлом.

— Разве может такое случиться со смертным? У нас скоро будет ребенок.

Лю стал еще больше заботиться о своей жене. Через месяц родился ребенок. Мать надела лучшие одежды и драгоценности, пригласила родственников.

— Не помнишь ли ты о нашей встрече в прошлом? — спросила она у мужа в присутствии приглашенных.

— Однажды мне пришлось быть посланцем дочери Повелителя драконов, — отвечал Лю, — я этого никогда не забуду.

— Я и есть дочь Повелителя драконов, — сказала жена. — Мой прежний муж оскорбил меня, а ты спас. Я поклялась отблагодарить тебя за твою доброту. Когда мой дядя, Повелитель реки Цяньтан, предложил тебе жениться на мне и ты отказался, я заболела от огорчения. Мы разлучились и жили в разных стихиях. Я не могла дать тебе знать о себе. Потом мои родители захотели выдать

меня замуж за юного повелителя реки Чжоузинь, но я осталась верна тебе. Хотя ты отказался от меня и не было надежды увидеть тебя снова, я скорее умерла бы, чем разлюбила тебя. Мои родители сжалились надо мной и решили снова обратиться к тебе. Но ты был женат сначала на девушке из семьи Чжан, потом на девушке из семьи Хань. Когда они, одна за другой, умерли и ты поселился здесь, мои родители решили, что женитьба возможна. Я не надеялась, что когда-нибудь стану твоей женой. Сейчас я счастлива так, что готова умереть, ни о чем не горюя.— Она расплакалась и продолжала: — Я не говорила тебе раньше, кто я, ибо знала, что твое сердце равнодушно к женской красоте. Но сейчас я могу сказать, потому что знаю твои чувства. Я не настолько хорошая жена, чтобы навсегда овладеть твоим сердцем, только надеюсь, что любовь к ребенку удержит тебя. Мне хотелось бы узнать твои чувства, тогда я буду спокойна. Беря мое письмо, ты улыбнулся и сказал: «Когда вернешься в озеро Дунтин, не избегай встречи со мной!» Ты хотел, чтобы мы стали в будущем мужем и женой? А потом, когда мой дядя предложил жениться на мне, ты действительно не желал этого или был оскорблен чем-нибудь? Скажи мне все!

— Когда я впервые встретил тебя на берегу реки, ты показалась мне несчастной и печальной, и я пожалел тебя,— отвечал Лю.— Но в то время мне хотелось лишь помочь тебе. Правда, я сказал, что надеюсь — ты не будешь избегать в будущем встречи со мною, но это были обычные слова, за которыми не скрывалось никакого намека. Твой дядя, Повелитель реки Цяньтан, попытался силой женить меня; я почувствовал, что он хочет запугать меня, и разгневался. Я всегда поступаю справедливо, разве я мог жениться на женщине, чей муж погиб из-за меня? Это первая причина моего отказа. Я всегда был честен, мог ли я действовать против своей совести? Это вторая причина моего отказа. Во время пира я от всего сердца говорил только о справедливости и не боялся Повелителя реки Цяньтан. Когда же наступило время расстаться и я увидел тебя опечаленной, то раскаялся в своих словах. Покинув озеро, я занялся мирскими делами, и у меня не было возможности передать тебе слова любви и благодарности. Теперь ты находишься в семье Лю, живешь среди людей, сомнения мои исчезли. Так пусть наша любовь будет вечной, без страхов и подозрений.

Жена была глубоко тронута речами мужа и долго плакала. Потом сказала:

— Не надо думать, что раз я из другого мира, то у меня нет чувства благодарности. Я хочу вознаградить тебя за твою доброту. Драконы живут десять тысяч лет, и я разделю мое долголетие с тобой: сделаю так, что водные стихии будут покорны тебе, как суша. Не думай, что это только слова.

— Я не знал, что ты сможешь продлить мою жизнь,— улыбнулся Лю.

Они отправились на озеро Дунтин. Там их встретили с большим почетом. Но об этом рассказывать не стоит.

Потом супруги в течение сорока лет жили в Наньхае. Их дому, лошадям, пирам и одежам позавидовал бы сын императора; Лю имел возможность помогать всем родственникам. Его неувядающая молодость удивляла местных жителей.

В годы правления «Кайюань» император захотел узнать секрет долголетия и разослал по всей стране гонцов искать людей, сведущих в этом искусстве. Дорожа покоем, Лю с женой вернулись на озеро Дунтин. В течение десяти с лишним лет никто о них ничего не знал.

В последние годы правления «Кайюань» двоюродный брат Лю по имени Сюэ Гу покинул свой пост в столице и отправился на юго-восток. Ясным днем он переплывал озеро Дунтин и вдруг увидел вдалеке, среди волн, зеленую гору.

— Здесь никогда не было острова, это, наверное, водяное чудище,— сказал Сюэ Гу, отпрянув в страхе.

Когда он приблизился к горе, от нее отделилась украшенная лодка и быстро поплыла навстречу. Люди, сидевшие в ней, окликнули Сюэ по имени. Один из них крикнул:

— Господин Лю шлет тебе привет!

Сюэ Гу понял в чем дело. Он направил лодку к подножью горы, вышел и, подобрав полы халата, стал подниматься вверх. Там были дворцы, такие же, как на земле. В одном из них он встретил Лю. Перед ним расположились музыканты, за его спиной — украшенные драгоценностями девушки, которые были гораздо красивее земных. Лю стал еще красноречивее и выглядел моложе, чем раньше. Он встретил гостя у входа и протянул ему руку.

— Мы не так уж давно расстались с тобой,— сказал Лю,— а волосы у тебя поседели.

— Ты стал бессмертным, а я — развалиной, такова уж судьба,— со смехом отвечал Сюэ Гу.

Лю дал гостю пятьдесят шариков какого-то снадобья и сказал:

— Каждый шарик прибавляет год жизни. Когда они кончатся, приходи снова. Не оставайся слишком долго в том мире, где приходится переносить столько горестей.

Они весело пировали, потом гость простился и уехал. С тех пор братья не виделись.

Сюэ Гу часто рассказывал эту историю. Через четыре десятилетия он тоже исчез.

ПРАВИТЕЛЬ НАНЬКЭ

энь Чунь-юй, родом из Дун-пина, был известен в У и Чу

как удалой воин. Он любил вино и не признавал никаких авторитетов. Человек он был богатый и гостеприимный, хотя и вспыльчивый. За блестящие познания в области военного искусства Чунь-юя назначили помощником командующего войсками области Хуайнань, но за пристрастие к вину и строптивый характер его скоро разжаловали. Он приуныл, потом стал делать вид, что ему все нипочем, и запил вовсю. Жил он в десяти ли к востоку от уездного города Гуанлин. На южной стороне за его домом рос старый ясень; высокий, с длинными ветвями, он бросал густую тень далеко вокруг. Под ним-то каждый день и пировал Чунь-юй со своими приятелями, доблестными героями.

В девятую луну седьмого года правления «Чжэньюань»¹ Чунь-юй напился так, что ему стало нехорошо. Двое приятелей отвели его под руки в дом, уложили на веранде и сказали:

— Подремлите здесь! Мы покормим лошадей, помоем ноги, а когда вам станет лучше, уедем вместе.

Чунь-юй развязал головной платок, подложил его вместо подушки и внезапно впал в забытие. Словно во сне привиделись ему два гонца в пурпурных одеждах, склонившие перед ним колени. Они сказали:

¹ 791 г.

— Нас прислал повелитель страны Хуайань, чтобы пригласить вас почтить его своим посещением.

Чунь-юй поднялся с кушетки, оправил платье и последовал за гонцами. У входа он увидел небольшой черный лакированный экипаж, запряженный четырьмя быками; вокруг стояло человек восемь свиты, которые помогли Чунь-юю сесть в экипаж.

Миновав главные ворота, они направились к старому ясеню и въехали в его дупло. Чунь-юй был очень удивлен, но не решился задавать вопросы. Перед ним расстился живописный пейзаж: горы и реки, дороги, выющиеся меж лугов и деревьев. Но все выглядело не так, как на земле.

Проехав несколько десятков ли, он увидел зубцы городской стены; экипажи и пешеходы непрерывно сновали по дороге. Сопровождавшие Чунь-юя люди сурово кричали: «Посторонись!» — и пешеходы торопливо разбегались в разные стороны. Экипаж въехал в главные городские ворота; за ними высилась башня, на которой золотыми иероглифами было написано: «Великое государство Хуайань».

Сторожа поспешили к Чунь-юю с поклонами. Появился всадник и громогласно возвестил:

— Повелитель приказал, чтобы его зять, прибывший издалека, отдохнул на подворье Восточного Блеска.

Повинуясь приказу, поехали дальше. Неожиданно показались широко распахнутые ворота. Чунь-юй вышел из экипажа и прошел во двор. Вокруг были узорные решетки, резные колонны, густые деревья, увешанные плодами... в глубине двора были расставлены скамьи с подушками и столы с блюдами, полными всяких закусок.

Все это очень ему понравилось.

— Прибыл первый советник! — провозгласил слуга.

Чунь-юй заспешил ему навстречу и вскоре увидел человека в пурпурной одежде, с табличками из слоновой кости у пояса; они вежливо поклонились друг другу, как подобает гостю и хозяину.

Советник сказал:

— Наш повелитель приветствует вас, не посчитавшего наше маленькое государство далеким захолустьем, и удостоивает вас предложением породниться.

— Как осмелюсь я, ничтожество, так далеко зайти в своих мечтах? — ответил Чунь-юй.

Советник предложил Чунь-юю следовать за ним. Ша-

гов через сто они вошли в красные ворота. Несколько сотен воинов стояли рядами справа и слева, с копьями, секирами и трезубцами в руках. Они уступили им дорогу. Среди воинов Чунь-юй увидел своего старого приятеля Чжоу Бяня, в душе очень ему обрадовался, но окликнуть не решился.

Советник провел Чунь-юя в огромный дворец; придворная стража почтительно приветствовала его. На троне торжественно восседал человек огромного роста в парадной одежде из белого шелка и в красной расшитой шапке. Дрожащий от страха Чунь-юй не решался поднять глаза. Слуги, стоявшие вокруг него, велели ему поклониться.

— Из уважения к вашему почтенному отцу, который не пренебрег нашим маленьким государством, я согласен, чтобы моя младшая дочь Яо-фан служила вам, сударь, — обратился повелитель к Чунь-юю.

Чунь-юй только и смог что броситься перед ним на колени, но не решился произнести ни слова.

— Пока поживите у нас в гостях, а затем подыщем помещение для брачной церемонии, — сказал повелитель.

Первый советник провел Чунь-юя на подворье, где он предался размышлениям. Вспомнил об отце, полководце, который отправился на границу и попал в плен; до сих пор Чунь-юй не знал, жив он или нет. Он слышал, что отец участвовал в боях с северными племенами, очевидно, поэтому повелитель и знал его.

Голова у Чунь-юя была как в тумане; он не мог разобраться, что же все-таки с ним произошло. Вечером ему прислали брачные подарки — ягнят, гусей, парчу, шелка — чего только тут не было!

В окружении служанок явилось несколько тысяч девушек с такими именами, как Цветущий Тополь, Темный Поток, Первая Бессмертная, Вторая Бессмертная. В головных уборах из перьев зимородка и феникса, в накидках из золотой дымки, в платьях из лазурного шелка с золотыми украшениями, от которых рябило в глазах, девушки суетились вокруг Чунь-юя, стараясь развлечь и развеселить его. Они были изящны, красивы, речи их были любезны и изысканны. Чунь-юю трудно было отвечать им в тон. Одна из девушек обратилась к нему:

— Когда-то, сопровождая властительницу Линьчжи, я проходила мимо буддийского храма Великого Прозрения и в первом приделе увидела, как танцуют поломынь. Я с

подругами сидела на каменной скамье у северного окна; в это время вы — тогда еще совсем мальчик — тоже приехали посмотреть. Вы подошли к нам, заигрывали, смеялись и шутили. Я и сестра Цюн-ин завязали узлом красные платки и повесили их на бамбук. Неужели, сударь, вы забыли это? А то еще помню, как в шестнадцатый день седьмой луны я в монастыре Сыновней Почтительности видела Шан Чжэн-цзы, верховного мудреца, и слушала, как учитель Ци-сюань читал сутру богини милосердия Гуаньинь. Я пожертвовала для монастыря две головных шпильки с золотыми фениксами, а Шан Чжэн-цзы дала коробочку из слоновой кости. Вы тоже были в зале храма и попросили учителя, чтобы он позволил вам посмотреть на шпильки и коробочку, а потом вздохнули и долго удивлялись. Поглядев на меня и моих подруг, вы сказали:

«В нашем мире смертных ни людей таких, ни вещей не найдешь». Вы спросили, кто я и откуда, но я не ответила. Мы оба были охвачены сильным чувством и не могли отвести глаз друг от друга. Неужели вы не помните и этого?

— Воспоминание об этом хранится в моей душе, как же мог я забыть! — возразил Чунь-юй.

— Вот уж не думали, что сегодня породнимся с вами, — воскликнули женщины.

Появилось трое мужчин в высоких шапках с широкими поясами; поклонившись, они сказали:

— Нам приказано служить зятю повелителя.

Один из них показался Чунь-юю знакомым.

— Вы не Тянь Цзы-хуа из Фэнъя? ¹

— Да, — ответил тот.

Взяв его за руку, Чунь-юй стал беседовать с ним, как со старым другом, а затем спросил:

— Как вы попали сюда?

Цзы-хуа ответил:

— Отказавшись от службы и странствуя на досуге повсюду, я познакомился с князем Дуанем, который и дал мне разрешение прийти сюда.

— Известно ли вам, что здесь находится Чжоу Бянь? — спросил Чунь-юй.

— Господин Чжоу — знатный человек, — ответил Цзы-хуа. — Он заведует царской прислугой и наделен большой властью. Я несколько раз удостаивался его помощи.

---

¹ Фэнъя — уезд в нынешней провинции Шэньси.

Они беседовали и от души смеялись, как вдруг возвестили:

— Зять повелителя может идти!

Трое мужчин привязали меч к поясу Чунь-юя, надели на него чиновничью шапку и плащ.

Цзы-хуа сказал:

— Вот уж не думал, что буду сегодня свидетелем брачной церемонии. Никогда этого не забуду.

Множество людей шло впереди, освещая факелами дорогу. На протяжении нескольких ли сверкало золото, переливались перья зимородков, нефриты, хрусталь.

Чунь-юй, которого усадили в экипаж, был очень смущен и чувствовал себя крайне неловко. Тянь Цзы-хуа шутил и смеялся, чтобы рассеять его.

Девушки, подружки невесты, отправились вслед за Чунь-юем на колесницах, запряженных фениксами. Доехали до ворот с надписью: «Дворец Совершенствования». Здесь тоже были целые толпы бессмертных фей. Они велели Чунь-юю сойти с колесницы, подняться по ступеням и отдать поклон — совсем как в мире людей. Взвился занавес, за ним оказалась Цзинь-чжи, дочь повелителя, прекрасная, как все бессмертные феи. На вид ей было лет четырнадцать — пятнадцать. Брачная церемония была совершена по всем правилам, как в мире людей. С этих пор Чунь-юй с молодой женой жили в любви и согласии, и слава о них росла с каждым днем; их экипажи и кони, одежды, слуги, приемы уступали только императорским.

Повелитель предложил Чунь-юю вместе с военными отправиться на большую охоту к западу от его владений на горе Чудотворной черепахи. Там были прекрасные холмы, широкие и быстрые потоки, роскошные деревья, множество зверей и диких птиц. Вечером охотники вернулись с большой добычей.

На следующий день Чунь-юй обратился к повелителю:

— В счастливый день встречи ваша светлость упомянули о моем отце. Он был пограничным военачальником и, потерпев поражение, попал в плен к инородцам. Вот уже семнадцать или восемнадцать лет, как нет о нем никаких известий. Если вы знаете, где он, умоляю вас: разрешите мне повидать его.

— Почтенный мой сват служит начальником северных земель, и мы часто получаем от него известия. Но вы можете написать ему, незачем ездить, — ответил повелитель.

Чунь-юй попросил жену приготовить подарки и послал их с письмом к отцу. Через несколько дней пришел ответ. Чунь-юй убедился, что почерк, выражения, наставления, мысли, стиль — все у отца было таким же, как прежде. Отец спрашивал, жива ли его родня и как поживают односельчане; сообщал, что находится далеко, добраться до него трудно. От письма веяло грустью. Отец не разрешал сыну приехать к нему, но обещал, что в «году под циклическими знаками «Дин» и «Чоу»¹ мы свидимся с тобой и твоей женой».

Прочтя письмо, Чунь-юй был очень огорчен и не мог справиться с охватившей его печалью.

Как-то раз жена спросила Чунь-юя:

— Разве вы не собираетесь заняться делами государства?

Чунь-юй ответил:

— Я всегда жил праздно, не привык заниматься делами правления.

— Вы только возьмитесь, — настаивала жена, — я буду вам помогать.

Затем она сообщила об этом своему отцу.

Через несколько дней повелитель обратился к Чунь-юю:

— Мое владение Нанькэ плохо управляется, я уволил правителя. Думаю, что при ваших способностях эта должность для вас даже слишком низка. Собирайтесь в путь вместе с женой.

Чунь-юй с охотой принял приказ, и повелитель приказал придворным собрать Чунь-юя в дорогу. Золото, яшма, парча и вышивки, шкатулки с туалетными принадлежностями, слуги, экипажи, лошади — чего только не было в приданом дочери повелителя! Чунь-юй, смолоду проводивший жизнь в странствиях и приключениях, не смел даже надеяться на такую щедрость и был вне себя от радости.

Перед отъездом он обратился к повелителю:

— Я из военной семьи, плохо разбираюсь в науках и недостоен столь высокой должности; наверное, в чем-нибудь да нарушу государственные законы. Я понимаю, что один не справлюсь, но не желаю сложа руки ждать краха; поэтому я хотел бы заручиться поддержкой мудрых людей. Заведующий царской прислугой, Чжоу Бянь из Инь-

---

¹ 797 г.

чуаня, — человек верный, умный, твердый и честный. Он строго следует законам и может быть превосходным помощником. Таков и Тянь Цзы-хуа из Фэнъи, человек чистой души, постигший в совершенстве основы всех законов. Этих двоих я знаю лет десять и ручаюсь, что людям с подобными талантами можно доверить дела правления. Чжоу Бянь я попросил бы назначить цензором Нанькэ, а Тянь Цзы-хуа — ответственным за финансы и земледелие. Быть может, тогда мои начинания будут успешны и не возникнет никакой путаницы в делах правления.

Повелитель исполнил его просьбу.

В этот вечер повелитель с супругой устроили пир в честь отъезжающих на юг. Повелитель сказал Чунь-юю:

— Нанькэ — область большая, земли там богатые, плодородные, народу много, и править им можно только путем милосердия. К тому же в помощь вам даны Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа. Приложите же все усилия, чтобы содействовать процветанию страны.

Супруга повелителя обратилась к дочери:

— Господин Чунь-юй пристрастен к вину, упрям и еще молод. Долг жены — быть мягкой и почтительной. Если сумеешь стать такой — я буду спокойна. Хотя Нанькэ и пограничная область, но мы имеем с ней связь каждый день. И все же перед разлукой я не могу не плакать.

Чунь-юй с женой откланялись и отправились в путь; по дороге разговаривали, смеялись, веселились. Время прошло незаметно, и на следующий вечер уже прибыли в область Нанькэ.

Чиновники, монахи, старики, музыканты и певцы, гвардейцы и стражники, пешком и в экипажах все спешили им навстречу. На протяжении более десяти ли гремели приветственные возгласы, звенели литавры, грохотали барабаны. Люди в задних рядах становились на возвышения, чтобы увидеть нового правителя.

Показались бойницы городской стены; въехали в большие ворота, на них была доска с золотой надписью «Столица области Нанькэ». Впереди заалели красные балконы дворца, ошестинился лес копий, поднятых стражей.

Тотчас же по приезде Чунь-юй стал знакомиться с нравами и обычаями народа, выяснять, какие есть жалобы. Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа занялись делами правления; в области воцарился порядок.

Двадцать лет Чунь-юй управлял областью; все процветало, народ прославлял его, воздвигал каменные плиты с надписями, восхваляющими его заслуги. В честь Чунь-юя был выстроен храм.

Повелитель высоко ценил зятя, жаловал его поместьями, повышал в ранге, назначил его своим помощником. За успешное управление Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа получили большие чины.

У Чунь-юя было пять сыновей и две дочери. Юноши, как сыновья знатного сановника, заняли крупные чиновничьи должности; девушки были выданы замуж за княжеских родичей.

Слава и почести сыпались на Чунь-юя, во всей стране никто не мог с ним сравниться.

В этом году правитель страны Таньло пошел войной на область Нанькэ. Повелитель приказал Чунь-юю участвовать в обороне и сразиться противника. Чжоу Бянь во главе тридцатитысячного войска был послан задержать вражеские войска у города Яотай. Презируя противника, Чжоу Бянь не учел его силы и потерпел поражение. Одному только Чжоу Бяню удалось бежать, ночью он прибыл в столицу. Вражеские войска с большими трофеями вернулись к себе. Чунь-юй арестовал Чжоу Бяня, пришел к повелителю с повинной, и тот простил его. В этот же месяц у цензора Чжоу Бяня появилась язва на спине, и он умер.

Дней девять спустя заболела и умерла супруга Чунь-юя. Чунь-юй просил отпустить его, чтобы отвезти тело жены на родину. Повелитель разрешил. Теперь Тянь Цзы-хуа, заведующий земледелием и финансами, был назначен правителем Нанькэ. Охваченный глубокой скорбью, Чунь-юй отправился в путь. Дорогу заполнили толпы людей; мужчины и женщины плакали и кричали, хватаясь за оглобли экипажа, стараясь задержать Чунь-юя.

Въехали в Хуайань. Повелитель и его супруга в траурных одеждах, плача, ожидали в предместье колесницу с телом дочери. Дали ей посмертное имя «Послушная долгу» и с большой пышностью похоронили на холме Свернувшегося Дракона в десяти ли к востоку от столицы.

Долгие годы Чунь-юй охранял мир на границах, установил добрые отношения с соседними странами, был в дружбе с самыми знатными людьми. Со времени своей отставки и возвращения в Хуайань он непрерывно разъ-

езжал по стране, завел много знакомств, приобрел последователей. Влияние его росло с каждым днем. Повелитель начал побаиваться его и подозревать в измене.

В это время один из государственных сановников представил повелителю следующий доклад:

«Большая опасность грозит нашему государству. Надо перенести столицу в другое место. Храм предков рухнет, возникнут раздоры с другими племенами; опасность близка!»

Считая, что опасность идет от Чунь-юя, повелитель отнял у него личную охрану, запретил путешествовать по стране и поселил в отдельном доме.

Чунь-юй много лет успешно служил правителем области и никогда не нарушал законов. Он роптал, негодовал и возмущался.

Узнав об этом, повелитель сказал ему:

— Больше двадцати лет мы с вами состояли в родстве; к несчастью, моя дочь преждевременно умерла, не удалось ей дожить с вами до старости. Это вызывает глубокую скорбь.

Супруга повелителя хотела оставить у себя внуков, чтобы самой воспитывать их, и поэтому повелитель добавил:

— Вы давно уже покинули свой дом; надо бы вам на время вернуться туда, чтобы проведать родных. Внуков наших оставьте здесь и не беспокойтесь о них. А через три года они вас встретят.

— Это же и есть мой дом, о каком же возвращении вы говорите?

Повелитель рассмеялся.

— Вы ведь из мира смертных, и дом ваш не здесь.

Чунь-юй будто очнулся от продолжительного сна,— понял, где он находится, и со слезами стал просить позволения вернуться к смертным. Повелитель приказал придворным проводить Чунь-юя; тот поклонился несколько раз и вышел. Снова увидел он перед собой двух чиновников в пурпурных одеждах, которые проводили его за ворота дворца. Там его ждал экипаж, уже попортившийся от времени, в нем он когда-то прибыл сюда. За воротами никого не было; это его и удивило, и сильно огорчило.

Чунь-юй сел в экипаж и, проехав несколько ли, оказался за воротами столицы. Горы, реки, ручьи и поля оста-

лись такими же, как в те далекие времена, когда он ехал на восток. Двое чиновников, провожавших его, держались с подчеркнутым пренебрежением. Огорченный этим, Чунь-юй спросил:

— Когда приедем в область Гуанлин?

Но те продолжали распевать песни, словно не слышали его вопроса, наконец ответили:

— Скоро.

Внезапно въехали в какой-то узкий проход. Показались родные места; ничто не изменилось вокруг. Охваченный сильной жалостью к самому себе, Чунь-юй невольно заплакал.

Спутники помогли Чунь-юю выйти из экипажа, ввели его в ворота и уложили на восточной веранде.

Удивленный и испуганный, Чунь-юй не решался встать. Чиновники несколько раз громко окликнули его. Чунь-юй очнулся и видит — мальчик-слуга метет двор, двое приятелей моют ноги рядом с его ложем. Заходящее солнце еще не успело скрыться за западной стеной, пустые кубки блестят у восточного окна. Оказывается, все это был сон, в котором он будто заново целую жизнь прожил.

Взволнованный Чунь-юй тяжело вздохнул, окликнул своих приятелей и рассказал им все. В большом удивлении они вышли вместе с Чунь-юем из дома, разыскали старый ясень с огромным дуплом у самого подножья. Указав на него, Чунь-юй объяснил:

— Вот это и есть то удивительное место, куда я попал во сне.

Решив, что это лисьи чары, оба гостя велели слуге принести топор, срезали с дерева наросты, рассекли ствол у подножья и стали рассматривать дупло. Внутри оказался ход, в который могла влезть целая кушетка. Там было очень светло, виднелись кучи земли, напоминавшие по форме городские укрепления и дворцы; в них копошилась масса муравьев. Была там маленькая красная башня, в которой жили два больших муравья, каждый примерно трех цуней длиной, с красными головками и белыми пятнышками на теле; им прислуживало несколько десятков больших муравьев, а остальные не смели приблизиться, так как то были повелитель с супругой. Это и была столица княжества Хуайань. Южнее имелся еще один ход, в котором тоже виднелось нечто вроде городских стен и башенок. Это была область Нанькэ, которой управл

Чунь-юй. К западу находился необычный ход, с виду тщательно замурованный. Внутри его были останки большой черепахи, размытые дождем; сквозь них проросла густая трава и почти совсем скрыла их. Это была гора Чудотворной Черепахи, где Чунь-юй охотился. К востоку шел извилистый ход, напоминавший свернувшегося дракона; внутри можно было разглядеть маленькую земляную насыпь, высотой немногим больше чи. Это и был холм Свернувшегося Дракона, где похоронили жену Чунь-юя.

Вспомнив все, что с ним произошло, Чунь-юй загрустил; он внимательно осмотрелся,— все в точности совпало с его сном. Не желая, чтобы приятели испортили муравейник, Чунь-юй приказал прикрыть его и оставить все как было.

В этот вечер лил проливной дождь, бушевал сильный ветер. На утро Чунь-юй заглянул в дупло,— муравьи исчезли. Так подтвердились ранее произнесенные слова: «Большая опасность грозит государству. Надо перенести столицу в другое место». Чунь-юй вспомнил о нападении войск страны Таньло и попросил тех же двух приятелей помочь ему разыскать следы этой страны. На расстоянии одного ли к востоку от дома Чунь-юя был высохший ручей. Рядом росло сандаловое дерево, так густо обвитое лианами, что через них не могли проникнуть даже лучи солнца. В дереве было маленькое дупло с муравейником внутри него. Быть может, это и была страна Таньло? Увы! То удивительное, на что способны муравьи, нельзя постичь до конца. Что же говорить о больших муравьях, которые скрываются в горах и лесах!

Привидевшиеся Чунь-юю во сне его старые собутыльники Чжоу Бянь и Тянь Цзы-хуа находились в это время в уезде Люхэ и не виделись с ним уже больше десяти дней. Чунь-юй послал слугу справиться о них. Оказалось, что Чжоу Бянь тяжело заболел и умер, Тянь Цзы-хуа тоже лежал больной в постели.

Поняв, что сон его о княжестве Нанькэ раскрывает превратности и неожиданности в жизни смертных, Чунь-юй увлекся даосизмом и отказался от вина и красавиц.

Три года спустя, в году под циклическими знаками «Дин» и «Чоу» он умер; было ему тогда сорок семь лет, и это совпало с тем сроком, который ранее назначил его отец.

Я, Ли Гун-цзо, в восьмую луну осени восемнадцатого года «Чжэньюань»¹ ехал из У по реке Ло и бросил якорь у реки Хуай; встретился там с Фэнь Чунь-юем и стал расспрашивать его о том, что с ним произошло. Позднее я несколько раз посетил его. Чунь-юй рассказал мне о многом, и все это были дела, действительно имевшие место в жизни. Из этих рассказов и возникло стройное повествование, весьма интересное и поучительное.

Правда, в истории Чунь-юя было много сверхъестественного и, казалось бы, не похожего на реальные события. Однако для тех, кто захватывает власть, она послужит хорошим уроком. И если кому-нибудь из потомков посчастливится очутиться в положении правителя Нанькэ, пусть не вздумает кичиться перед другими.

Ведь в похвале советнику Ли Чжао из уезда Хуачжоу сказано:

«Знатность, богатство и чин высокий, власть и могущество, что крушат государство, с точки зрения мудрого мужа мало отличны от муравьиной кучи».

---

¹ 802 г.

Сяо-э из семьи Се, родом из Юйчжана, была дочерью странствующего торговца. Когда ей исполнилось восемь лет, мать ее умерла. Девочку выдали замуж за Дуань Цзюй-чжэна, благородного юношу из уезда Лиян. Это был надменный, но справедливый человек, водивший дружбу со смельчаками и искателями приключений.

Накопив большие богатства, отец Сяо-э скрывал свое настоящее имя под прозвищем Купец; нагрузив джонку товарами, он вместе со своим зятем Дуань Цзюй-чжэном часто занимался контрабандой.

Когда Сяо-э исполнилось четырнадцать лет и она впервые собиралась сделать прическу взрослой женщины, разбойники убили ее отца и мужа и похитили все деньги и товары, находившиеся в джонке.

Они утопили братьев Дуань Цзюй-чжэна, племянников Се, несколько десятков слуг, а Сяо-э со сломанной ногой и раной в груди унесло течением реки. Ее спасли люди с какой-то джонки, и только утром она пришла в себя.

Поправившись, Сяо-э стала просить подаяние. В уезде Шаньюань монахиня Цин У из храма Мяогэ приютила ее.

Вскоре после гибели отца Сяо-э приснилось, будто отец явился к ней и сказал:

— Убивший меня — «обезьяна в повозке, трава, растущая восточнее ворот»¹.

¹ «Обезьяна в повозке, трава, растущая восточнее ворот» — одна из распространенных в Китае иероглифических шарад, основанных на том, что большинство иероглифов состоит из сочетаний нескольких простейших знаков, имеющих самостоятельное значение.

Через несколько дней ей приснился муж.

— Убивший меня — «идет меж колосьев, муж на один день», — сказал он.

Сяо-э не могла сама разгадать смысла этих слов и часто писала их, умоляя сведущих людей помочь ей; прошло несколько лет, но никто так и не мог найти ключ к разгадке.

Весной восьмого года правления «Юаньхэ»¹, оставив службу в Цзянси, я ехал в джонке на восток; пристав к берегу в селении Цзянье, я зашел в буддийский монастырь Вагуань. Был там один монах, некий Ци У, человек мудрый и ученый, мой близкий друг. Он рассказал мне:

— Есть тут одна вдова, зовут ее Сяо-э; каждый раз, приходя в монастырь, она показывает мне загадку в двенадцать слов, которую никто не может разгадать.

Я попросил его написать загадку на листке бумаги и стал сосредоточенно думать, чертя в воздухе комбинации из иероглифов: гости Ци У еще не успели соскучиться, как я раскрыл им смысл фразы.

Мальчику-послушнику было приказано немедленно привести Сяо-э. Когда она явилась, я стал расспрашивать ее. Она долго плакала и наконец сказала:

— Мой отец и мой муж были убиты разбойниками. Как-то раз отец явился мне во сне и сказал: «Убивший меня — «обезьяна в повозке, трава, растущая восточнее ворот». В другой раз явился мне муж, сказавший: «Убивший меня — «идет меж колосьев, муж на один день». С тех пор прошло уже несколько лет, но никто не сумел понять эти слова.

Тогда я ответил ей:

— Если так, то я подробно объясню тебе, в чем дело. Твоего отца убил некто, по имени Шэнь Лань, мужа твоего убил тот, кого зовут Шэнь Чунь.

Напишем одним иероглифом слова «обезьяна в повозке», откинем верхнюю и нижнюю черты у знака «повозка», получится знак «Шэнь». Знаку «Шэнь»² соответствует «обезьяна», поэтому и было сказано «обезьяна в повозке». Теперь под знаком «трава» напишем знак «во-

---

¹ «Юаньхэ» — девиз правления танского императора Сяньцзуна (806—820).

² «Шэнь» — циклический знак, которому соответствует иероглиф «обезьяна».

рота», а в «воротах» поставим знак «восток», получится знак «Лань».

Далее: «идет меж колосьев» — это ведь все равно что «проходит через поле», но ведь если через знак «поле» провести черту, то будет тот же знак «Шэнь». Теперь, что же значит «муж на один день»? Напишем знак «мужчина», поставим сверху знак «единица», а снизу «солнце», — получится знак «Чунь». Вот и выходит, что твоего отца убил Шэнь Лань, а мужа — Шэнь Чунь; это совершенно ясно.

С этих пор Сяо-э, переодетая в мужское платье, нанималась в работники к мелким бродячим торговцам. Через год с лишним, попав как-то в округ Синьян, она увидела на бамбуковых дверях клочок бумаги с надписью: «Требуются работники». Сяо-э спросила, кто хозяин, — оказалось Шэнь Лань. Он привел ее в свой дом; сердце Сяо-э было полно гнева, хотя она ничем не выдавала себя. Вид у слуги был кроткий и послушный, он полюбился домашним Шэнь Ланя. Золото и драгоценности, попадавшие в его дом, всегда проходили через руки Сяо-э. Больше двух лет прошло, но никто не узнал, что она женщина. Вещи семьи Се — золото, драгоценности, вышивки, одежды, утварь, — украденные когда-то Шэнь Ланем, хранились в его доме, и Сяо-э, дотрагиваясь до них, всякий раз не могла удержать слез.

Шэнь Чунь, брат Шэнь Ланя, в это время жил на берегу бухты Душу, к северу от Великой реки¹, и часто встречался с братом. Иногда они уезжали вместе на целый месяц и, возвратившись, привозили с собой много награбленного добра. На время отъезда Шэнь Лань всегда оставлял Сяо-э вместе со своей женой и дарил «верному слуге» вино, мясо и одежду.

Как-то раз Шэнь Чунь принес Шэнь Ланю карпа и вино. Сяо-э, вздыхая, сказала про себя: «Господин Ли разгадал загадку, заданную мне во сне, значит небо открыло ему глаза, и желанье мое сбудется».

Вечером все сообщники Шэнь Ланя и Шэнь Чуня собрались не пирушку. Когда они разошлись, мертвецки пьяный Шэнь Чунь улегся во внутренних покоях, а Шэнь Лань остался лежать под открытым небом во дворе. Сяо-э

---

¹ Великая река — река Янцзыцзян, самая большая река на юге Китая.

заперла Шэнь Чуня в доме и мечом, снятым с его пояса, отрубила Шэнь Ланю голову; затем позвала соседей. Стоимость имущества, награбленного братьями, достигала миллиона. У Шэней было несколько десятков сообщников, имена которых Сяо-э потихоньку записала; всех их поймали и казнили. В то время правителем Синьяна был Чжан Гун, человек энергичный и решительный; он доложил о случившемся высшему начальству, выставив Сяо-э в самом лучшем свете, и она избежала смертной казни. Произошло это летом двенадцатого года «Юаньхэ»¹.

Отомстив убийцам отца и мужа, Сяо-э вернулась в родные места. Все местные богатые семьи наперебой засылали к ней сватов, но она дала клятву не выходить больше замуж. Сяо-э срезала волосы, надела грубое платье и отправилась на гору Нютоу к настоятельнице монастыря Цзян искать прозрения истины. С охотой и усердием она выполняла все поручения: молотила при заморозках, собирала хворост под проливным дождем, сил своих не щадила и в четвертую луну тринадцатого года в городе Сычжоу приняла все обеты в монастыре Кайюань, сохранив и в монашестве имя Сяо-э, дабы не забыть о том, что случилось с нею в миру.

Летом того же года я возвращался в Чанъань. Проезжая через Сыбинь, заехал в храм Шаньи, чтобы посетить настоятельницу Лин.

Там было несколько десятков только что принявших обеты монахинь; с бритыми головами, в новых плащах, суровые, спокойно-задумчивые, стояли они рядами по обеим сторонам от настоятельницы.

Одна из монахинь спросила ее:

— Этот господин не тот ли судья из рода Ли в Хунчжоу — двадцать третий в семье?

— Он самый! — ответила настоятельница.

— Он дал мне возможность отомстить убийцам моих родных, смыть кровную обиду; и все это благодаря милости господина судьи.— И монахиня, устремив на меня взор, заплакала.

Не узнав ее, я спросил, что она хочет этим сказать.

— Меня зовут Сяо-э, совсем недавно я была нищенкой.— ответила она.— Вы разгадали имена двух разбойников, Шэнь Ланя и Шэнь Чуня; неужели не помните?

¹ 818 г.

— Вначале не припомнил, а вот теперь узнаю вас,— ответил я.

Сяо-э рассказала мне подробно, как она отомстила Шэнь Ланю и Шэнь Чуню и как потом решила до конца своих дней жить в лишениях и страданиях. Затем она прибавила:

— Настанет день, когда вы получите воздаяние за вашу милость.

Я угадал имена двух разбойников, а Сяо-э сумела отомстить убийцам. Нет, не напрасно все это было! Путь святой истины ясен, можно его постичь.

Сяо-э была пряма, искренна, умна и чиста, наставляла заблуждающихся и сумела сдержать свою клятву. Став буддийской монахиней, она не носила шелков, не ела ничего острого и жирного, не говорила того, что не отвечало бы правилам образцового поведения и законам буддийской веры.

Через несколько дней я получил предписание вернуться в Ньютоу.

На лодке я переправился через реку Хуай и поспешил на юг. С тех пор мне не приходилось встречаться с Сяо-э.

По поводу этого благородный муж сказал бы: «Не изменить своей клятве отомстить убийцам отца и мужа — вот пример верности. Служить в людях как мужчина, но не показывать, что ты женщина,— вот пример целомудрия. С начала до конца во всем быть верной и чистой — так ведут себя только истинно добродетельные. Примера Сяо-э достаточно, чтобы наставить тех, кто идет по ложному пути и нарушает порядок в Поднебесной; Сяо-э может служить образцом супружеской верности и дочерней почтительности».

История, которую я подробно рассказал, загадки, встреча мертвых с живой — все это выдуманно для нравов учения.

Знать о хорошем поступке и не увековечить его — это значит пойти против основных положений «Чуньцю»¹, поэтому-то я и записал эту историю, чтобы воздать должное Сяо-э.

¹ «Чуньцю» (Летопись царства Лу) — историческая хроника, приписываемая великому мыслителю древнего Китая Конфуцию.

ПУТЕШЕСТВИЕ
В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ

В

середине правления «Чжэньюань», потерпев неудачу на экзаменах на степень цзиньши, я возвращался в родное селение, находящееся между Юань и Е. Когда я добрался до подножья горы Мингао, что к югу от Ицюе, уже стемнело, и я решил заночевать в местечке Даань, но заблудился и, проплутав еще ли с десять, выехал наконец на хорошую дорогу.

Выглянула луна. Внезапно я почувствовал какой-то странный аромат и поспешил вперед, не зная даже, далеко ли я заехал. Блеснул огонек. Я решил, что это хижина какого-нибудь крестьянина, подхлестнул лошадь и быстро доехал до большого строения. Судя по воротам и двору, это была богатая усадьба.

— Зачем изволили пожаловать, сударь? — спросил меня привратник в желтой одежде.

— Я — Ню Сэн-жу. Потерпел неудачу на государственных экзаменах и еду домой. Направлялся я в Даань, но сбился с дороги и попал сюда. Пустите меня переночевать, больше мне ничего не надо, — ответил я.

Из дома вышла молоденькая служанка и сердито спросила привратника:

— Кто это?

— Гость, — ответил тот и пошел доложить, а через минуту вышел и пригласил меня: — Прошу вас, сударь, войдите.

— Чей это дом? — спросил я.

— Входите и не спрашивайте, — ответил привратник.

Миновав с десяток дверей, я оказался у входа в большой зал, отгороженный жемчужным занавесом. Несколько сотен людей в красных и лиловых одеждах стояли на ступенях, ведущих в зал. Те, что были вокруг меня, сказали:

— Падите ниц!

За занавесом раздался голос:

— Я — мать ханьского государя Вэнь-ди¹, государыня Бо. Этот храм для вас, сударь, место неподходящее. Зачем пришли осквернять его?

— Мой дом в Юанься. Я сбился с пути. Боясь быть растерзанным волками и тиграми, осмеливаюсь просить приюта на ночь. Молю великую государыню не отказать мне.

Приказав поднять занавес и встав с места, она сказала:

— Так как я являюсь матерью ханьского императора Вэнь-ди, а вы — знаменитый ученый династии Тан, то между нами не может быть тех отношений, какие существуют между государем и подданными. Мы с вами можем пренебречь этикетом. Прошу вас подняться сюда!

На ней было лиловое платье без всяких украшений. Хотя она и не была причесана и напудрена, внешность ее была величественна и прекрасна.

— Вы, наверно, устали с дороги, — обеспокоилась она и предложила мне сесть.

Вскоре послышался звон посуды и какой-то шум.

— Погода сегодня прекрасная, — сказала государыня. — Ко мне случайно заехали две подруги. А тут еще такой славный гость. Ну, как не устроить пир! — И она приказала придворным: — Пусть обе госпожи войдут и познакомятся с господином ученым.

Прошло довольно много времени; наконец появились две женщины в сопровождении нескольких сотен слуг. Одна из них, тоненькая, с овальным личиком и пышными волосами, в темном платье без всяких украшений, вышла вперед. На вид ей было лет двадцать.

Государыня сказала:

— Это Ци — подруга императора Гао-цзу².

Я низко поклонился. Ци ответила мне поклоном.

Вторая — стройная, изящная, с круглым и нежным ли-

¹ Вэнь-ди — император Западной династии Хань, правивший с 179 г. по 157 г. до н. э.

² Гао-цзу — основатель династии Хань, правил с 206 г. по 195 г. до н. э.

чиком, спокойными, слегка ленивыми движениями, в нарядных вышитых одеждах — сияла красотой. Она была моложе хозяйки дома.

Указывая на нее, государыня сказала:

— Это Ван Цян¹ — подруга императора Юань-ди.

Я поклонился ей так же, как только что кланялся Ци. Ван Цян вежливо ответила мне. Когда все уселись, государыня обратилась к самым знатным вельможам, одетым в лиловые одежды:

— Выйдите навстречу господам из домов Ян и Пань.

Через некоторое время в воздухе появились разноцветные облака, которые начали опускаться. Послышались голоса и смех. Государыня сказала:

— Ян и Пань прибыли.

Внезапно раздался стук копыт и скрип колес экипажа. Заблестели шелка, закрывшие все вокруг, — из облаков спустились две женщины. Я поднялся со своего места и отошел в сторону. Впереди шла женщина лет тридцати, красоты необыкновенной, изящная, стройная, с тонкой талией, в желтых одеждах и с яшмой в волосах.

— Это — танская Тай-чжэнь², — сказала государыня.

Склонившись перед ней в почтительном поклоне, я приветствовал ее, как подобает чиновнику, явившемуся к государевой супруге.

— Я навлекла на себя гнев покойного императора Су-цзуна³, и меня не относят к числу императорских жен. Не понапрасну ли вы воздаете мне такие почести? Не смею принять их! — сказала Тай-чжэнь, кланяясь в ответ.

Вторая была полненькая, маленького роста, беленькая, как чистый снег, с живым взглядом и мелкими зубками. На ней были широкие развевающиеся одежды.

¹ Ван Цян (Ван Чжао-цзюнь) — знаменитая красавица из гарема ханьского императора Юань-ди. Уязвленный ее гордостью, художник Мао Янь-шу изобразил красавицу на портрете самой уродливой, и обманутый император отдал ее в жены вождю гуннов. Только перед самым отъездом он впервые увидел ее и влюбился, но нарушить слово уже не мог, и красавица всю жизнь провела на чужбине. Печальная судьба Ван Цян стала темой многих произведений китайской литературы.

² Тай-чжэнь (Великая святая) — прозвище Ян Гуй-фэй, знаменитой наложницы танского императора Сюань-цзуна.

³ Су-цзун — сын императора Сюань-цзуна, правивший с 756 г. по 762 г. Он ненавидел фаворитку отца за то, что двоюродный брат Ян Гуй-фэй благодаря ее протекции правил страной, а родные императора были оттеснены от власти.

— Это Пань Шу-фэй¹, любимица правителя княжества Ци,— сказала государыня.

Я поклонился ей, как кланялся Ван Чжао-цзюнь, и она также ответила поклоном.

Тогда государыня приказала накрывать на стол. Через мгновение подали разнообразные закуски, источавшие тонкий аромат. Я не знал даже названия всех этих блюд и, привыкнув к грубой пище, никак не мог насытиться деликатесами. Когда закуски убрали, подали вино в драгоценных сосудах.

Государыня обратилась к Тай-чжэнь:

— Почему ты так долго не была у меня?

Та скромно ответила:

— «Третий господин»² все время проводил со мной во дворце Пышности и Чистоты, так что у меня не было возможности прийти к вам.

Тогда государыня спросила Пань:

— А ты почему не приходила?

Пань рассмеялась так, что не могла выговорить ни слова. Взглянув на нее, Тай-чжэнь пояснила:

— Пань говорила мне, что все дело в этом князе Дун Хуне: он целыми днями «охотился» с ней, поэтому она и не смогла найти время для визита.

Тогда государыня повернулась ко мне:

— Какой император теперь на престоле?

— Имя нынешнего императора — Го³. Он — старший сын императора Дай-цзуна.

— Сын старухи Шэнь стал императором. Чудеса, да и только! — расхохоталась Тай-чжэнь.

— Как он правит? — спросила государыня.

— Ничтожный чиновник недостоем судить о добродетелях государя,— ответил я.

— Не скромничайте!

— В народе говорят, что он мудрый и воинственный.

Государыня закивала головой в знак одобрения. Затем приказала принести еще вина и позвала музыкантш. Когда вино обошло гостей несколько раз и музыка умолк-

---

¹ Пань Шу-фэй — наложница Дун Хуня, правителя княжества Ци. В 501 г. она была убита по настоянию министра Ван Мао, считавшего ее виновницей гибели династии.

² «Третий господин» — так называли родные и близкие императора Сюань-цзуна, третьего сына в семье.

³ Го — танский император Дэ-цзун (780—804).

ла, государыня попросила Ци, фаворитку Гао-цзу, сыграть на цине¹. Надев на палец яшмовое кольцо, осветившее ее руку, Ци заиграла печальную мелодию.

— Господин Нью Сэн-жу попал к нам совершенно неожиданно, вы тоже случайно навестили меня, так что веселье у нас должно быть совсем необычным. Господин Нью — талантливый ученый. Пусть каждая напишет стихи о том, что у нее на душе. Согласны? — предложила государыня.

Женщины сразу взялись за кисти и бумагу. Не прошло и мгновения, как все было готово.

Стихи государыни гласили:

Приму владыку во дворце Цветов,
Когда луна заснет, как в колыбели,

Но до сих пор сгораю от стыда
Перед тобой, верховная жена.

В былые дни, при Ханях, был дворец
Приютом звонкой песни и свирели,

С тех пор не раз всходили стебли янь²
И осени на смену шла весна!³

Ван Цян сложила такие стихи.

В занесенной снегом круглой юрте
Взором я весну не отыщу,

Обветшала ханьская одежда
Но конца слезам печальным нет.

Ныне, как и прежде, всей душою
Ненавижу злобного Янь-шу:

Чтоб со мной расстался повелитель,
Исказил художник мой портрет.

Ци, фаворитка Гао-цзу, написала следующее:

С тех пор как рассталась я
С ханьским дворцом
И чуский⁴ напев
Для меня отзвучал,

¹ Цинь — семиструнная лютия.

² Янь — название цветов. До сих пор неизвестно, какие цветы подразумевали под этим термином люди эпохи Тан.

³ Здесь и далее стихи в переводе И. Голубева.

⁴ Чу — старое название провинции Хубэй.

Грустна я — и пудрю напрасно лицо,
О вас, господин, безысходна печаль!

Когда б покушался
На золото Шан,—
Люй-ши¹ непреклонна
Была бы душа!

Стихи Тай-чжэнь гласили:

Итак... прощаться с государем — время!
На землю золотая брошь упала,
И слезы, перемешанные с кровью,
Со щек стекали словно жемчуг алый...
Пролился дождь из туч на склон Мавэя
В тот час, когда пришлось им расставаться;
Не слышно во дворце Лигун мелодий
«Одежд из перьев» медленного танца...

Вслед за Тай-чжэнь стала декламировать Пань:

Осенняя луна, весенний ветер —
Уходит все, хотя не без возврата.

Не молкнут реки, неизменны горы,
Но скрылись от очей дворца палаты!

В былые времена Дун Хунь возделал
Прекрасный сад, где лотосы цвели,

Но золотые вспомню ль одеянья,
Что украшали гибкий стан когда-то?..

Все просили, чтобы и я сочинил стихи. Не смея отказать, я подчинился и написал следующее:

Ароматные ветры
Устремились в небесные дали;

Поклоняюсь святым,
Встав на облачную ступень;

Мир печальями полон,
Чтобы люди при жизни страдали;

И не знает никто,
Что готовит нам завтрашний день.

---

¹ Люй-ши (Люй Хоу) — жена ханьского Гао-цзу, правила после его смерти с 187 г. по 180 г. до н. э. Она расправилась со своими недругами, и жертвами ее пали госпожа Ци и сын последней Жу-и. Имя Люй-ши стало синонимом жестокого правления.

Была там одна девушка с челочкой, искусно игравшая на флейте, невыразимо прелестная. Когда я глядел на нее, мне казалось, что она сошла с картины У¹; приехала она вместе с Пань Шу-фэй. Государыня, радушно усадив девушку вместе со всеми, то и дело просила ее сыграть на флейте и часто подносила ей вино. Указав на нее, она сказала мне:

— Знаете, кто она? Люй-чжу² из дома Ши. Пань Шу-фэй воспитала ее и любит как младшую сестру, поэтому она и пришла вместе с ней.

Обратясь к девушке, спросила:

— Люй-чжу, разве можем мы обойтись без твоих стихов?

Поблагодарив государыню поклоном, Люй-чжу прочла:

Недостойные предков,
Люди наших времен измельчали.

И о чжаоском князе
Напрасно мне флейта поет;

Листья с веток опали,
И склонились цветы и завяли;

В Золотое ущелье³
Весна никогда не придет!

Когда чтение стихов кончилось, снова подали вино.

— Господин Ню Сэн-жу прибыл издалека, и ему пора на покой,— сказала государыня,— кто же из вас желает быть его подругой на сегодняшнюю ночь?

Первой отказалась госпожа Ци:

— Для меня это совершенно невозможно: сын мой Жу-и уже взрослый. Да и приличен ли такой поступок?

Пань Шу-фэй тоже отказалась:

— Дун Хунь умер из-за меня, и государство его погибло. Я не хочу быть неблагодарной по отношению к нему.

— Господин Ши из императорской охраны был строг и ревнив,— сказала Люй-чжу,— лучше умру, но не поступлю столь недостойно.

¹ У (У Дао-цзы) — знаменитый художник VIII в.

² Люй-чжу — любимая наложница Ши Чуна, участника заговора восьми князей в III в. После разгрома мятежников Люй-чжу покончила с собой.

³ Золотое ущелье находится к западу от г. Лояна.

Не дав Тай-чжэнь произнести слова, государыня сама ответила за нее:

— Тай-чжэнь — любимая подруга танского императора, — ей-то уж и подавно будет неудобно. — Затем, взглянув на Ван Цян, она сказала: — Чжао-цзюнь, ты сначала была отдана в жены вождю гуннов Ху Ханю, а затем стала женой вождя Чжулэйжоди. Ну, что могут сделать духи инородцев из суровых холодных краев? Прощу не отказываться.

Чжао-цзюнь, не отвечая, в смущении опустила глаза.

Вскоре все разошлись отдыхать. Придворные проводили меня в покои Ван Чжао-цзюнь. Перед рассветом слуги разбудили нас. Чжао-цзюнь оплакивала предстоящую разлуку. Неожиданно я услышал голос государыни за дверями и выбежал к ней.

— Вам нельзя здесь долго задерживаться, — сказала государыня, — надо скорее возвращаться домой. Сейчас мы расстанемся, но я надеюсь, что вы не забудете этой встречи.

На прощанье поднесли вино. Госпожи Ци, Пань, Люйчжу заплакали. Наконец я откланялся. Государыня послала придворного в красной одежде проводить меня до Дааня. На западном повороте он вдруг исчез. В это время уже совсем рассвело.

Добравшись до Дааня, я стал расспрашивать местных жителей. Они сказали:

— В десяти верстах отсюда есть храм государыни Бо.

Я вернулся туда и увидел, что храм запущен, разрушен, так что даже войти в него нельзя, — ничего общего с теми хорами, в которых я был.

Но платье мое хранило аромат, не исчезающий дней десять, и я до сих пор не могу представить, как все это могло приключиться со мной.

В

годы «Кайюань» жил некий цзиньши Чжан Цзо, который часто рассказывал своему дяде следующую историю.

Как-то, путешествуя на юге страны, Чжан Цзо увидел старика с мешком из оленьей кожи за плечами. Он ехал верхом на черном осле с белыми ногами.

Лицо у старика было веселое, да и во внешности его было что-то необычайное, поэтому Чжан Цзо попробовал заговорить с ним и спросил, откуда он едет, но тот лишь улыбнулся.

Чжан Цзо несколько раз повторил свой вопрос, как вдруг старик рассердился и заорал:

— Такой щенок и смеет приставать с расспросами! Что я — вор, убегающий с добычей? Зачем тебе знать, откуда я еду?!

Чжан Цзо стал извиняться:

— Меня поразила ваша необыкновенная внешность, я хотел бы следовать за вами и учиться у вас. Разве это такое большое преступление?

— Мне нечему тебя учить! Я простой человек, только вот слишком долго зажился на этом свете. Что ты смеешься над моими несчастьями? — не унимался старик и, подстегнув осла, ускакал.

Нахлестывая лошадь, Чжан Цзо помчался вслед за ним и догнал старика у постоялого двора. Подложив мешок под голову, старик улегся, но никак не мог уснуть. Чжан Цзо сильно устал и велел принести гаоляновой водки.

— Не соблаговолите ли разделить со мной трапезу? — нерешительно обратился он к старику.

Тот даже подпрыгнул.

— Как раз то, что я люблю! И как ты узнал, чего мне хочется?

Выпив, старик заметно развеселился, и Чжан Цзо осмелел.

— Я — человек невежественный, — сказал он, — хочу просить вас просветить меня. Ни на что другое претендовать не смею.

— Деяния правителей, мудрецов и невежд, смуты и периоды мирного правления во времена Лян, Суй, Чэнь¹ и Тан, которые мне довелось увидеть, уже записаны в наших династийных историях, — сказал старик. — Но я расскажу тебе о том удивительном, что мне самому довелось пережить. При Северном Чжоу² я был уроженцем Фуфэна и жил на горе Ци. Фамилия моя тогда была Шэнь, имя Цзун, но из уважения к Шэнь У³, императору династии Ци, я изменил свою фамилию, чтобы она не походила на государеву⁴. Восемнадцать лет я сопровождал Яньского князя Цзы Цзиня в поход на Цзинчжоу⁵ против Юаньди⁶ — императора династии Лян. Поход увенчался успехом, область Цзинчжоу была завоевана, и войска вернулись в родные края. Мне приснился сон — будто явились ко мне двое в синих одеждах и сказали: «Два рта идут к небесным годам, человек склоняется к хозяину, долголетие едва не достигает тысячи». Я пошел к толкователю снов на Цзянлинском рынке, и тот пояснил: — «Слова «Два рта идут» — это части иероглифа «возвращаться»; «человек склоняется к хозяину» — да ведь из этих слов составится иероглиф «поселиться»!⁷ Значит, если вы останетесь здесь, то будете жить очень долго».

---

¹ Лян (502—556), Суй (589—618), Чэнь (557—588) — названия династий древнего Китая.

² Северное Чжоу — название династии, правившей в северном Китае с 557 г. по 583 г.

³ Шэнь У (У-ди) — император династии Лян, правил с 502 г. по 560 г.

⁴ В старом Китае людям строго запрещалось записывать свои фамилии иероглифами, входящими в имя царствующего императора.

⁵ Цзинчжоу — одна из девяти областей древнего Китая.

⁶ Император Юань-ди правил с 552 г. по 554 г.

⁷ Большинство китайских иероглифов состоит из двух и более частей, каждая из которых имеет свое самостоятельное значение.

В это время наши войска стояли в Цзянлине, я попросил отпуск у командира Тоба Ле, и тот согласился.

Тогда я снова отправился к толкователю снов и спросил его:

— Поселиться здесь можно, а вот как познать секрет долголетия?

— В вашей предыдущей жизни¹,— сказал толкователь,— вас звали Се Цзюнь-чжоу, и родом вы были из Цзытуна; вы любили нарядные одежды и изысканные блюда, собирали редкие книги и каждый день читали вслух по сто страниц творений Лао-цзы². Потом вы поселились в уединении у подножия горы Хаоминшань³ в убогой лачуге, перед которой в зарослях цветов и бамбука журчал ручей.

В пятнадцатый день восьмой луны вы пили вино в одиночестве, громко пели и, совсем захмелев, воскликнули: «Я, Се Цзюнь-чжоу, живу в таком чудесном уединении, почему же ни одно сверхъестественное существо не посетит меня?»

Вдруг раздался стук колес, топот копыт, и вам внезапно захотелось спать. Только голова ваша коснулась циновки, как из вашего уха выехала повозка с красными колесами и черным верхом, запряженная рыжим бычком. Хотя экипаж и бычок были в три цуня высотой, но вы не почувствовали боли в ушах. В повозке сидели два крошечных мальчика в синих плащах, с зелеными головными повязками. Они окликнули возницу и, став на колеса, прыгнули вниз.

— Мы прибыли из страны Доусюань,— сказали они.— Мы слышали, как вы пели при лунном свете и, восхищаясь вашим звонким и чистым голосом, захотели удостоиться чести побеседовать с вами.

— Вы же из моего уха,— воскликнули вы в изумление,— а говорите, что прибыли из страны Доусюань. Как же это так?

---

¹ В старом Китае считали, что душа человека после его смерти возрождается в облике другого человека или животного.

² Лао-цзы — основатель одной из древних школ китайской философии, главным принципом которой является путь истины — «Дао», абсолютное начало вселенной, порождающее все многообразие мира.

³ Хаоминшань — гора в провинции Сычуань, где жили отшельники.

— Доусюань находится в наших ушах, как может ваше ухо вместить нас!

— Да ведь вы ростом цуня в три, как же в ваших ушах может поместиться целая страна? — сказали вы. — Если это так, значит жители этой страны должны быть меньше червячка!

— Почему же? — возражали мальчики. — Наша страна ничем не отличается от вашей. Не верите — едемте с нами. Если вы останетесь у нас навсегда, то покончите со страданиями жизни и смерти.

Один из мальчиков наклонил голову, чтобы вы, Се Цзюнь-чжоу, заглянули ему в ухо. Вы увидели совсем иной мир: буйную зелень, цветы, множество черепичных крыш, чистые ручьи и потоки, горные пики и скалы.

Просунув голову в ухо, чтобы лучше видеть, вы упали вниз и оказались в большом городе. Городские стены, озера, здания и брустверы поражали своей величественной красотой.

Вы стояли в нерешительности, не зная, куда идти. Оглянулись, — а мальчики уже стоят рядом.

— Ну как, сударь, чья страна больше? — спросили они. — Теперь, когда вы уже здесь, не пойдете ли вы с нами к Мэнсюань Чжэньбо?

И они повели вас в большой дворец, стены которого и лестницы сияли золотом и яшмой, пологи и занавеси были отделаны перьями зимородка. В центре сидел Чжэньбо в одежде из туч и радуги, солнца и луны; его газовая накидка спускалась до самых ног.

Четверо красивых отроков стояли по бокам его; один держал опахало из белых перьев, другой — скипетр из рога носорога.

При входе ваши спутники сложили руки в знак приветствия и замерли в почтительных позах, не осмеливаясь поднять глаза. Мужчина в высокой шапке и длинной одежде зеленого цвета прочел эдикт, написанный на серой бумаге: «Когда устанавливается великая простота, в государстве царит мир и спокойствие. Вы попали в мир смертных и занимали там недостойное вас низкое положение. То, что вы прибыли сюда — несомненная удача. К тому же вы необычно чисты в своих душевных устремлениях и поразительно искренни. Вы близки к постижению правды и вполне достойны высоких должностей и почетных титулов. Можете занять место хранителя списка бессмертных».

Поклонившись, вы, Цзюнь-чжоу, покинули зал; четверо в желтых одеждах проводили вас в присутствии; там было полно всяких бумаг и списков; многие из них оказались вам непонятны. Каждый месяц вам без всяких напоминаний выплачивали жалование. Стоило вам мысленно пожелать что-нибудь, как слуги уже знали об этом и тотчас же выполняли вашу волю.

Однажды вы поднялись на башню, чтобы полюбоваться далью. Вдруг вам захотелось вернуться домой, и вы сочинили стихи:

Ветер легкий подул,
Все теплее дыханье весны;

Неземной аромат
Источают пруды и леса;

Я взобрался на башню
И вдаль посмотрел с вышины:

Спору нет, здесь красиво,
Но в сердце родные места!

Потом вы показали стихи тем двум мальчикам, с которыми вы прибыли сюда. Те рассердились:

— Мы думали, что вас тянет к уединению и покою; поэтому мы и привезли вас в эту страну; но вы не избавились от земных вкусов и привычек и все еще вспоминаете о родных краях!

Тут они изо всех сил толкнули вас, и вы почувствовали удар, будто с высоты упали на землю; подняв глаза, вы поняли, что выпали из уха и находитесь на старом месте.

Стали искать мальчиков, но их и след простыл. На ваши вопросы соседи отвечали:

— Вы, господин Цзюнь-чжоу, уже лет семь или восемь как исчезли.

А вам казалось, что прошло всего лишь несколько месяцев.

Вскоре Цзюнь-чжоу умер, а вы родились в нынешнем своем перевоплощении.

К этому толкователь снов добавил еще следующее:

— Я был одним из тех мальчиков, что вышли из вашего уха в первом вашем рождении. В то время вы были приверженцем даосизма, и за это вам была дарована возможность побывать в государстве Доусюань. Не избавившись от земных привычек, вы не смогли остаться там на-

веки. Однако вам предстоит прожить еще тысячу лет. Я дам вам волшебное средство и вернусь к себе.

Тут толкователь снов выплюнул кусок алого шелка и велел мне проглотить его. После этого он принял облик мальчика и исчез, а я с тех пор оставался молодым и совсем забыл, что такое болезни. В течение двух с чем-то сотен лет я путешествовал по стране и побывал на всех знаменитых горах Поднебесной. Мне довелось увидеть очень много странных вещей; записи о которых находятся вот в этом мешке из оленьей кожи.

Тут старик вынул из мешка две огромные книги, сплошь исписанные мелкими незнакомыми буквами.

Чжан Цзо попросил старика рассказать еще что-нибудь, и тот поведал много занимательных историй, большая часть которых достойна быть увековеченной. Наконец Чжан Цзо уснул, а когда проснулся,— старик исчез.

Прошло несколько дней. Люди видели старика на озере Хойчу. Он просил передать привет Чжан Цзо. Тот искал старика, но его и след простыл.

ЗАПИСКИ
ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ СНАХ

десятым году «Юаньхэ»¹ я, Шэнь Я-чжи, сопровождал в

Цзинчжоу² лунсийского князя в качестве его письмоводителя. Все мудрые мужи Чанъани приехали с визитом к нему. В восемнадцатый день пятой луны князь пировал с гостями в своем доме у восточного озера. Когда все заняли свои места, он сказал:

— В молодости я часто гулял с моим приятелем Син Фыном и хорошо помню необычайные приключения, случившиеся с ним; прошу разрешения рассказать вам о них.

— Очень хотелось бы послушать,— откликнулись гости.

— Син Фын происходил из семьи полководца,— начал князь.— Сам он не обладал особыми талантами. Он поселился в Чанъани, к югу от квартала Пинкан³, где купил дом за миллион монет у одной очень богатой семьи. Однажды днем он уснул и во сне увидел, как с западной колонны спустилась девушка в старомодном парадном платье с вышитым поясом и кофте с широкими длинными рукавами. У нее была высокая прическа, длинные тонкие брови, напудренное личико; красавица стала непринужденно расхаживать по комнате, держа в руках свиток и что-то читая вслух. Син Фын обрадовался:

— Как это вдруг ко мне снизошла такая красавица?

— Это мой дом,— ответила та с улыбкой,— вы разре-

¹ 855 г.

² Цзинчжоу — область в нынешней провинции Ганьсу.

³ Пинкан — квартал, где жили гетеры.

шите мне побыть здесь еще немного? Ничего ведь предосудительного в этом нет!

— Хотелось бы посмотреть, что вы читаете,— сказал Фын.

— Я люблю стихи,— объяснила красавица,— и часто сочиняю их.

— Осчастливьте меня, останьтесь на некоторое время, чтобы я мог прочитать ваши стихи,— попросил Фын.

Красавица вручила ему свиток и села рядом. Фын развернул свиток. Первое стихотворение называлось «Весеннее солнце» и состояло из восьми строк. За ним следовали другие: всего было несколько десятков строк.

— Если вы, сударь, желаете, то можете списать одно из стихотворений, но не больше,— сказала красавица.

Фын взял со столика изящный листок бумаги и списал стихотворение «Весеннее солнце».

Чанъаньская дева
Гуляет под солнцем весенним,

Но солнце печалит —
И нет от печали спасенья!

Ты «лук не натянешь»,
Искусно, как делала прежде,

От инея белой
Не сменишь осенней одежды...

Переписав эти стихи, Фын спросил, что значит выражение «натягивать лук»?

— Когда-то родители заставили меня выучить этот танец,— ответила красавица.

Она подобрала полы платья, расправила рукава и сделала несколько па, изображая, как натягивают лук. Потом расплакалась.

— Прошу вас, побудьте еще,— сказал Фын, но красавица начала прощаться и, помедлив немного, удалилась.

Фын проснулся, смутно припоминая увиденное во сне. Когда он переоделся, то нашел в рукаве стихи, прочел их и сразу все вспомнил. Произошло это в середине правления «Чжэньюань»¹, и Фын рассказал мне об этом на пиру, где были войсковые инспекторы и помощники окружного и уездного начальников. Ду Гу-сюань родом из Лун-

¹ «Чжэньюань» — девиз правления танского императора Дэ-цзуна (785—804).

си, Лу Цзянь-цы из Фаньяна, Чжан Ю-синь из Чаншаня, Су Ди из Угуна, охая от изумления, сказали:

— Это стоит записать.

И я записал рассказ князя, лишь только вернулся с пира.

На следующий день ко мне прибыли запоздавшие гости: Гао Юнь-чжун из Бохая, Вэй Лян из Цзинчжао, Тан Янь из Цзиньчана, Ли Юй из Гуанханя, Яо Хэ из Усина. Мы снова собрались у источника Светлой Яшмы; я вынул написанное мною и прочитал. Тогда Яо Хэ рассказал:

— В первые годы правления «Юаньхэ» мой друг Ван Янь увидел во сне, будто бы он в княжестве У¹ служит у князя. Вдруг он услышал скрип колес экипажей, выезжающих из дворца, жалобные звуки флейт и грохот барабанов. Сказали, что хоронят Си Ши². Князь, сильно сокрушаясь по поводу ее смерти, приказал гостям, умевшим писать стихи, сочинить похоронную песнь. Янь тотчас же выполнил приказание. Стихи его гласили:

На запад, в царство У,
Я устремляю взор;

Там — памятник из туч,
На нем — как птицы — строки,

Сверкает в жемчугах
Над реками шатер,

Но золотая брошь
Схоронена в потоке!

Там вся земля в цвету
И вся трава красна,

В лазоревом дворце —
Ступеньки из нефрита;

Но ветер отшумел,
И с ним ушла весна:

Я остаюсь одна,
Душа моя разбита!

Янь поднес князю свои стихи, и тот пришел в восхищение. Проснувшись, Янь подробно описал свой сон.

Родом он был из Тайюаня³.

¹ У — старое название провинции Цзянсу.

² Си Ши — знаменитая красавица древности, имя которой стало нарицательным.

³ Тайюань — главный город нынешней провинции Шаньси.

МУЗЫКА
ИЗ ЦАРСТВА МЕРТВЫХ

В

оеначальник уезда Луцзян Ли Кань, родом из уезда Лунси, жил к югу от реки Ло. В начале правления «Тайхэ»¹ он умер. У него была наложница из уезда Гуанлин по фамилии Цуй, бывшая вначале простой певицей. У нее были от него две дочери; овдовевшая мать воспитывала их почти до самого совершеннолетия. Хотя у Ли Каня и были знатные родственники, но после его смерти они прервали всякие связи с семьей покойного. Жители Луцзяна жалели сироток и вдову, но она сама, без чужой помощи, содержала семью. Цуй очень любила музыку; хотя она жила в нужде и лишениях, но все же часто играла и пела, стараясь развлечься и развеять свою тоску. У нее была младшая сестра Цзин-ну, которая не уступала старшей в красоте и прекрасно играла на двенадцатиструнной лютне. Цзин-ну была одной из самых лучших музыкантш, когда-либо известных миру; имя ее было на устах у всех современников. Семнадцати лет, не успев еще выйти замуж, она умерла, и многие оплакивали ее кончину. В детстве обе дочери вдовы Цуй учились у своей тетки играть на лютне. Старшая дочь вышла замуж за горожанина Дин Сюань-фу; она не отличалась ни острым умом, ни большими способностями. Тетка с ранних лет учила ее играть на лютне, и каждый раз, когда девочке что-то не давалось, мать била ее

¹ «Т а й х э» — девиз первых лет (827—836) правления императора Вэнь-цзуна.

плетью; но она так и не постигла всех тонкостей. Вспоминая свою тетку, девушка часто говорила:

— Я приходилась ей племянницей. Но пути живых и мертвых расходятся, и давно уже оборвалась наша нежная любовь. При жизни, тетя, вы были очень умны и добры; неужели теперь никак не можете помочь мне, чтобы я стала такой же понятливой и способной, какой были вы?

Первого числа каждого месяца она вместе с матерью делала возлияние земле и горькими слезами оплакивала умершую.

Прошло восемь лет.

В третий день четвертой луны пятого года «Кайчэн»¹ старшая дочь вдруг проснулась среди ночи и, плача, рассказала матери:

— Во сне мне явилась тетя, схватила меня за руку, и, заплавав, сказала: «После того как я покинула мир смертных, загробное судилище причислило меня к музыкальной школе, где я стала учиться у великого наставника Лу Юань-пина. Он неоднократно докладывал обо мне императору Сянь-цзуну², который в конце концов приказал мне поселиться в его дворце. Через год меня послали во дворец императора Му-цзуна³ обучать его наложниц; там я тоже провела год. Верховный владыка⁴ казнил Чжэн Чжу⁵, и в стране нашей воцарилось спокойствие. Во всех дворцах, принадлежащих императорам танской династии, отбирали певцу и музыкантов, чтобы послать их во дворцы Шэнь Яо⁶ и Тай-цзуна⁷. Я снова стала служить Сянь-цзуну. Пять дней в месяц я проводила во дворце Вечной Осени. В остальное время я имела право гулять, где хочу, но мне не разрешали уходить из дворца. Я знала о твоей признательности, твоих мечтах, но не могла прийти раньше. Недавно сяньянская княгиня, прослышав о том, что

¹ «Кайчэн» — девиз последних лет (836—840) правления Вэнь-цзуна.

² Сянь-цзун — танский император, правивший с 806 г. по 820 г.

³ Му-цзун — танский император, правивший с 821 г. по 824 г.

⁴ Верховный владыка — Шан-ди; по древним поверьям Китая — божество, отождествляемое с небом.

⁵ Чжэн Чжу — чиновник, занимавший крупный пост при императоре Вэнь-цзуне; вел борьбу с придворными евнухами.

⁶ Шэнь Яо — посмертное имя основателя танской династии Ли Юаня.

⁷ Тай-цзун (Ли Ши-мин) — второй император династии Тан, правивший с 627 г. по 649 г.

ты вспоминаешь меня, позволила мне свободно входить и выходить из дворца и тайно разрешила вернуться в мир людей, чтобы я могла удовлетворить твое желание. Ты давно уже молила об этом, но в царстве мертвых законы строги; если Владыка узнает, то серьезно покарает меня, да и другим не сдобровать».

Мать и дочь обнялись и заплакали. На следующий день они прибрали комнату, приготовили все, будто для пира, поставили на стол вино и фрукты, словно уже видели гостью перед собой. Затем дочь взяла лютню, закрыла глаза и заиграла. Со стороны казалось, будто кто-то водит ее пальцами.

Прежде, когда тетка была жива и учила племянницу, та за десять дней не могла сыграть ни одной песни, а сейчас за один раз исполнила целых десять. Названия этих песен никто до сих пор не слышал, мелодии были печальны; таинственные, глухие звуки, похожие на крик совы или переключку духов, вызывали рыдания у слушателей. Среди сыгранных песен были такие, как «Встречаю государя», «Плач по дубовому лесу», «Разлука с Гуанлином», «Трудная дорога», «Радуга над Сицзяном», «Цзиньчэнская праведница», «Тени за красным окном».

Когда звуки замерли, дух тетки грустно сказал:

— Это новые песни; Владыке они очень нравятся. Песнями «Плач по дубовому лесу», «Тени за красным окном» и другими наслаждаются ночами напролет. Их исполняют на каждом пиру, как только начинают показывать всякие фокусы. Текст написан по приказу Му-цзуна придворным поэтом Юань Чжэнем; его стихи изящны и на редкость красивы. Развеселившись от вина, Му-цзун приказывает женщинам петь, а сам помахивает в такт яшмовым жезлом. Он держит эти мелодии втайне, боясь, как бы другие не стали исполнять их, поэтому секрет его раскрывать нельзя. Пройдут годы, на земле произойдут большие перемены, тогда можно будет поведать обо всем этом миру смертных. У тьмы и света пути различны, люди и духи идут своими дорогами; сегодня, один раз за десять тысяч лет, небесные пути столкнулись с человеческими, и это вовсе не случайность. Я научила тебя песням; поднеси их земному императору, чтобы они не пропали для будущих поколений.

Из уезда об этом сообщили в округ, из округа дали знать в область. Правитель области, Цуй Шоу приказал сыграть ему эти мелодии. Лютня звучала, как колокол, ме-

лодии не имели ничего общего с местными напевами. Сравнили их с другими — оказалось, лад не похож на основные.

Мать велела младшей дочери упросить тетку научить и ее играть эти песни. Как только стемнело, тетка исчезла. Через несколько дней она снова появилась и сказала племяннице:

— Слышала я, что янчжоуский¹ военачальник собирается взять тебя в жены. Боюсь, что вышло недоразумение. Надо тебе сыграть все песни одну за другой, и все наладится.

Тут она научила ее еще одной мелодии под названием «Думы о возвращении»².

Тетка оказалась права: вскоре начальник области действительно приказал доставить девушку в Янчжоу. Известный своей честностью и добротой Ли Дэ-юй³ представил императору докладную записку по этому делу, но было уже поздно: девушка умерла.

---

¹ Янчжоу — область в нынешней провинции Цзянсу.

² «Думы о возвращении» — пьеса для лютни, которую, согласно легенде, исполнила перед смертью девушка, жившая в гареме вэйского князя Чжоу и не пожелавшая остаться после его кончины у наследника своего прежнего господина.

³ Ли Дэ-юй (787—849) — ученый, политический деятель и военный советник танской династии.

ЦУЙ ВЭЙ

В годы правления императора, царствовавшего под девизом «Чжэньюань», жил некий Цуй Вэй, сын инспектора Цуй Сяна. Цуй Сян был известным поэтом своего времени; умер он в Наньхае¹, имея чин цензора.

Цуй Вэй остался жить в этом уезде; это был человек широкой натуры, великодушный, смелый. Он любил странствия и приключения; к хозяйству душа у него не лежала. Вскоре после смерти отца он промотал все свое состояние, и пришлось ему поселиться в буддийском храме.

Наступил праздник осеннего урожая². По обычаям жителей города Фаньюя в храме расставили драгоценные безделушки, редкие вещицы, а перед монастырем Кайюань устроили театральное представление. Вслед за всеми, Цуй Вэй отправился посмотреть на зрелище.

Была там старуха нищенка; кто-то толкнул ее, и она опрокинула кувшин с вином, принадлежавший виноторговцу: тот в сердцах ударил ее. Кувшин с вином стоил какие-то гроши, и Цуй Вэй пожалел старуху. Он снял с себя куртку и отдал ее в уплату за разбитый кувшин, а старуха ушла, даже не поблагодарив его.

На другой день она пришла к Цуй Вэю и сказала:

— Спасибо, что выручил из беды. С помощью прижиганий я искусно лечу всякие наросты на человеческом теле. Вот тебе немного полыни с горы Юецзинган; как встре-

¹ Наньхай — уезд в нынешней провинции Гуандун.

² 15-го числа восьмого месяца.

тишь кого-нибудь с наростом, сделай прижигание. Не только болезнь вылечишь, но еще красавицу в жены получишь.

Цуй Вэй засмеялся, но полынь взял, а старуха вдруг исчезла.

Прошло несколько дней. Прогуливаясь у монастыря Хайгуансы, Цуй Вэй повстречал старого монаха с наростом на ухе. Решил испытать средство — все получилось так, как она говорила.

Монах был очень благодарен Цуй Вэю и сказал ему:

— Бедному схимнику нечем отблагодарить вас. Я могу только молиться о вашем здоровье и счастье. Но вот у подножия этой горы живет некий господин Жэнь. Он очень богат, и у него точно такая же болезнь. Если вы сумеете его вылечить, он щедро вознаградит вас. Прошу, возьмите от меня письмо к нему.

— Хорошо, — согласился Цуй Вэй.

Услыхав, что болезнь его излечима, старый Жэнь чуть в пляс не пустился от радости и с почестями принял гостя.

Цуй Вэй применил полученное от старухи средство и вылечил Жэня.

— Я очень признателен вам за то, что вы меня исцелили, — сказал Жэнь. — Не знаю, как отблагодарить вас. Примите эти сто тысяч и поживите у меня хоть немного.

И Цуй Вэй остался. Он был большим знатоком музыки. Однажды он услышал, как в главном зале кто-то играл на лютне. Спросил у слуги, тот ответил:

— Это любимая дочь хозяина.

Через некоторое время Цуй Вэй попросил у Жэня эту лютню и стал играть. Дочь Жэня тайком слушала его игру, и в душе ее зародилась симпатия к Цуй Вэю.

В доме Жэня водилась нечистая сила, звали ее «Одноногий черт». Раз в три года надо было приносить ему в жертву человека. Время жертвоприношений приближалось, а человека, готового пойти на смерть, найти не могли. И тогда старый Жэнь, забыв о чести и совести, сказал своему сыну:

— Если бы не наш гость, так некого было бы принести в жертву. Подумаешь, от болезни вылечил! Бывает, что и крупные благодеяния остаются неоплаченными, что же говорить о таком пустяке!

И он приказал готовить вино и закуски, решив этой же

ночью убить Цуй Вэя. В темноте подкравшись к двери его комнаты, Жэнь неслышно задвинул засов.

А тем временем его дочь проведала о решении отца и сунула гостю нож в оконную щель.

— У нас в доме водится нечистая сила, — шепнула она. — Сегодня вечером вас убьют, чтобы принести ей в жертву. Высадите окно и бегите, иначе погибнете. Нож возьмите с собой; пусть никто не знает, что я помогла вам.

От страха Цуй Вэй прошиб холодный пот. Захватив с собой полынь, он с помощью ножа открыл окно и бросился бежать. Старый Жэнь проснулся и пустился в погоню. Несколько слуг с мечами и факелами бежали вслед за Цуй Вэем и ли через семь стали нагонять его. В темноте Цуй Вэй остутился и упал в большой пересохший колодец. Преследователи потеряли его из виду и пошли домой.

К счастью, на дне колодца лежали кучи опавших листьев, и Цуй Вэй не расшибся.

Когда рассвело, он увидел, что находится в огромной пещере, которая уходила глубоко в землю; выхода на поверхность нигде не было видно. Со всех сторон громоздились выступы, за которыми могло спрятаться чуть ли не целое войско.

В центре пещеры лежала огромная белая змея, длиною в несколько чжан. Перед ней была каменная ступка, в которую капало что-то, похожее на мед. Змея то и дело слизывала жидкость.

Удивленный необычными размерами змеи, Цуй Вэй поклонился:

— Владыка-дракон, я, к своему несчастью, упал в эту пещеру, прошу вас, не причиняйте мне вреда!

Убедившись в том, что змея вняла его мольбе, Цуй Вэй подошел к ступке, слизал оставшуюся жидкость, и сразу же перестал чувствовать голод и жажду. Приглядевшись к змее, он заметил, что на губе у нее большой нарост, который мешает ей пить и есть. Из благодарности к змее, которая пощадила его, Цуй Вэй решил свести этот нарост. Но он не знал, где взять огонь. И вдруг в пещеру влетела огненная звезда. Вэй поспешно зажег полынь, рассказал змее о своем намерении вылечить ее и взялся за дело; скоро нарост отвалился от губы и упал на землю.

Почувствовав большое облегчение, змея изрыгнула огромную жемчужину и хотела отдать ее Цуй Вэю в знак своей благодарности, но тот не принял подарка.

— Владыка-дракон властвует над тучами и дождем,— сказал он,— власть ваша безгранична, вам все доступно, и если только вы захотите, то, наверное, найдете способ спасти меня от гибели в этой пещере. Если вы поможете мне выбраться отсюда и вернуться в мир смертных, то я вечно буду вам благодарен. Я хочу вернуться к людям, а драгоценности мне не нужны.

Тогда змея снова проглотила жемчужину и выпрямилась, словно собиралась уползти в другое место.

Поклонившись змее, Цуй Вэй уселся на нее верхом. Она поползла не к выходу из пещеры, а в глубь ее; уже несколько десятков ли осталось позади, а вокруг было темным-темно. Но змея излучала свет, и Цуй Вэй заметил, что на стенах пещеры нарисованы люди в древних одеждах и парадных головных уборах. Наконец Цуй Вэй увидел каменную дверь. На двери была золотая голова какого-то животного, державшего в зубах браслет. Через щели струился яркий свет.

Остановившись на небольшом расстоянии от двери, змея наклонила голову, давая Цуй Вэю возможность слезть на землю. Тот понял, что вернулся в мир смертных. За дверью оказалась огромная пещера, шагов в сто длиной. В стенах были выдолблены ниши, задернутые золотистыми и лиловыми занавесями. Богато расшитые, украшенные жемчугами и перьями зимородка, они сверкали, как ясные звезды. Рядом стояли курильницы, отлитые в виде морского змея, дракона, феникса, черепахи, вороны и воробья. Из их разинутых ртов струился слабый дымок чудесных благовоний. Рядом находился маленький бассейн, к которому вели ступени из чистого золота. В бассейне была ртуть; там находились утки и селезни, сделанные из лучшей яшмы. У стен стояли кровати, украшенные резьбой из рога носорога. Над ними висели лютни, гитары, флейты, свирели, барабаны разной величины и другие музыкальные инструменты, многие из которых Цуй Вэй совсем не знал.

Внимательно приглядевшись, он понял, что на инструментах совсем недавно играли. Юноша встревожился, не зная, какому бессмертному принадлежит эта пещера.

Цуй Вэй смотрел-смотрел и наконец, сняв со стены лютню, начал играть. Вдруг окна в стенах распахнулись, появилась маленькая служанка и со смехом сказала:

— Змея Юй Цзин-цзы уже прислала господина Цуя сюда!

С этими словами она убежала. Тотчас же вышли четыре девушки со старинными прическами, в тончайших одеждах и спросили:

— Зачем господин Цуй пробрался в женские покои владений государя?

Положив лютню, Цуй Вэй поклонился; девушки ответили на приветствие.

— Это женские покои вашего государя? А где же сам государь? — спросил Цуй.

— Он отправился на пир к Чжу-юну¹, — ответили девушки и предложили Цуй Вэю сыграть на лютне.

Цуй Вэй исполнил мелодию «Флейта инородца».

— Что это за мелодия? — спросила одна из девушек.

Цуй Вэй объяснил ей.

— Какая флейта инородца? Не понимаю.

— Ханьская² Цай Вэнь-и, дочь сановника Цай Юна, попала в плен к инородцам племени Ху. Потом ей удалось вернуться на родину; вспоминая о своем пребывании на чужбине, она сочинила пьесу для лютни, в подражание печальным мелодиям, которые наигрывали чужеземцы на своих дудках.

— Так это новая мелодия! — радостно воскликнули девушки. Велев принести вина, они принялись угощать Цуй Вэя.

Поклонившись девушкам, Цуй Вэй попросил отпустить его домой.

— Раз вы попали сюда, — возразили они, — значит так вам на роду было написано! Зачем спешить домой? Оставайтесь на время у нас. Посланец из Бараньего города скоро вернется, и вы пойдете вместе с ним.

— Государь обещал выдать за вас Тянь Фу-жэнь, хотите взглянуть на нее? — добавила одна из девушек.

Не понимая, о чем они говорят, Цуй Вэй не решился ответить.

Девушки приказали служанке позвать Тянь Фу-жэнь, но та отказалась выйти к гостю.

— Не получив приказа государя, она не решается вый-

¹ Ч ж у - ю н — легендарный император древнего Китая.

² Х а н ь — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

ти,— сказали девушки и снова велели служанке позвать Тянь Фу-жэнь, но она так и не пришла.

— Это девушка безупречного поведения, красоты исключительной, в мире смертных нет никого, кто мог бы сравниться с ней. Мы надеемся, что она вам понравится. Ведь и это было предопределено вам судьбой. Тянь Фу-жэнь — дочь князя Ци,— объяснили девушки.

— А кто этот князь? — спросил Цуй Вэй.

— Князя Ци зовут Хэн¹. Со времени победы Хань над княжеством Чжоу он живет на одном из морских островов.

Лучи солнца осветили пещеру, и Цуй Вэй увидел, что наверху было отверстие, в котором виднелось небо.

— А вот и посланец из Бараньего города! — воскликнули девушки.

С неба медленно спускался белый баран, а за ним — мужчина в парадной шапке. В руках его была большая кисть и бамбуковая дощечка, на которой была надпись, сделанная в старинной манере. Опустившись на пол, мужчина положил на столик кисть и дощечку.

По приказу девушек служанка прочла вслух надпись: «Гуанчжоуский правитель Сюй Шэнь умер, на его место назначается Чжао Чан из Аннама».

Девушки поднесли посланцу чарку вина и сказали ему:

— Господин Цуй хочет вернуться домой в Фаньюй; пожалуйста, проводите его.

Посланец поклоном изъявил согласие и обратился к Цуй Вэю:

— Потом нам с вами надо будет обменяться одеждами, вы приведите в порядок помещение и устройте угощение, чтобы отблагодарить за труды.

Цуй Вэй, ничего не понимая, только почтительно подкивал.

— Государь отдал приказ,— сказали девушки,— о том, чтобы мы дали вам жемчужину из государственной сокровищницы, а вы, когда попадете на ту сторону, продадите ее инородцу за сто тысяч чохов.

Приказав служанке открыть шкатулку с драгоценностями, девушки вынули жемчужину и вручили ее Цуй Вэю.

---

¹ После того как основатель ханьской династии Лю Бан уничтожил княжество Ци, князь Тянь Хэн и пятьсот уцелевших воинов бежали на морской остров и там покончили с собой.

Цуй Вэй поклонился и сказал:

— Я никогда в жизни не видел вашего государя, родней я ему тоже не довожусь, почему же он дарит мне такую дорогую вещь?

— У вашего отца,— ответили девушки,— есть стихи «На башне Юетай». Они понравились Сюй Шэню, и он велел отстроить ее заново. Государь был глубоко тронут и написал стихи на эту же тему. Конечно, в стихах упоминается и о драгоценном подарке. Неужели вы не догадываетесь?

— А что это за стихи? — спросил Цуй Вэй.

Девушки велели служанке написать их на бамбуковой дощечке, принесенной посланцем из Бараньего города.

Тысячелетия у дороги
Стояла башня в запустенье;

Лишь появились вы, правитель,—
И снова стала прочной башня!

От всей души благодарю вас,
О муж, достойный уваженья,

Дарю красавицу и жемчуг
За мудрые деянья ваши!

— А как зовут вашего государя? — спросил Цуй Вэй.

— Потом узнаете. В праздник Луны вам надо будет приготовить хорошее вино и изысканное угощение в одной из келий монастыря Пуцзяньсы в окрестностях Гуанчжоу. Мы придем к вам Тянь Фу-жэнь.

Отвесив несколько поклонов, Цуй Вэй стал прощаться. Только было хотел он усесться на спину белого барана, как девушки остановили его:

— Мы знаем, что у вас есть полынь тетушки Бао Гу; дайте нам немножко.

Цуй Вэй оставил им полынь, но кто такая Бао Гу так и не спросил.

В мгновение ока он был вынесен из пещеры и оказался на равнине, а баран и посланец тотчас исчезли.

Цуй Вэй поднял голову, посмотрел на звезды. Была уже пятая стража, вскоре ударил колокол в монастыре Пуцзяньсы. Цуй Вэй поспешил туда. Монах накормил его рисовой кашей, а потом проводил в Гуанчжоу.

Цуй Вэй снимал в Гуанчжоу небольшой дом. Хозяин дома встретил его и сказал:

— Три года уже вас не было. Куда вы ездили? Почему так долго не возвращались?

Цуй Вэй решил не говорить правду. Открыл двери,— все покрыто пылью,— ему даже не по себе стало. Спросил о правителе области Сюй Шэне, а тот, оказывается, действительно умер, и на его место назначен Чжао Чан.

Цуй Вэй отправился в лавку к торговцу персу продавать свою жемчужину. Старик пал ниц и, отвешивая поклон, сказал:

— Вы, господин, побывали в гробнице Чжао То — государя Наньюе¹. Иначе эта драгоценность никак не могла бы попасть к вам в руки.

И он объяснил, что жемчужина была зарыта в гробнице Чжао То.

Цуй Вэй рассказал старику все, что с ним случилось, и только тут догадался, что государь, по приказу которого ему дали жемчужину, был сам Чжао То, воинственный правитель княжества Наньюе.

Старик купил жемчужину за сто тысяч чохов.

— А как вы узнали ее? — спросил Цуй Вэй.

— Это драгоценность из нашей государственной сокровищницы — из Аравии. В далекие времена, когда династия Хань только воцарилась, один необычайный человек по приказу Чжао То перешел через высокие горы, переплыл море и добрался до Фаньюя с украденной им жемчужиной. Произошло это тысячу лет тому назад. В нашей стране есть прорицатель, который сказал, что в будущем году жемчужина вернется в государственную сокровищницу; поэтому государь велел мне снарядить большой корабль, взять с собой много денег и отправиться в Фаньюй на поиски жемчужины. И вот сегодня я наконец приобрел ее.

Рассказывая, старик промывал жемчужину в растворе киновари, и комната озарилась сиянием. Потом он сел на свою джонку и отправился домой, в Аравийское государство.

Получив столько денег, Цуй Вэй решил навести порядок в своем хозяйстве. Он пробовал искать посланца Бараньего города, но поиски его не увенчались успехом.

Однажды он забрел в храм Чэн-хуана² и увидел

¹ Наньюе — древнее княжество на территории нынешних провинций Гуандун и Гуанси.

² Чэн-хуан — дух, покровитель города.

изображения пяти баранов и духа, очень похожего на посланца. Приглядевшись, Цуй Вэй заметил, что на дощечке, которую Чэн-хуан держал в руках, была какая-то надпись, сделанная медким почерком; это были стихи, написанные служанкой в пещере.

Цуй Вэй поставил перед Чэн-хуаном вино и закуски, покрыл новым слоем краски одежды духа, прибрал помещение. Только теперь он узнал, что Янчэн — Бараний город — это другое название Гуанчжоу.

Потом Цуй Вэй пошел туда, где находился дом старого Жэня. Какой-то крестьянин сказал ему:

— Здесь гробница Жэнь Сяо — военного сановника из Наньюе.

Цуй Вэй поднялся на башню Юэ-вана и на стене увидел стихи, принадлежавшие перу отца:

В царстве Юэ одряхлели давно
Цзинской горы кипарисы;

Желтыми травами позаросли
Крыши дворца и карнизы;

Нет никого у гробницы князей;
Дети отцов позабыли;

Только бродяги подходят порой
К этой печальной могиле!

Цуй Вэй вспомнились стихи, написанные государем Юенань, и он еще раз подивился всему происшедшему.

Смотритель башни сказал ему:

— Когда-то правитель области Сюй Шэнь поднялся на эту башню, поэтому она и сверкает новизной.

Наступил праздник Луны. В одной из келий храма Пуцзяньсы Цуй Вэй приготовил богатое угощение. Время приближалось к полуночи, когда появились четыре знакомые девушки; с ними была и Тянь Фу-жэнь. Она была очаровательна, манеры и речь — изысканны и утонченны. Девушки выпили вино с Цуй Вэем, поговорили о том о сем, посмеялись, а на рассвете стали прощаться. Юноша кланялся им и почтительно благодарил. Он передал девушкам письмо к князю Юенань, в котором выразил свое глубочайшее почтение и сердечную благодарность.

Проводив гостей, Цуй Вэй вернулся в комнату.

— Если ты действительно дочь князя Ци, то почему

же сочетаешься браком с уроженцем Наньюе? ¹ — спросил он у Тянь Фу-жэнь.

— Когда мое государство пало, и семья была уничтожена, — ответила та, — я стала пленницей Юе-вана, и он сделал меня своей фавориткой. После его смерти меня положили в его гробницу; не знаю, сколько времени прошло с тех пор. Я собственными глазами видела, как в кипящем масле сварили Ли Шэня. Кажется, что это вчера было. Как вспомню о прошлом — слезы льются из глаз.

— А кто эти четыре девушки? — спросил Цуй Вэй.

— Две из них были подарены Яо — князем Оуюе ², а две — У-чжэ — князем Миньюе ³; все они тоже были похоронены, — сказала Тянь Фу-жэнь.

— Эти девушки упоминали о Бао Гу. Кто это такая?

— Это дочь правителя Наньхая Бао Цзина, которая вышла замуж за бессмертного Гэ Хуна. Она часто бродит в районе Наньхая и лечит людей от наростов прижиганиями.

Тут только Цуй Вэй понял, что Бао Гу и есть та старуха, что дала ему полынь.

— А почему белую змею называют Юй Цзин-цзы? — спросил Цуй Вэй.

— Некогда бессмертный Ань Ци-шэнь часто ездил на этой змее в Яшмовую столицу, чтобы повидать Верховного владыку; поэтому ее и называли Юй Цзин-цзы.

Так как Цуй Вэй в пещере выпил жидкость, похожую на мед, то кожа его побелела и стала нежной, а мышцы окрепли. Он жил в Наньхае более десяти лет, промотал все свое состояние, и начал изучать даосизм. Потом перевез семью на гору Лофушань, — все искал Бао Гу и скоро исчез, неизвестно куда.

---

¹ Во времена Чжао То Наньхай был переименован в Наньюе, поэтому Цуй Вэй называет себя уроженцем Наньюе.

² Оуюе — часть древнего княжества Наньюе, находившаяся на территории нынешней провинции Гуандун.

³ Миньюе — древнее княжество, находившееся на территории нынешней провинции Фуцзянь.

В годы правления «Гуандэ»¹ некий сюцай² Сунь Кэ, потерпев неудачу на государственных экзаменах, бродил в окрестностях Лояна³. Случайно выйдя на берег озера Вэйван, он увидел перед собой большое здание, видимо выстроенное совсем недавно. Прохожий объяснил ему, что этот дом принадлежит семье Юань.

Подойдя к воротам, Сунь Кэ постучался, — никто не отозвался. У ворот была маленькая пристройка — приемная для гостей. Сунь Кэ приподнял новый, блистающий чистотой занавес и вошел. Через некоторое время стукнула дверь, и в сад вышла девушка; красота ее могла покорить любого с первого взгляда. Она была похожа на светлую жемчужину, впитавшую в себя лунные блики, на ветвь зеленеющей ивы, таящую утреннюю дымку; стан ее был как ароматная орхидея, орошенная ночной росой, лицо как чудесная яшма, отмытая от земли, в которой она зародилась.

Решив, что это дочь хозяина дома, Сунь Кэ стал украдкой наблюдать за ней.

¹ «Г у а н д э» — девиз правления танского императора Дай-цзуна (763—764).

² С ю ц а й — первая ученая степень в старом Китае.

³ Л о я н — город в провинции Хэнань, вторая столица Китая в эпоху Тан.

Погруженная в глубокую задумчивость, девушка сорвала цветок и остановилась. Так стояла она долго и вдруг произнесла вслух:

Тот назовет его
«Цветком забвенья»,

А этот окрестит
«Ростком тлетворным»,

Но выскажу я
Тайные сомненья

Лишь белым облакам
И скалам черным.

В голосе ее слышалась грусть.

Затем она направилась к дому и, проходя мимо приемной, неожиданно увидела Сунь Кэ. В испуге и смущении она бросилась прочь и через мгновение скрылась в доме.

Вышла служанка и спросила:

— Кто вы и зачем пришли сюда на ночь глядя?

Сунь Кэ сказал, что намеревался снять здесь помещение.

— Я не хотел смутить вас, и мне очень стыдно, что я испугал барышню, — добавил он. — Надеюсь, вы передадите ей мои извинения.

Служанка сообщила об этом хозяйке, и та сказала:

— Раз уж я предстала перед этим господином в таком затрапезном виде, простоволосой и без всяких украшений, — так нечего теперь прятаться от него. Попроси его подождать в зале, я немного приоденусь и выйду.

Когда Сунь Кэ, очарованный красотой девушки, узнал, что она хочет повидать его, радости его не было границ.

— Кто эта барышня? — спросил он служанку.

— Это дочь уездного начальника Юаня, — ответила та. — В раннем детстве она лишилась родителей, и родни у нее не осталось. С ней только мы — слуги. Думает она выйти замуж, да все нет подходящей пары.

Через несколько минут девушка вышла к гостю. Принарядившись, она стала еще прелестнее, чем раньше. Приказав служанке подать чай и фрукты, она обратилась к Сунь Кэ:

— Если вам, господин, негде жить, можете перевезти свои вещи сюда и поселиться у нас. — И добавила, указы-

вая на служанку: — Если вам что-нибудь понадобится, скажите ей, — все будет сделано.

Сунь Кэ был вне себя от радости. Жены у него не было, а девушка произвела на него такое впечатление, что он тут же прислал к ней сваху. Девушка с радостью приняла его предложение, и вскоре они стали мужем и женой.

Дом Юань был очень богатый: золото, деньги, дорогие ткани, — всего и не счесть. То, что у Сунь Кэ, жившего прежде в бедности, появились вдруг роскошные экипажи, превосходные скакуны, прекрасные одежды и редкая утварь, очень удивило его родных и друзей. Они стали приходить к нему, расспрашивать, но он не рассказал никому, как все произошло на самом деле.

Сунь Кэ был человеком гордым; он решил не сдавать снова экзамены, не искать славы и почестей, а стал вести разгульный образ жизни; пил, веселился — и прожил так три или четыре года, не выезжая из Лояна.

Как-то раз он повстречал своего двоюродного брата Чжан Сянь-юня, отшельника, ушедшего от службы и мирских дел. Сунь Кэ сказал ему:

— Мы так давно не виделись, и мне очень хочется побеседовать с тобой. Приходи ко мне, проговорим до утра.

Чжан Сянь-юнь согласился и в условленное время пришел. Ночью, когда они уже собирались ложиться спать, Чжан Сянь-юнь взял Сунь Кэ за руку и грустно сказал:

— Я учился у знаменитого даосского наставника и кое-что узнал. Судя по твоим словам, поступкам, даже по внешности, тобой владеет бесовское наваждение, но не знаю, что с тобой произошло. Прошу, расскажи мне все, что с тобой случилось, ничего не скрывая, даже самого малого; в противном случае, боюсь, тебя ждет большая беда!

— Ничего со мной не случилось, — успокаивал его Сунь Кэ.

— Видишь ли, — продолжал Чжан Сянь-юнь, — у людей есть сила света Ян, а у бесов — сила тьмы Инь. Если в человеке духовное начало одерживает верх над чувственным началом, то этот человек живет вечно и никогда не старится; если же побеждает чувственное начало, то человек сразу же умирает. У бесов нет телесной оболочки, потому что они целиком состоят из сил тьмы, а у бессмертных нет тени, потому что они целиком состоят из сил света. Какие силы победили, какое начало выиграло сражение, сразу видно по внешности человека. Глядя на тебя, я ви-

жу, что силы тьмы заняли место сил света, бесовское наваждение овладело твоим сердцем. Силы света уже на исходе, разум и чувства твои угасают, в лице нет ни кровинки, жизненные соки истощены, корень жизни подточен. Кости твои скоро иссохнут. Ясно, что тобой владеют бесовские чары. Почему же ты таишься от меня и не хочешь рассказать всей правды?

Сунь Кэ был сильно испуган. Он рассказал Чжан Сянь-юню о своей жене Юань, и брат вскричал в волнении:

— Она и есть это бесовское наваждение! Но что же теперь делать?

— Сколько я ни думаю, сколько ни вспоминаю,— она не делала ничего удивительного, ничего необычного,— возразил Сунь Кэ.

— Как могло случиться, что из всего рода Юань в живых осталась только она одна? — сказал Чжан Сянь-юнь. — Да и ум и поведение ее вызывают недоверие.

— Всю свою жизнь я бедствовал,— возразил Сунь Кэ,— жил в нищете и нужде. Только после женитьбы встал на ноги. Можно ли забыть все то, что она мне сделала! Как же быть?

Чжан Сянь-юнь рассердился:

— Тут с людьми не знаешь, как себя вести, а ты беспокоишься о нечисти! В «Цзочжуани»¹ сказано: «Люди сами привлекают к себе или прогоняют от себя нечистую силу». Если в человеке нет червоточины, то нечисти ни за что с ним не совладать. И потом, суди сам, что важнее — чувство благодарности или твое здоровье. Сейчас ты в опасности, так чего же думать о долге по отношению к нечистой силе? Даже маленький ребенок может это понять, а ты все-таки взрослый человек. У меня есть волшебный меч,— продолжал отшельник,— которым можно сразить нечистую силу. При одном взгляде на него всякая нечисть обращается в бегство, и я неоднократно прибегал к его помощи. Завтра утром я дам его тебе; когда ты войдешь с ним в покой твоей жены, она на смерть перепугается; так же было когда-то с Ин У, которая взглянула в волшебное зеркало Ван Ду². Без этого ты не сможешь отделаться от наваждения.

---

¹ «Цзочжуань» — комментарий к исторической хронике «Чуньцю».

² См. новеллу «Древнее зеркало».

На следующий день Чжан Сянь-юнь вручил драгоценный меч Сунь Кэ и, прощаясь, крепко сжал его руку:

— Выжди подходящий момент! — сказал он.

Сунь Кэ взял меч и спрятался в спальне жены, хотя на сердце у него было очень беспокойно.

Внезапно Юань проснулась и в гневе обрушилась на Сунь Кэ с упреками:

— Я спасла тебя от нищеты и голодной смерти, дала тебе возможность жить в спокойствии и довольстве. А ты забыл о благодарности и задумал недоброе. Даже собаки погнушаются мясом такого человека, как ты. Да разве тебе место среди людей?

Сунь Кэ был пристыжен и испуган. Понурился, он сказал:

— Этому меня научил мой двоюродный брат, сам я на такое никогда бы не решился. Клянусь с этого дня никогда ничего не замышлять против тебя.— И он, обливаясь слезами, бросился перед ней на колени.

Выхватив меч, Юань изломала его на куски с такой легкостью, словно это был стебель лотоса.

Сунь Кэ перепугался и хотел было бежать, но Юань засмеялась.

— Вместо того чтобы научить тебя тому, как должен вести себя благородный человек, этот щенок Чжан Сянь-юнь решил сделать из тебя негодяя. Когда он придет сюда, надо будет хорошенько пристыдить его. Но я знаю твое сердце, ты ведь не такой, как он, ты не должен был так поступать. Мы с тобой прожили несколько лет, как же ты можешь сомневаться?

Сунь Кэ поверил ей и успокоился.

Через несколько дней он вновь повстречал Чжан Сянь-юня.

— Заставил же ты меня дергать тигра за усы, я чуть на тот свет не отправился! — сказал он двоюродному брату.

Тот спросил о волшебном мече, и когда Сунь Кэ рассказал ему, как Юань сломала меч, сильно испугался и воскликнул:

— Разве я мог это предвидеть?

С тех пор он так боялся Юань, что не решался зайти к Сунь Кэ.

Прошло более десяти лет, и Юань родила двух сыно-

вей. Она очень строго управляла домом, не допуская никаких отклонений от заведенных ею порядков.

Потом Сунь Кэ поехал в Чжаншань, нанес визит министру Ван Цзиню, и тот рекомендовал его наньканскому¹ вельможе Чжан Вань-цзину на должность помощника. Вместе с семьей Сунь Кэ отправился к месту службы.

Каждый раз, когда они проезжали мимо высоких гор, покрытых сосновыми лесами, Юань так смотрела вдаль, словно что-то угнетало ее. Когда они прибыли в Дуаньчжоу, Юань сказала:

— В нескольких часах езды отсюда на берегу реки находится монастырь Сяшань; в нем живет буддийский монах Хой Ю, который прежде служил нашей семье. Мы не виделись уже много лет. Хотя он очень стар, но искусно угадывает судьбу и может спасти человека от неприятностей, помочь в беде. Заедем к нему, это принесет нам счастье.

— Хорошо,— согласился Сунь Кэ.

Когда они подъехали к храму, Юань была очень весела. Она переоделась, причесалась, нарумянилась и, взяв с собой двух сыновей, направилась в келью монаха. По всему было видно, что она очень хорошо знала эти места. Увидев старого монаха, Юань вручила ему нефритовый браслет.

— Это старая фамильная вещь,— сказала она.

Монах был не в силах скрыть свое удивление.

Когда они поели, с растущих поблизости сосен спрыгнули десятки обезьян и набросились на остатки пищи. Через мгновение они взобрались на деревья, цепляясь за лианы. Их крики походили на печальный смех.

Юань была сильно расстроена. Схватив кисть, она написала на стене храма следующие стихи:

Великой милостью монаха
Сердца людей познала я,

Путем волшебных превращений
Ушла из мира обезьян;

Не лучше ль снова возвратиться
На склоны гор, к своим друзьям,

Где можно громко рассмеяться,
От взоров спрятавшись в туман?

¹ Нанькан — уезд в нынешней провинции Цзянси.

Кончив писать, она бросила кисть на землю и, схватив детей в объятия, громко зарыдала.

— Желая тебе счастья, мы расстаемся навсегда,— сказала она Сунь Кэ.

Сорвав с себя одежды, она превратилась в обезьяну и вскарабкалась на дерево. Добежав до лесной чащи, она в последний раз обернулась и скрылась из глаз. Сунь Кэ остолбенел от изумления. Долго стоял он как громом пораженный, пока наконец крики испуганных детей не привели его в чувство.

Тогда он стал расспрашивать старого монаха, и тот все объяснил ему.

— Эту обезьяну,— сказал он,— я кормил, когда был бедным послушником. В годы «Кайюань» Гао Ли-ши¹, фаворит императора, проезжал здесь, и обезьяна полюбила его за ум и находчивость; Гао Ли-ши купил ее у меня за свиток шелка. Говорят, по прибытии в Лоян он подарил ее императору. Позднее от посланцев императора, проезжавших через наши края, я узнал, что эта обезьяна оказалась поумнее многих людей: жила она во дворце Шанъян. После восстания Ань Лу-шаня я долго не получал о ней никаких вестей. Да, не мог себе представить, что сегодня увижу ее! Яшмовый браслет мне когда-то подарил один малаец. В те времена обезьяна носила его на шее, я сейчас только припомнил это.

Сунь Кэ был охвачен глубокой печалью. Он провел в монастыре несколько дней, а затем вернулся с сыновьями домой, так и не приступив к исполнению своих новых служебных обязанностей.

---

¹ Гао Ли-ши (683—762) — евнух, любимец танского императора Сюань-цзуна, крупный политический деятель своего времени.

КУНЬДУНЬСКИЙ РАБ

В годы правления «Дали» жил юноша по имени Цуй. Отец его — крупный чиновник — был близким другом министра. Юноша нес службу в дворцовой страже, и однажды отец послал его справиться о здоровье министра.

Цуй был очень красив, от природы застенчив, в действиях спокоен, в разговорах — красноречив.

Министр приказал служанкам поднять занавески и позвать гостя; Цуй поклонился, передал послание отца. Министр был ласков с юношей, велел ему сесть и рассказывать.

В это время три девушки невиданной красоты принесли золотые чаши. В них лежали очищенные и политые сладким вином персики. Министр приказал девушке, одетой в красное, поднести одну чашу гостю. Цуй, смущенный присутствием девушек, не мог есть. Тогда министр велел кормить гостя с ложечки, и Цуй поневоле должен был есть. Девушка в красном улыбалась.

Когда юноша собрался уходить, министр сказал ему: — Приезжайте снова, когда будет свободное время, не стесняйтесь.

И он велел девушке в красном проводить гостя. Когда Цуй обернулся, девушка подняла вверх три пальца, трижды повернула ладонь кверху, и, указав на зеркальце, висевшее у нее на груди, молвила:

— Запомни!

Больше она не сказала ни слова.

Возвратившись домой, Цуй передал отцу, о чем говорил министр, и вернулся к себе, но занятия не шли ему на ум; он погрузился в размышления, стал молчаливым и угрюмым, впадал в отчаяние, тосковал и забывал о пище. Он только повторял стихи:

У высокой вершины
Я до ночи бродил безмятежно;

Звезды в небе дрожали,
Словно серьги красавицы нежной.

Красный полог открылся —
И проникла луна во дворец;

Мне казался печальным
Лик ее белоснежный.

Никто из окружающих не догадывался, о чем тоскует юноша.

В доме был куньлуньский раб¹ по имени Мелек; он долго присматривался к юноше и однажды спросил:

— Что у тебя на сердце, почему ты так печален? Откройся старому рабу!

— Сможешь ли ты понять, — ответил Цуй, — и зачем хочешь проникнуть в тайники моей души?

— Так скажи же, — настаивал Мелек, — я обещаю достать тебе то, о чем ты думаешь, далеко оно или близко.

Удивленный словами раба, Цуй поведал ему обо всем.

— Это пустячное дело, — молвил Мелек, — почему же ты раньше мне не рассказал этого, а горевал втайне?

Цуй рассказал и о знаках, которые делала девушка.

— Их нетрудно понять, — сказал раб. — Три поднятых вверх пальца означают, что у министра девушки живут в десяти комнатах, а сама она занимает третью. Трижды поворачивая ладонь, она показала тебе пятнадцать пальцев, а имела в виду пятнадцатое число. Указывая на зеркальце, хотела сказать, что в пятнадцатую ночь, когда луна станет круглой, как зеркало, она будет тебя ждать.

Не скрывая своей радости, Цуй спросил:

— А каким образом я смогу достичь желаемого?

---

¹ В эпоху Тан чернокожих невольников называли куньлуньскими рабами, так как их привозили из-за гор Куньлунь, представлявшихся китайцам краем света на западе.

— Завтрашняя ночь пятнадцатая, — улыбнувшись, сказал Мелек. — Дай мне два куска темно-синего шелка, чтобы сшить платье. Министр держит лютого пса, который охраняет помещение, где живут девушки. Посторонний туда не может проникнуть, а проникнет — пес загрызет его. Это пес хайчжоуской породы — быстрый, как молния, и свирепый, словно тигр. Я — единственный человек в мире, который может с ним справиться. Сегодня ночью я убью его ради тебя.

Цуй дал рабу мяса и вина, и в третью стражу тот ушел из дому, захватив молот и цепь. Вскоре раб вернулся и сказал:

— Пес мертв. Теперь нам ничто не помешает.

На следующую ночь, в третью стражу, раб помог юноше надеть темно-синее платье и посадил его на плечо. Миновав более десяти стен, они очутились наконец около помещения девушек и остановились у третьей двери. Дверь была приоткрыта, наружу пробивался слабый свет бронзового светильника. Девушка вздыхала, будто ждала кого-то. Она повторяла стихи:

В песне иволги слышится
О друге далеком тоска;

Поспешил за цветы
Он с жемчужной серьгойю укрыться;

Не приносят мне весточки
Лазоревые облака;

Пой же, флейта моя,
О надежде, о фениксе-птице!..

Стража заснула, кругом было тихо. Юноша поднял занавес и вошел. Долго смотрела девушка и наконец узнала его. Она прыгнула с ложа, сжала руки юноши и сказала:

— Я знала, что ты умен и поймешь мои знаки. Но я не ведала, что ты обладаешь искусством магии и сможешь прийти сюда.

Цуй рассказал девушке о замысле Мелека и о том, как раб доставил его сюда.

— Где он? — спросила девушка.

— За занавесом.

Девушка позвала раба, поднесла ему вина в золотом бокале. Обращаясь к юноше, она сказала:

— Наша семья была богата и жила у северных границ. Мой повелитель, военачальник, взял меня в наложницы. Не смогла себя убить и вот влачу позорную жизнь. На лице пудра, румяна, а в сердце всегда печаль. У меня нефритовая посуда, благовония — в золотых курильницах, я ношу одежды из узорчатых шелков. В моей комнате расшитые покрывала, перламутр и драгоценности. Но не нужны мне все эти вещи, я чувствую себя как в тюрьме. Раз твой слуга обладает сверхъестественной силой, то почему бы вам не вызволить меня из этой тюрьмы? Только бы стать снова свободной, тогда можно и умереть без сожаления. Хочу быть твоей рабыней и почту за честь служить тебе. Что ты ответишь на это?

Цуй изменился в лице, но не проронил ни слова. За него ответил Мелек:

— Если ты, девушка, действительно этого хочешь, то осуществить побег нетрудно.

Девушка возликовала.

Мелек сказал, что сначала надо перенести ее вещи, и сделал это в три приема. Потом заметил:

— Скоро рассвет.

Раб посадил на спину юношу и девушку и перелетел с ними через десять стен. Стража министра ничего не слышала. Наконец они возвратились в дом юноши и спрятали девушку.

На следующее утро министр очень перепугался, когда слуга доложил, что девушка исчезла, а пес мертв.

— Мой дом всегда зорко охранялся, и замки были надежные,— дивился министр,— а сейчас будто кто-то спустился сверху и не оставил следов! Здесь что-то неладно! Ни слова об этом, чтобы не накликать беду.

Два года девушка скрывалась в доме Цуя, но однажды весенним днем, когда она отправилась в маленькой коляске на прогулку к излучине реки, один из слуг министра увидел и узнал ее. Вернувшись, он рассказал об этом министру. Тот был крайне удивлен, позвал Цуя. Юноша не посмел скрыть правду и все выложил министру, не умолчав о том, какую роль в этой истории играл раб Мелек.

— Велика провинность девушки,— сказал министр,— но она уже давно служит тебе, и теперь поздно вершить суд. Но я обязан обезопасить людей от этого волшебника.

Он приказал пятидесяти хорошо вооруженным стражникам окружить дом Цуя и схватить раба. Мелек с кинжа-

лом в руке перелетел через высокую стену так легко, словно у него были крылья. Он стал похож на коршуна; стрелы, не достигнув цели, дождем падали на землю. Через мгновение Мелек исчез.

Великий страх овладел семьей Цуя, министр тоже раскаивался в содеянном. Каждую ночь в течение многих лет его охраняли слуги, вооруженные мечами и трезубцами.

Десять лет спустя один из слуг Цуя видел Мелека, продававшего лекарства на рынке в Лояне. Раб ничуть не изменился.

Нинь-нянь была дочерью военачальника Не Фэна из города Вэйбо. В годы правления «Чжэньюань», когда девочке исполнилось десять лет, в дом ее отца зашла нищая монахиня. Нинь-нянь так ей понравилась, что монахиня попросила отца отпустить девочку с ней. Не Фэн рассердился и грубо отказал.

— Дочь твою я уведу с собой, даже если ты будешь держать ее в железном ящике,— сказала монахиня.

В ту же ночь девочка исчезла; все попытки разыскать ее ни к чему не привели. Родители сильно горевали и плакали,— ничего другого им не оставалось делать.

Прошло пять лет, и монахиня вернула Нинь-нянь.

— Я научила ее всему, что знала сама,— сказала монахиня Не Фэну.— Можешь получить дочь обратно.

С этими словами она исчезла. Вся семья обрадовалась возвращению девушки. Когда ее спросили, чему она научилась у монахини, Нинь-нянь сказала:

— Я только читала древние книги и учила наизусть заклинания. Ничего другого я не делала.

Отец не поверил и велел рассказать правду.

— Все равно вы мне не поверите,— ответила Нинь-нянь.

Не Фэн настаивал, и дочь поведала ему следующее:

— Я не знаю, какой путь мы проделали в ту ночь, когда меня похитила монахиня. К рассвету мы очутились в огромной пещере на высокой горе. Людей там не было — только множество обезьян.

В пещере уже находились две девочки, им было лет по десяти. Умные и красивые, они не нуждались в пище, умели взбираться на отвесные скалы и перелетать с одной на другую; по деревьям они лазили, как обезьяны, и никогда не падали.

Монахиня дала мне зернышко и драгоценный меч. В длину он имел около двух чти и был такой острый, что волос, упавший на лезвие, разрезался пополам.

Девочки научили меня лазать по скалам и деревьям, и постепенно тело мое стало легким, как ветерок.

Через год я уже легко убивала обезьян, а потом тигров и леопардов. Я отрубала им головы и возвращалась в пещеру. Через три года я могла без промаха сбивать своим мечом орлов и ястребов. Взлетая вверх, меч становился все меньше и меньше и настигал птиц, которые даже не знали, что их сразило.

На четвертый год, оставив двух человек караулить пещеру, монахиня взяла меня в незнакомый город. Указав мне на какого-то человека, она перечислила его преступления и сказала: «Иди отруби ему голову. Не бойся,— это не труднее, чем сбить птицу!» И я среди бела дня отрубила этому человеку голову, и никто меня не увидел. Я положила голову в мешок и вернулась в наше жилище, где монахиня при помощи какого-то снадобья превратила голову в воду.

На пятый год монахиня сказала: «Один важный чиновник провинился: он без всякого повода обижает людей. Пробрись ночью в его комнату и отруби ему голову». Я взяла кинжал и, беспрепятственно проникнув в его комнату через дверную щель, спряталась за стропилами. Когда я вернулась и принесла голову, монахиня в гнев закричала на меня: «Почему ты так задержалась?» — «Чиновник играл с прелестным мальчиком и у меня не поднималась рука»,— ответила я. «Если ты еще когда-нибудь попадешь в такое же положение,— приказала монахиня,— то сначала разруби ребенка, а потом отца».

Я обещала сделать так, как она велела.

Затем монахиня сказала: «Я вскрою тебе затылок и спрячу там твой кинжал. Это не причинит тебе вреда, и ты сможешь вынуть кинжал, когда он тебе понадобится.— Потом добавила:— Теперь ты овладела моим искусством и можешь вернуться домой. Ровно через двенадцать лет мы встретимся снова».

Рассказ дочери сильно напугал Фэна. По ночам девушка исчезала и возвращалась только на рассвете. Отец не отваживался расспрашивать дочь и стал мало о ней заботиться.

Однажды Инь-нян увидела юношу, шлифовальщика зеркал, и сказала: «Этот человек будет моим мужем». Она поведала о своем желании отцу, тот не осмелился возражать, и молодые люди поженились. Кроме полировки зеркал, ее муж ничего не умел делать. Одежду, пищу и деньги им давал отец.

Через несколько лет после смерти Фэна наместник из Вэйбо, знавший кое-что об Инь-нян, пригласил ее с мужем к себе на службу, и они прожили у него несколько лет.

В годы правления «Юаньхэ» наместник из Вэйбо поссорился с наместником Лю из Чэньсюя и послал Инь-нян убить его. Инь-нян вместе с мужем оставила своего покровителя и отправилась в столицу Чэньсюй.

Наместник Лю был предсказателем и заранее знал о приезде Инь-нян. Он позвал одного из своих военачальников и приказал:

— С утра поедешь к северным воротам встречать их.

Они появились,— мужчина верхом на черном осле, женщина — на белом. Около городских ворот застрекотала сорока. Мужчина схватил свой лук и выстрелил, но промахнулся. Женщина взяла у него лук и сбила сороку одной стрелой.

Военачальник приблизился к ним и сказал, что он явился приветствовать их по приказу наместника.

— Пославший тебя обладает магической силой, иначе как бы он мог узнать о нашем приезде? Мы хотим видеть наместника Лю,— сказала Инь-нян.

Лю принял их очень радушно. Раскаиваясь в своих намерениях, муж и жена признались:

— Мы посланы убить тебя.

— Вы не должны чувствовать себя виноватыми,— ответил Лю.— Каждый служит своему господину. Чем Суючжоу хуже Вэйбо? Хорошо, если бы вы остались здесь.

— Наше желание — служить тебе,— с благодарностью сказала Инь-нян.— Мы имели случай убедиться, что тебе послушны тайные силы и ты мудрее наместника Вэйбо.

Лю спросил, в чем они нуждаются; они ответили, что двести монет в день для них было бы достаточно. Лю согласился.

Ослы, на которых приехали супруги, внезапно исчезли. Их нигде не могли обнаружить. Однажды Лю осмотрел мешок приехавших и увидел там двух ослов, вырезанных из бумаги,— одного черного, другого белого.

Через месяц Инь-нян сказала Лю:

— Наместник из Вэйбо не знает о том, что мы покинули его. Необходимо его известить. Я отрежу прядь своих волос, перевяжу ее красным шелком и положу на подушку наместника; этим я дам знать, что мы никогда не вернемся обратно.

Лю согласился.

Инь-нян вернулась в четвертую стражу и сказала Лю:

— Послание отправлено. Сегодня ночью по приказанию наместника из Вэйбо Цзин Цзин-эр должна убить меня и отрубить тебе голову. Однако бояться нечего, я перехитрю ее.

Бесстрашный Лю ничуть не испугался. Во вторую половину ночи при ярком свете свечи он заметил два флажка — один красный, другой белый,— носившиеся в воздухе вокруг его кровати так, словно это были два человека, вступившие в поединок. Через некоторое время один флажок упал на пол и превратился в женщину с отрубленной головой. В этот момент появилась Инь-нян.

— Цзин Цзин-эр мертва,— сказала она и выволокла тело во двор, где при помощи какого-то снадобья превратила его вместе с волосами в воду.

— Завтра ночью,— сказала Инь-нян,— наместник из Вэйбо пошлет сюда Кун Кун-эр. Никто не постиг силы ее магии; она летает с такой быстротой, что даже духи не могут угнаться за нею. Она взмывает в небо и проникает в потусторонний мир, может скрыться и уничтожить свою тень. Эта женщина гораздо искуснее меня. Единственно, что мы можем сделать,— это обложить твою шею нефритом. Я же превращусь в комара, заберусь в твои внутренности и оттуда буду наблюдать. Ничего другого придумать я не в силах — от Кун Кун-эр нельзя спрятаться.

Лю так и поступил. В третью стражу, едва он задремал, что-то со страшным металлическим звоном ударило его по шее. Инь-нян выпрыгнула из его уст и поздравила:

— Больше нечего бояться. Эта женщина подобно соколу, который, преследуя голубя и промахнувшись, больше его не трогает и улетает прочь, стыдясь своей неудачи. В этот момент она уже за тысячу ли отсюда.

Когда осмотрели нефрит, то обнаружили на нем глубокий след от удара кинжалом.

С этого времени Лю относился к Инь-нян с величайшим почтением.

В восьмой год правления «Юаньхэ» он должен был отправиться на аудиенцию к императору. Инь-нян не пожелала сопровождать его.

— Отныне, — сказала она, — я хотела бы уйти в горы и поискать людей, познавших бессмертие. Прошу тебя — позаботься о моем муже.

Лю обещал. После этого он ничего о ней не слышал.

Когда Лю умер, Инь-нян приехала в столицу на своем осле и плакала над его гробом, потом опять исчезла. В годы правления «Кайчэн» сын Лю по имени Цзун, был назначен правителем Линчжоу и однажды встретил Инь-нян на горной тропе. За эти годы она нисколько не изменилась и, как всегда, ехала на белом осле. Инь-нян очень обрадовалась встрече, достала зернышко какого-то снадобья и заставила Цзуна проглотить его.

— Если хочешь избежать беды, — сказала она, — то в будущем году откажись от должности и возвращайся в Лоян; снадобье, которое ты проглотил, будет защищать тебя только в течение года.

Цзун не поверил ей. Он предложил Инь-нян в подарок яркие шелка, но она не взяла их. Они выпили много вина, и Инь-нян уехала.

Цзун так и не отказался от должности и через год умер в Линчжоу. С этих пор никто больше не видел Инь-нян.

ПРЕДСКАЗАННЫЙ БРАК

Вэй Гу из Дулина осиротел в раннем детстве. Когда он подрос, то пожелал жениться, однако долгое время не мог найти подходящую невесту. Во второй год правления, известного под девизом «Чжэньгуань»¹, случилось ему посетить Цинхэ, и по дороге он остановился в харчевне к югу от Сунчэна. Один из проезжих сказал, что он знает удалившегося от дел чиновника по имени Сыма Пань-фан, у которого есть дочь-невеста, и если Гу интересуется этим, то пусть сходит в храм Лунсин, западнее харчевни, и сам обо всем расспросит.

Гу давно уже мечтал жениться. Он пошел к храму на следующее же утро, когда заходящая луна еще блестела на небе. На ступенях храма сидел старик с мешком и при лунном свете читал свиток. Гу подошел к нему, заглянул в свиток, однако не смог прочитать написанного.

— Что это за книга? — спросил он учтиво. — Я прилежно занимаюсь с юных лет и хорошо знаю всякого рода письмена, включая санскрит, на котором пишут в западных странах, однако я никогда не видел ничего похожего на то, что начертано в вашей книге.

— Конечно, ты никогда не видел ничего подобного, — улыбнулся старик, — ибо такую книгу нельзя найти в этом мире.

— Что же это за книга? — спросил Гу.

— Книга ада, — был ответ.

— Как же могло случиться, что вы, человек из ада, появились в этом мире?

— Ты оказался вне дома слишком рано, поэтому и

¹ То есть в 628 г.

встретил меня. Ибо с тех пор, как посланцы ада управляют судьбами людей, они должны посещать свои владения. Ведь дороги принадлежат наполовину людям, наполовину — теням, только многие не знают об этом.

— Какими же делами вы ведаете?

— Всеми свадьбами в этом мире.

Гу обрадовался и сказал:

— Я с малых лет остался сиротой, и моею мечтой было пораньше жениться, чтобы обзавестись большой семьей. Однако вот уже более десяти лет я тщетно ищу подругу. В это утро я должен встретить одного человека, чтобы поговорить с ним о браке с дочерью Сыма Пань-фана. Станет ли она моей женой?

— Нет! Твоей будущей жене сейчас только три года, и она войдет в твой дом, когда ей исполнится семнадцать лет.

Затем Гу спросил старца, что лежит у него в мешке; тот ответил:

— В нем красные веревки, которыми я связываю ноги тех, кому предназначено стать мужем и женой. Те, кого я соединил этими веревками, рано или поздно станут супругами, даже если их семьи издавна враждуют. Никакие превратности судьбы или большие расстояния не могут разделить отмеченных мною. Твои ноги уже привязаны к той девушке, о которой я говорил, и все твои хлопоты в другом месте напрасны.

— Где же моя будущая жена, и чем занимается ее семья?

— Она дочь женщины, торгующей овощами к северу от вашей харчевни.

— Могу ли я видеть ее?

— Мать всегда берет девочку на рынок. Следуй за мной, и я покажу ее.

Когда рассвело, старик свернул свиток, взял мешок и отправился в путь. Гу последовал за ним. Придя на рынок, они увидели женщину с трехлетней девочкой на руках. У женщины была отталкивающая внешность и только один глаз; ребенок казался еще более отвратительным.

— Вот твоя будущая жена, — сказал старик.

— Я убью ее! — воскликнул Гу в гневе.

— Все попытки твои будут тщетны. Ей предназначено стать уважаемой женщиной благодаря заслугам сына.

С этими словами старик исчез.

Гу наточил нож и дал его своему слуге со словами:

— Ты верно служил мне, убей эту девочку — и я дам тебе десять тысяч монет.

— Хорошо, — согласился слуга.

На другой день, спрятав нож в рукав, он отправился к тому месту, где женщина торговала овощами.

Слуга ударил девочку ножом и, воспользовавшись поднявшейся суматохой, спасся бегством.

— Убил ее? — спросил Гу, когда посланец вернулся.

— Я целился в сердце, — отвечал слуга, — но удар пришелся выше глаза.

Более четырнадцати лет тщетно пытался Гу найти себе невесту. Затем, в память о безупречной службе отца, Гу был назначен помощником по судебным делам к губернатору Сянчжоу по имени Ван Тай. Он выполнял свои обязанности так хорошо, что Ван Тай отдал ему в жены свою прекрасную дочь лет семнадцати от роду. Гу был очень доволен женою, но ему казалось странным, что она всегда закрывает лоб золотыми украшениями и никогда, даже умываясь, не снимает их.

Спустя год Гу спросил, зачем она так делает, и она с печалью ответила:

— Я — племянница правителя, а не дочь. Мой отец до самой смерти занимал пост судьи в Сунчэне. Я тогда была ребенком. Мать и брат также умерли. Моя кормилица пожалела меня и взяла на себя все заботы. Она вынуждена была выращивать овощи на клочке земли, который остался от отца, и продавать их на рынке. Когда мне было около трех лет, какой-то безумец ударил меня ножом, — с тех пор на лбу и остался рубец. Вот почему я ношу эти украшения. Семь или восемь лет назад меня нашел и удочерил мой дядя, а потом отдал тебе в жены.

— Твоя кормилица была слепая на один глаз? — спросил Гу.

— Да, откуда ты это знаешь?

Гу рассказал ей все... Супруги жили в согласии и относились друг к другу с уважением. Позднее у них родился сын, которому дали имя Кунь. Со временем он стал правителем в Иньмэни, и в силу занимаемого им положения его матери был пожалован обычный в таких случаях титул.

Когда судья из Сунчэна услышал эту историю, он даровал харчевне, где останавливался Вэй Гу, название «Харчевни предсказанного брака» и велел начертать эти слова у входа.

ГУЛЯКА И ВОЛШЕБНИК

В последние годы династии Северная Чжоу¹ и в первые годы династии Суй² жил некий Ду Цзы-чунь, молодой гуляка. О своем доме и имуществе он и не думал, жизнь вел праздную и разгульную, пристрастился к кутежам и быстро промотал свои богатства. Родственники отвернулись от Цзы-чуна, потому что он не хотел работать.

Однажды зимой в драной одежде и с пустым брюхом слонялся он по улицам Чанъани; день клонился к вечеру, а Цзы-чунь еще ничего не ел; идти было некуда. У западных ворот Восточного рынка, страдая от холода и голода, он остановился и, взглянув на небо, тяжело вздохнул.

К нему подошел старик с клюкой и спросил:

— Почему ты вздыхаешь?

Цзы-чунь высказал старику свои печали, кляня родственников за бессердечие; и на лице его отразились все волновавшие его чувства.

— Сколько тебе нужно денег, чтобы жить без нужды? — спросил старик.

— Мне было бы довольно тысяч тридцати — пятидесяти, — отвечал Цзы-чунь.

— Маловато, — заметил старик.

— Сто тысяч.

— Маловато.

---

¹ 558—581 гг.

² 581—617 гг.

— Миллион.

— Маловато.

— Три миллиона.

— Теперь, наверно, хватит,— сказал старик. Он вынул из рукава связку монет и передал ее Цзы-чуню.— Это тебе на сегодняшнюю ночь, а завтра в полдень я буду ждать тебя в подворье персов на Западном рынке. Смотри не опоздай!

На другой день Цзы-чунь пришел в назначенное время. Старик дал ему три миллиона и исчез, не назвав даже своего имени.

Став богатым, Цзы-чунь снова принялся за кутежи, полагая, что дни нищеты больше не вернутся. Он обзавелся добрыми конями, дорогими одеждами и вместе со своими сотрапезниками проводил время в веселых домах, пел и плясал, нисколько не заботясь о будущем.

Через два года деньги кончились. Богатые одежды и резвых коней пришлось продать и заменить их более скромными. Вскоре на смену последнему коню появился осел, а когда и его не стало, пришлось ходить пешком; Цзы-чунь стал беден, как прежде. И снова, не зная, что ему делать, он поплелся к воротам рынка, вздыхая и ропща на свою судьбу. Послышались шаги, появился старик и, взяв Цзы-чуня за руку, воскликнул:

— Что случилось? Ты снова гол и нищ! Скажи, сколько тебе нужно денег, и я помогу тебе.

Цзы-чунь, устыдившись, не отвечал; несмотря на все настояния старика, он лишь смущенно молчал.

— Завтра в полдень приходи на прежнее место,— сказал старик.

Преодолевая стыд, Цзы-чунь явился в назначенный час и получил десять миллионов. Еще до этого он решил изменить образ жизни и, занявшись каким-нибудь делом, превзойти знаменитых богачей древности. Но как только в его руках оказались деньги, он позабыл о своих благих намерениях и, как в былые времена, предался удовольствиям. Прошло года три, и он стал беднее, чем прежде. Однажды на старом месте он опять встретил старика. Не в силах побороть стыд, Цзы-чунь закрыл лицо и хотел удалиться. Но старик ухватил его за край одежды и сказал:

— Худо обернулись твои дела.— Затем дал тридцать миллионов и добавил: — Если это тебя не излечит, значит бедность твоя неизбежна.

Цзы-чунь подумал:

«Я вел беспутный образ жизни, часто бедствовал, но никто из родственников не помог мне. Совсем чужой человек трижды выручил меня из беды; как я смогу отблагодарить его?» И, обращаясь к старику, он сказал:

— Этих денег мне хватит, чтобы заняться достойным делом, обеспечить всем необходимым бедных родственников и выполнить, таким образом, свой долг. Я глубоко вам благодарен, и, как только мои дела наладятся, я сделаю все, что вы скажете.

— Этого я и хотел, — ответил старик. — Устраивай свои дела, сын мой! Мы встретимся в пятнадцатый день седьмого месяца будущего года под двумя можжевельниками, у храма Лао-цзы.

Так как большинство родичей Цзы-чуня жили к югу от реки Хуай, то он купил десять тысяч му плодородной земли в пригородах Янчжоу, возвел там большие дома, а в близости от главных дорог построил более ста загородных домиков, где и поселил бедных родственников. Устроив брачные дела племянников и племянниц, он перевез на кладбище предков останки родственников, покоившиеся в других местах. Тем, кто помогал ему, он воздал должное, а также свел счеты с недругами. Закончив дела, он отправился к месту встречи со стариком, так как срок уже наступил.

Старец сидел в тени можжевельника. Вместе они поднялись на пик Юньтай, углубились в горы и, пройдя более сорока ли, увидели прекрасный храм, каких на земле не бывает. Сверкающие облака парили над пришельцами, взлетали ввысь испуганные журавли. В среднем зале стоял огромный котел более девяти чи в высоту, в котором варилось снадобье. С одной стороны котел охраняли зеленые драконы, а с другой — белые тигры; красные отблески огня играли на окнах и стенах. Вокруг котла собрались девять фей.

Приближался заход солнца, и старец, сняв свое простое платье, облачился в одежды жреца и желтую шапку. Затем он дал Цзы-чуню три белых шарика, велел проглотить их и запить кубком вина. Цзы-чунь повиновался, и старец, расстелив у западной стены тигровую шкуру, посадил его лицом к востоку.

— Сиди молча, — предостерег он Цзы-чуня, — даже если увидишь богов и дьяволов, посланцев ада, диких зве-

рей или своих близких, изнемогающих под пытками, знай, что все это лишь видимость. Ты же не двигайся и не бойся,— никакого вреда тебе не будет. Хорошенько запомни мои слова.

Старец удалился. Цзы-чунь оглядел зал и ничего не заметил, кроме огромного котла, наполненного водой.

Вскоре после ухода старца горы и долины задрожали от топота,— множество колесниц с развевающимися знаменами и всадников, блистающих оружием, мчались сюда. Военственные кличи сотрясали небо и землю. Впереди — военачальник; он и его конь были в позолоченной броне, слепившей глаза своим блеском. Военачальника сопровождали несколько сот человек,— с обнаженными мечами и натянутыми луками они устремились в зал.

— Кто ты? — вскричал военачальник,— и как смеешь взирать на меня?

Со всех сторон на Цзы-чуня бросились воины, громко вопрошая, кто он и как здесь очутился. Но Цзы-чунь хранил молчание. Разъяренные воины грозились изрубить его, пронзить стрелами; голоса их были подобны грому. Цзы-чунь не отвечал. Разгневанный до предела военачальник и его воины удалились.

Затем ворвалось множество лютых тигров, злобных драконов, львов и ядовитых змей; с шипеньем и ревом бросились они на Цзы-чуня, угрожая растерзать его. Но ни один мускул не дрогнул на лице Цзы-чуня, и вскоре чудовища исчезли.

Вдруг хлынул ливень, молнии прорезали мрак, загредел гром. Огненные шары падали вокруг, с треском низвергались молнии, такие ослепительные, что Цзы-чунь зажмурился. В одно мгновение зал был залит водой более, чем на чжан в высоту; потоки низвергались с быстротой молнии, гремели подобно грому. Вскоре вода достигла того места, где находился Цзы-чунь. Но он сидел спокойно, и ничего с ним не случилось.

Снова вернулся военачальник, ведя за собой палачей ада, у которых были головы буйволов и других диковинных чудовищ. Они поставили перед Цзы-чунем огромный котел с маслом. Со всех сторон на Цзы-чуня были направлены длинные копья и рогатины.

— Если он назовет свое имя, отпустите его,— приказал военачальник.— Не назовет — подымите на рогатину и бросьте в котел.

Цзы-чунь не произнес ни слова.

Тогда палачи втащили в зал его жену, бросили к ступеням и, показывая на нее, сказали:

— Назови свое имя, и мы пощадим ее!

Цзы-чунь молчал.

Палачи хлестали женщину кнутами, пускали в нее стрелы, кромсали ножами, ошпаривали маслом и жгли огнем до тех пор, пока она, истекая кровью, не закричала:

— Я простая женщина и недостойна вас, но я служила вам более десяти лет. Под пытками этих дьяволов я нестерпимо страдаю. Я не хочу, чтобы вы унизились до разговора с ними, дабы они меня пощадил, но скажите одно лишь слово, и моя жизнь будет спасена. Как же вы бессердечны, если вам жалко сказать одно только слово!

Женщина корила его и проклинала, и слезы ручьями текли из ее глаз.

Цзы-чунь ни разу не взглянул на нее.

— Ты думаешь, я не могу убить твою жену? — спросил военачальник.

И он приказал срезать мясо с ног женщины. Несчастливая страшно закричала.

Цзы-чунь ни разу не взглянул на нее.

— Этот негодяй — ловкий волшебник, — сказал военачальник, — нельзя, чтобы он оставался в этом мире.

И он приказал убить Цзы-чуня. Цзы-чунь был убит, и его дух предстал перед князем ада Яньло.

— Это и есть волшебник с горы Юньтай? — спросил князь ада. — Пытать его!

Цзы-чуню лили в глотку расплавленную медь, секли железными прутьями, толкли в ступе, размалывали жерновами, бросали в огненную яму, окунали в кипящую воду, гоняли по горе, утыканной ножами, и через лес мечей. Не было пытки, которой бы его не подвергли. Через все муки он пронес в сердце слова даоса, и ни одного стога не сорвалось с его уст. Когда палачи сообщили князю ада, что испробовали все пытки, тот сказал:

— Этот негодяй недостоем снова родиться мужчиной, пусть он родится женщиной в семье Ван Цюаня, судьи уезда Шаньфу в Сунчжоу.

Цзы-чунь родился девочкой. Девочка часто болела, и не было дня, чтобы ее чем-нибудь не лечили — уколами, прижиганиями или лекарствами. Один раз она упала в очаг, в другой раз упала с кровати и, несмотря на нестерпимую

боль, ни разу даже не застонала. Она выросла и превратилась в красивую девушку, но никогда не говорила, и в семье думали, что она немая от рождения. Родственники всячески обижали ее, но она никогда не отвечала им. Цзиньши по имени Лу Гуй, из того же уезда, прослышал о красоте немой девушки и послал в ее дом сватов. Домашние не захотели выдавать девушку замуж, ссылаясь на ее немоту, тогда Лу Гуй сказал:

— Если она станет хорошей женой, то зачем ей дар слова? Она будет примером для жен с длинным и злым языком.

Родители дали согласие на брак, и в положенное время, со всеми обычными церемониями, была отпразднована свадьба.

В течение нескольких лет супруги жили счастливо. Родился мальчик, который в два года удивлял всех своей смышленостью. Лу Гуй, держа ребенка на руках, пытался заставить жену произнести хоть слово, но все было напрасно. Однажды, разгневавшись, Лу Гуй сказал:

— В давние времена жена министра Цзя никогда не улыбалась, потому что презирала своего мужа. Но она невольно улыбнулась, когда увидела, с каким искусством ее муж пронзает стрелами фазанов. Я себя с ним не сравниваю, ибо литература — это не охота на фазанов. Ты не хочешь говорить со мной. К чему сын, если мать презирает его отца?

И, схватив сына за ноги, он ударил его головой о камень. Из раздробленного черепа брызнула кровь, запятнав землю на несколько шагов вокруг. Любовь матери к ребенку была так велика, что, забыв все обеты, она воскликнула: «Ой!» Вопль еще не замер, а Цзы-чунь уже сидел на своем прежнем месте. Перед ним стоял даос. Шла пятая стража. Храм вспыхнул ярким огнем, огромные языки пламени взметнулись вверх, весь зал был охвачен огнем.

— Ты разрушил мои надежды, — сказал монах со вздохом. Потом схватил Цзы-чуня за волосы и окунул в чан с водой, так как его одежда начала тлеть. — Ты подавил в себе, сын мой, такие чувства, как радость и гнев, скорбь и страх, ненависть и надежду. Ты не смог заглушить лишь любовь. Не крикни ты, и мой эликсир был бы готов, а ты тоже стал бы бессмертен. О, как трудно найти надежного помощника для поисков бессмертия! Я попытаюсь снова

приготовить эликсир, а ты вернешься в мир смертных. Прощай!

И монах показал Цзы-чуню дорогу. Цзы-чунь заставил себя оглядеться по сторонам. Котел был испорчен, из него торчал длинный железный пест толщиной в руку. Монах начал срезать его ножом.

Вернувшись в мир, Цзы-чунь очень горевал о том, что не смог помочь своему благодетелю. Он решил отыскать монаха и попытаться снова услужить ему. Но когда он взошел на гору Юньтай, там не было даже следов храма. Полный скорби, Цзы-чунь вернулся назад.

Старый огородник Чжан Лао был родом из уезда Люхо в Янчжоу¹. Его сосед, некий Вэй Шу, в годы «Тяньцзянь»² служил чиновником в городе Янчжоу, а потом вернулся домой. В это время его дочь достигла возраста, когда начинают закалывать шпильки³. Вэй Шу позвал сваху и велел ей найти хорошего жениха. Услышав об этом, Чжан Лао очень обрадовался и стал поджидать сваху у ворот дома Вэй Шу. Когда та вышла, Чжан Лао зазвал ее к себе, угостил вином, закусками и сказал:

— Я знаю, что в доме Вэя есть девушка, которую собираются выдать замуж, а вам поручили найти жениха. Правда это?

— Правда,— ответила сваха.

— Я уже стар,— сказал Чжан Лао,— но дело у меня доходное — на пропитание и одежду хватает. Хочу, чтобы вы замолвили словечко за меня; если дело сладится, я в долгу не останусь.

Сваха выругалась и ушла, но Чжан Лао не успокоился и на следующий день снова остановил ее на дороге.

— Нет у тебя чувства меры, старик! — стала отчитывать его сваха.— Да разве дочь чиновника пойдет за старого огородника? Хоть они и бедны, но многие вельможи охотно бы породнились с ними. Ты не пара этой девушке.

¹ Янчжоу — область в нынешней провинции Цзянсу.

² «Тяньцзянь» — девиз правления императора У-ди (502—519).

³ То есть двадцать лет.

Разве я могу — в благодарность за вино, которым ты меня угостил, — позорить себя в доме Вэй!

— Ты только похлопчи за меня, — стоял на своем старик. — Если твои слова не подействуют, значит такова моя судьба!

Ну, что было свахе делать? Побранилась она, но к Вэй Шу все-таки пошла.

— Ты меня ни во что не ставишь оттого, что я беден! — гневно воскликнул Вэй Шу. — Разве наша семья согласится на такое! Да как этот огородник смеет даже подумать о нас! Ладно, он и брани моей не стоит, но как ты решилась прийти с таким предложением?

— Конечно, я не должна была говорить это, — оправдывалась сваха, — но старик так на меня наседал, что я не могла не передать вам его слова.

— Скажи ему, — сказал Вэй Шу в сердцах, — пусть принесет пятьсот связок чохов¹, тогда отдам ему дочь.

Эти слова сваха тотчас передала Чжан Лао.

— Ладно, — ответил старик, а на другое утро подкатил на телеге к дому Вэй Шу — привез пятьсот связок.

— Я же пошутил, — удивился тот. — Но откуда этот огородник смог достать столько денег? Я был уверен, что у него их нет, поэтому так и сказал. За одну ночь он добыл такую огромную сумму. Что же делать?

Послал Вэй Шу слуг к дочери, а та, оказывается, согласна.

— Видно, судьба, — сказал Вэй Шу и тоже дал свое согласие.

Женился Чжан Лао на дочери Вэй Шу, но огород не бросил. Землю копал, сажал рассаду, овощи на базаре продавал. Жена его сама стряпала, стирала, никакой работой не гнушалась. Родня ее очень была недовольна этим, но не могла ей помешать.

Так прошло несколько лет. Стали родные и друзья бранить Вэй Шу:

— Правда, семья твоя обеднела, так разве нельзя было породниться с сыном какого-нибудь бедняка? Зачем было отдавать дочь за огородника? Если тебе она не нужна, услад бы ее куда-нибудь в далекие края.

На другой день Вэй Шу устроил угощение и пригла-

---

¹ Чохи — мелкие медные монеты с отверстиями посередине, называемые связками; в каждой связке (дяо) — по тысяче монет.

сил дочь с зятем. За ужином напоил старика и намекнул ему на нежелательность его пребывания здесь.

Чжан Лао поднялся и сказал:

— Мы боялись, что вы будете горевать, если ваша дочь уедет далеко. А раз вам неприятно наше соседство, так нам нетрудно уехать. У меня есть хуторок у подножья горы Ваншань, завтра же утром мы переждем туда.

На рассвете Чжан Лао пошел прощаться с Вэй Шу.

— Если соскучитесь,— сказал он,— можете послать старшего брата проведать нас на южный склон горы, где приносятся жертвы небу.

Тут он велел жене надеть бамбуковую шляпу, усадил ее на осла, а сам пошел сзади, опираясь на палку. С тех пор никаких вестей от них не было.

Прошло несколько лет, и вот Вэй Шу как-то вспомнил о своей дочери: может быть, она обнищала и ходит в грязных лохмотьях? Захотел он узнать, что с ней, и велел своему старшему сыну Вэй И навестить сестру.

Добравшись до южного склона горы, Вэй И повстречал там куньлуньского раба, который пахал поле на желтых волах.

— Здесь хутор Чжан Лао? — спросил Вэй И.

Сложив руки в знак приветствия, куньлуньский раб ответил:

— Почему вы, сударь, так долго не приезжали? А хутор отсюда совсем близко, я покажу дорогу.

Вэй И пошел вслед за ним к востоку. Они поднялись на гору, переправились через реку и вступили в край, совсем не похожий на тот, в котором живут простые смертные. Потом снова поднялись на гору, снова перешли реку, и к северу от нее увидели большой дом с красными воротами, с разными пристройками и башнями. Среди пышной зелени пестрели цветы, вокруг было очень красиво. Повсюду летали фениксы, журавли, павлины. Слышались пение и музыка, все радовало слух и взор. Указав рукой на дом, куньлуньский раб сказал:

— Здесь и живет семья Чжан.

Вэй И был потрясен, такого он не ожидал!

Подошли к воротам. Там стоял слуга в красной одежде; низко поклонившись, он провел Вэй И в зал. Его убранство поражало своей роскошью. Вэй И никогда ничего подобного не видел. Воздух был напоен тонким ароматом цветов.

Послышался звон подвесок и браслетов, сначала едва слышный. Он приближался. Вошли две девушки и объявили:

— Хозяин идет.

Затем появилась толпа служанок, одна краше другой. Они выстроились двумя рядами друг против друга, словно собираясь кого-то встречать. И вдруг перед Вэй И предстал человек в княжеской шапке, пурпурном одеянии и красных туфлях. Служанка подвела Вэй И к нему. Человек этот был высокого роста, величественной осанки, с лицом открытым и ласковым.

Вэй И пригляделся, а это, оказывается, Чжан Лао!

— В мире смертных человек мучается словно в огне,— сказал Чжан Лао.— Тоска как пламя охватывает его, и он никогда не может насладиться спокойствием. Хорошо, что вы прибыли сюда, но как же нам развлечь вас? Ваша сестра сейчас причесывается, она скоро выйдет,— поклонившись, он попросил Вэй И сесть.

Через несколько минут вошла служанка.

— Госпожа уже причесалась,— сказала она и повела Вэй И в покои его сестры.

Стропила и балки там были из дерева алоэ. Двери инкрустированы черепашьими панцирями. Оконные переплеты были выложены нефритом. Дверной занавес унизан жемчугом. Каменные ступени прозрачные, гладкие, лазурного цвета,— даже не понять, из чего они сделаны.

А уж таких нарядов, какие были на сестре, Вэй И никогда не видал.

Брат и сестра осведомились о здоровье друг друга, потом она спросила об отце, о матери, и на этом разговор иссяк.

Подали угощение. Блюда были превосходные, самые изысканные, но названий их Вэй И не знал. После трапезы гостя повели спать во внутренние покои. На рассвете следующего дня, когда Вэй И сидел вместе с Чжан Лао, вбежала служанка и что-то шепнула на ухо хозяину. Улыбнувшись, он сказал:

— У нас гость, как же можно оставлять его в одиночестве до самого вечера?! — и, обернувшись к Вэй И, он пояснил:— Ваша сестра хочет прогуляться на гору Пэнлай¹

---

¹ Пэнлай — гора, где по даосским поверьям, обитают бессмертные.

и просит, чтобы я сопровождал ее. Мы вернемся засветло; вы отдохнете у нас денек.—Поклонившись, Чжан Лао вышел.

Через мгновение в зале появились разноцветные облака, прилетели фениксы, и под звуки чудной музыки Чжан Лао и сестра Вэй И уселись на них. Более десятка сопровождающих оседлали белых журавлей. Священные птицы взмыли в небо и взяли путь на восток. Вскоре они совсем скрылись из глаз. Только в ушах Вэй И все еще звучала нежная музыка.

Служанки наперебой старались услужить гостю. Наступил вечер, послышалась тихая музыка, которая становилась все громче и громче. В комнате появились Чжан Лао и его жена.

— Вы были здесь одни в полной тишине,— сказал Чжан Лао.— Но это — обитель бессмертных, в которую нет доступа простым смертным. Судьбою вам было предназначено попасть сюда, но жить здесь нельзя. Завтра нам придется проститься.

Когда пришла пора расставанья, сестра Вэй И снова вышла к нему, чтобы передать привет родителям.

— Мы так далеки от мира людей, что писем не пишем,— сказал Чжан Лао. Он вручил Вэй И четыреста лянов¹ серебром и еще дал старую бамбуковую шляпу, сказав при этом:

— Если у вас не будет денег, идите в северную часть города Янчжоу к торговцу лекарствами Ван Лао и получите у него десять миллионов монет. Дадите ему эту шляпу в знак того, что вы от меня.

Попрощались. Чжан Лао приказал куньлуньскому рабу проводить Вэй И на гору, где стоял жертвенник небу. Там раб поклонился и ушел. Вэй И вернулся домой с деньгами. Семья его очень удивилась всему, что с ним произошло. Одни считали, что он встретился с бессмертными духами, другие — что это была нечистая сила. Трудно сказать, кто из них был прав.

Прошло лет пять или шесть. Деньги кончились, и Вэй И решил пойти к торговцу Ван Лао, но все откладывал, так как не был уверен, что тот даст деньги. А тут еще кто-то сказал ему: «Да разве он выложит такую сумму без единой

---

¹ Лян — старая денежная единица.

строчки рекомендации? Неужели старая шляпа может служить доказательством?»

Потом пришли тяжелые времена, и домашние стали требовать, чтобы Вэй И пошел к Ван Лао:

— Не даст денег — уйдешь, только и всего! — говорили они.

Тогда Вэй И отправился в Янчжоу и, миновав северные ворота, увидел лавку, в которой старик продавал лекарства.

— Разрешите узнать вашу фамилию, почтеннейший? — спросил Вэй И.

— Моя фамилия Ван.

— Чжан Лао сказал мне, чтобы я получил у вас десять миллионов, и в доказательство дал мне вот эту шляпу.

— Деньги-то есть, — сказал Ван Лао, — но та ли это шляпа?

— Вы можете померить, — ответил Вэй И. — Разве вы не узнаете ее?

Ван Лао не ответил. В этот момент из-за темного порога вышла девочка и сказала:

— Как-то Чжан Лао проходил здесь и велел мне зашить его шляпу. У меня тогда не было черных ниток, и я зашила ее красными. Я узнаю свое шитье, это и будет доказательством. Да, та самая, — подтвердила она, взяв шляпу.

Получив деньги, Вэй И отправился домой. Теперь он поверил, что Чжан Лао действительно бессмертный святой.

Через некоторое время отец опять вспомнил о дочери и послал сына на южный склон горы. Но Вэй И заблудился в лабиринте гор и рек и совсем потерял направление. Повстречались ему дровосеки, но и они не знали, где находятся владения Чжан Лао. Пришлось огорченному Вэй И ни с чем возвратиться домой. Домашние поняли, что пути у бессмертных и людей различны, не придется им больше свидеться с дочерью.

Пошел Вэй И искать Ван Лао, но и тот уехал.

Прошло еще несколько лет. Как-то Вэй И попал в Янчжоу; прогуливаясь у северных ворот, он вдруг увидел куньлуньского раба, слугу Чжан Лао. Тот подошел к нему и спрашивает:

— Как поживают ваши почтенные родные? Хотя моя госпожа и не может вернуться к родным, но она всегда будто рядом с вами. Что бы у вас в доме ни произошло,

она все знает.— Вынув из-за пазухи десять цзиней¹ золота, он передал их Вэй И.

— Госпожа велела мне передать это вам,— сказал он.— Мой господин пьет вино с Ван Лао в этой винной лавке. Вы посидите немножко, я пойду доложу им.

Вэй И присел и стал ждать; вечерело, а куньлуньский раб все еще не выходил. Тогда Вэй И сам пошел в лавку. Там было полно народу, все пили вино, но ни стариков, ни куньлуньского раба нигде не было. Вынул он золото, что дал раб, посмотрел — настоящее! Пораженный Вэй И, вздыхая, побрел домой. Этого золота его родным хватило на несколько лет жизни. Но о Чжан Лао они больше ничего не слыхали.

---

¹ Цзинь — мера веса, равная 596 г.

ТРИ СНА

Среди снов бывают на редкость удивительные. Например, одному снится, что он куда-то пошел, а другой наяву встретит его в этом месте. Или так: один что-нибудь делает, а другой видит это во сне; или вот еще: двое одновременно видят друг друга во сне.

Во времена императрицы Тянь-хоу¹ правитель области Чжао по имени Лю Ю-цзю из-за служебных дел часто лишь к ночи возвращался домой. Как-то раз ли за десять от дома он проезжал мимо буддийского храма; оттуда доносились пение, смех и веселые возгласы. Стены храма были невысокие, в некоторых местах с большими трещинами, так что видно было все, что делалось внутри. Лю наклонился, заглянул внутрь и увидел с десятков молодых женщин, сидевших вокруг стола, уставленного яствами. Среди них была его жена, которая принимала живейшее участие в веселой беседе. Вначале Лю удивился, не понимая, как она попала сюда. Затем подумал, что это совсем не подходящее для нее место и оставлять ее здесь никак нельзя. Он пригляделся еще внимательнее и, когда она перестала говорить и смеяться, окончательно убедился в том, что это его жена. Хотел было зайти в храм, но ворота оказались закрытыми, и проникнуть во двор не удалось. Лю схватил черепицу и бросил в пирующих, но попал в большой винный сосуд. Послышался звон разбитой посуды, и видение тут же исчезло. Лю перелез через стену

¹ Тянь-хоу (У-хоу) — вдовствующая императрица, царствовавшая с 684 г. по 704 г.

и проник в храм вместе с сопровождавшими его слугами. Они осмотрели и обыскали все вокруг, но нигде не видно было ни души; в храме все было как прежде.

Не переставая удивляться, Лю поспешил домой. Приехал, а жена только что проснулась. Услышала, что приехал Лю, поговорила с ним о всяких пустяках, а затем, смеясь, сказала:

— Мне снилось, что я развлекалась в небольшой женской компании в каком-то храме. Все женщины были мне незнакомы. Только было мы начали пировать, как вдруг какой-то человек бросил через стену черепицу; рюмки, блюда,— все разлетелось, и я проснулась.

Лю в свою очередь рассказал ей то, что он видел.

Вот пример того, когда одному снится, что он куда-то пошел, а другой встретил его в этом месте.

Юань Вэй-чжи¹ из Хэнани в четвертом году «Юань-хэ»² был назначен надзирателем на далекой границе. Через десять дней после его отъезда мы с Лэ-тянем³, моим старшим братом, и Ли Шао-чжи⁴ из Лунси устроили прогулку по реке Цюйцзян. Заехали в буддийский монастырь Цыэнь, осмотрели его, заходили в кельи монахов и задержались здесь на некоторое время. Приближался вечер. Мы отправились ночевать к Шао-чжи в квартал Суйсинли, всю ночь пили вино и веселились. Отставив рюмку, брат сказал:

— Вэй-чжи, должно быть, уже доехал до Лянчжоу,— и тут же написал стихи:

Не знаю, как развеять грусть,—
Меня не радует весна.

Роняю в кубок лепестки;
Все гуще аромат вина.

Вдруг вспомнил: где-то далеко
В чужой стране бредет старик.

Быть может, в этот самый день
Как раз Лянчжоу он достиг!

---

¹ Юань Вэй-чжи — известный танский поэт и новеллист Юань Чжэнь (779—831).

² 809 г.

³ Лэ-тянь (Бо Лэ-тянь) — знаменитый танский поэт Бо Цзюй-и (722—846).

⁴ Ли Шао-чжи — танский поэт, друг Бо Цзюй-и и его брата новеллиста Бо Син-цзяня.

Было это двадцать первого числа. Через десять дней прибыл гонец из Лянчжоу и привез письмо от Вэй-чжи, в конце которого было четверостишие «Мне снилось»:

Мне снилось, что вы, господин,
Вместе с братом к Цюйцзяну пришли,

Храм Цыэнь посетили вдвоем,—
Этот сон, господин,— не обман!

Кто-то крикнул потом, чтобы вам
Самых быстрых коней привели;

Крик внезапный меня оглушил —
И проснулся я в округе Лян!

День и месяц, указанные в письме, совпадали со временем нашей прогулки, когда мой брат написал стихи.

Вот это и есть случай, когда один что-нибудь делает, а другому это снится.

Ду Чжи из Фуфэна и Вэй Сюнь из Цзиньчао в середине правления «Чжэньюань» ехали вместе из Бо в Цинь и по дороге заночевали на постоялом дворе в Тунгуани.

Ду приснилось, что он попал в храм на горе Хуа. Навстречу ему вышла гадалка, черная, высокая, в синей юбке и белой кофте. Она поклонилась и предложила поворожить ему. Не зная, как от нее отвязаться, Ду согласился. Он спросил, как ее зовут, она назвалась Чжао. Проснувшись, Ду Чжи рассказал об этом Вэю. На следующий день доехали они до храма, а там их встретила гадалка; ее внешность, манеры и одежда были совершенно такими же, как это приснилось Ду.

— Сон сбился,— сказал Ду, посмотрев на Вэя, и велел слугам вынуть из мешка деньги и отдать цыганке две связки. Захлопав в ладоши, гадалка захохотала и сказала своим подругам:

— Совсем как мне приснилось!

Вэй в изумлении стал расспрашивать. Она ответила:

— Вчера мне приснилось, что с востока приехали двое; тому, что с бородой и поменьше ростом, я ворожила и получила две связки чохов. Утром я рассказала об этом подругам. И вот сегодня все сбылось!

Ду спросил, как ее зовут; подруги ответили:

— Она из рода Чжао.

Все полностью совпадало.

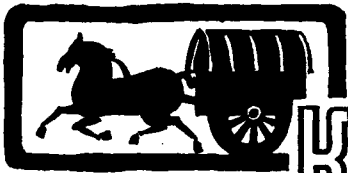
Все это и есть пример того, как двое видят друг друга во сне.

Я, Бо Син-цзянь, скажу:

— В «Чуньцю», в книгах философов и историков, много говорится о сновидениях, но о подобных трех снах записей нет. Многие видят сны, но таких никто не видел. Случайно это или предопределено, мне не дано знать. Я написал об этих снах, чтобы они остались в памяти потомков.

ПОВЕСТЬ О КРАСАВИЦЕ ЛИ

Красавица Ли, родом из уезда Цзяньго, была гетерой в городе Чанъань. Ее образцовое поведение и необычайное благородство достойны всяческой похвалы, поэтому я, государственный надзиратель и летописец Бо Син-цзянь, записал эту историю.

В годы правления «Тяньбао» жил некий правитель области Чанчжоу — князь Жунъянский; фамильное имя его я предпочту не указывать. Современники чрезвычайно уважали его; был он богат, дом его был полон челяди.

В то время, когда он познал волю неба¹, у него уже был сын в возрасте, когда начинают носить шапку совершеннолетия², сочинитель изысканных стихов, не имеющий равных себе среди поэтов и глубоко почитаемый всеми. Отец любил и высоко ценил его.

— Вот, — говаривал он, — тысячеверстый скакун³ моего дома.

Когда пришло время сдавать экзамены на степень сюцзя, юноша собрался в дорогу. Отец щедро одарил его всем, что было лучшего из одежды, драгоценностей, лошадей и упряжки, отсчитал крупную сумму для расходов на столичных учителей и обратился к нему со следующим напутствием:

¹ То есть в пятьдесят лет.

² То есть в двадцать лет.

³ Тысячеверстый скакун — образ талантливого, многообещающего человека.

— Я уверен, что с твоим талантом ты в первой же битве выйдешь победителем. Тут тебе приготовлено на два года все, что только может понадобиться; распорядись по своему усмотрению.

Юноша тоже был совершенно уверен в том, что займет первое место.

Он выехал из города Пилина и через месяц с лишним прибыл в Чанъань, где и поселился на улице Бучжэнли.

Как-то, возвращаясь с восточного рынка, он въехал в город через восточные ворота увеселительного квартала Пинкан, намереваясь посетить приятеля в юго-западной части города. Доехав до улицы Минкэцзюй, он увидел величественное и уединенное здание; сквозь ничем не примечательные ворота виднелся неширокий двор. У приоткрытой двери, опираясь на молоденькую служанку, стояла девушка необычайной красоты; подобной, пожалуй, никогда в мире не бывало. Увидев ее, юноша невольно придержал коня, все не мог наглядеться и не решался ехать дальше.

Он нарочно уронил плетъ на землю и стал поджидать своего слугу, чтобы приказать ему подать ее, а сам тем временем глаз не спускал с красавицы. Она отвечала ему пристальным взглядом, казалось, разделяя охватившую его страсть.

В конце концов, так и не осмелившись заговорить, он уехал.

С этой минуты юноша словно потерял что-то. Он пригласил к себе приятеля, хорошо знавшего увеселительные места в Чанъани, чтобы разузнать у него о красавице.

Приятель сказал ему:

— Это дом жадной и коварной женщины — госпожи Ли.

— Красавица доступна? — спросил юноша.

Друг ответил:

— Госпожа Ли очень богата. Те, с которыми она жила прежде, люди в основном из именитых и влиятельных семейств, она очень много от них получила. Не потратив несколько сотен тысяч монет, нельзя завладеть этой девушкой.

— Пусть будет хоть миллион, — разве я пожалею? Лишь бы только она согласилась, — пылко ответил юноша.

На другой день он надел лучшие одежды и, взяв с со-

бой всех своих слуг, отправился к красавице. Постучал в дверь, мальчик-слуга тотчас же открыл ему.

— Чей это дом? — спросил юноша.

Мальчик, не ответив, убежал в дом, крича:

— Здесь господин, что вчера уронил плеть!

— Ты на минутку задержи его, — обрадовавшись, сказала красавица, — я только приведу себя в порядок, переоденусь и сразу же выйду.

Услышав эти слова, юноша обезумел от радости. Вскоре его провели во внутренние покои; там его встретила седая старуха, мать красавицы.

Юноша низко поклонился ей и сказал:

— Слышал я, что здесь есть свободное помещение. Верно ли это? Я хотел нанять его для себя.

— Боюсь, что наше жалкое и ничтожное жилище не достойно того, чтобы в нем жил такой почтенный человек: как посмею сказать, что это то, что вам нужно? — ответила старуха.

Она все же пригласила юношу в гостиную; комната эта оказалась очень красивой. Усевшись напротив гостя, старуха продолжала:

— Есть у меня дочь, молодая девушка, таланты ее ничтожны, но она любит принимать гостей: хотелось бы представить ее вам.

И тут же приказала ей выйти. Юноша был околдован, — блестящие глаза, белоснежные руки, походка — само очарование!

Гость в смущении вскочил с места, не смея поднять глаза. Сказав положенные приветствия, он пробормотал несколько обычных фраз, а сам думал только о том, что такой красавицы глазам его еще не доводилось видеть.

Все уселись; красавица заварила чай, налила вино; посуда была безукоризненно чистая. Наступили сумерки, прозвучало четыре удара барабана. Старуха спросила, далеко ли жилище гостя.

— За воротами Яньцин, в нескольких ли, — солгал юноша: он надеялся, что его станут удерживать из-за дальнего пути.

— Уже пробили в барабан¹. Вам нужно поскорее воз-

---

¹ После того как на городской башне пробыют в барабан, городские ворота запираются на ночь.

вращаться, чтобы не нарушить запрета, — сказала старуха.

— Мне так приятно с вами, что я и не заметил, как прошел день и наступил вечер, — ответил юноша. — Дорога предстоит дальняя, а в городе у меня нет родни. Как же быть?

— Не посетуйте на нашу убогость, оставайтесь у нас! Что же дурного, если вы переночуете? — сказала красавица.

Юноша взглянул на старуху.

— Да, да, — поддакнула та.

Тогда юноша позвал слугу и, взяв у него шелковый кошель, хотел дать денег на приготовление ужина. Красавица с улыбкой остановила его:

— Так не принято между гостем и хозяевами. Пусть расходы за сегодняшний вечер лягут на наш жалкий дом; вас же прошу снизить к грубой пище. Что касается всего остального, то подождем до другого раза.

Он долго отказывался, но она настояла на своем, и провела гостя в Западный зал. Занавеси, циновки, портьеры, диваны радовали глаз своей красотой; туалетные ящики, покрывала, подушки — все было роскошно и изысканно. Зажгли свечи, внесли угощения, кушанья были отменно вкусны. После ужина старуха поднялась. Беседа юноши с красавицей становилась все оживленней; они шутили, смеялись, чувствовали себя совсем свободно.

— Когда я вчера случайно проезжал мимо вашего дома, — сказал юноша, — вышло так, что вы стояли в дверях, и ваш образ глубоко запал в мое сердце. Всю ночь я провёл в мыслях о вас, и сегодня с утра они не давали мне покоя.

— То же было и с моим сердцем, — ответила красавица.

— Сегодня я пришел, — продолжал юноша, — не просто для того, чтобы снять помещение; я надеялся удовлетворить желание всей моей жизни. Но все еще не знаю, какова будет ваша воля.

Не успел он кончить, как подошла старуха и спросила, о чем идет речь; он рассказал ей. Старуха с улыбкой ответила:

— Отношения между мужчиной и женщиной самое важное, что есть на свете. Если их чувства взаимны, то даже воля родителей не сможет обуздать их. Но ведь

до́ль моя настоящая деревенщина, стоит ли она того, чтобы служить вам, сударь, у вашей подушки и циновки? ¹

Юноша подбежал к ней, поклонился и стал благодарить:

— Хотел бы считать себя тем, кто будет кормить вас до конца ваших дней.

Старуха согласилась смотреть на него как на зятя. Они снова выпили и разошлись.

На следующее утро юноша перевез весь свой багаж в дом Ли и поселился там. С тех пор юноша стал чуждаться людей своего круга и больше уже не виделся с друзьями. Он ежедневно встречался с актерами, певицами, стал театральным завсегдатаем и частым посетителем пирушек. Кошелек его окончательно опустел; тогда он продал экипаж и лошадей, а затем и своих слуг. Прошло более года, и от его имущества, челяди и конюшни и следа не осталось. Старуха начала презрительно относиться к нему, чувство же красавицы к юноше стало еще сильнее.

Как-то раз она сказала ему:

— Мы с вами знаем друг друга уже год, а у нас все еще нет потомства. Мне часто приходилось слышать, что дух Бамбуковой Рожи отзывается на просьбы немедленно, как эхо; хочу отправиться к нему, чтобы принести жертву и умолить его. Как вы смотрите на это?

Юноша не знал ее коварного замысла и очень обрадовался. Он заложил свою одежду в лавке и на вырученные деньги смог заготовить мясо жертвенных животных и сладкое вино; вместе с красавицей они посетили храм и совершили моление. Через две ночи они собрались в обратный путь; подгоняя своего осла, юноша ехал сзади. Когда стали подъезжать к северным городским воротам, красавица обратилась к юноше:

— Если свернуть на восток, в переулочке дом моей тетки; хотелось бы отдохнуть, да и ее увидеть. Вы позволите?

Юноша согласился. Не проехали они и ста шагов, как действительно показались большие ворота; он заглянул в щелку и увидел большое здание. Служанка, ехавшая позади повозки, остановила его:

— Приехали.

---

¹ То есть стать женой.

Юноша спешил; в этот момент вышел какой-то человек и спросил:

— Кто тут?

— Красавица Ли,— ответил юноша.

Слуга ушел в дом с докладом; тотчас же вышла женщина, на вид ей было лет за сорок; поздоровавшись с юношей, она спросила:

— А племянница моя где?

Красавица вышла из повозки, и женщина пожурела ее:

— Почему так давно не вспоминала обо мне?

Поглядев друг на друга, обе рассмеялись. Красавица представила юношу; тот поклонился ее тетке. Познакомились, затем прошли в сад, находившийся у западных ворот. На холме виднелся павильон, окруженный густыми зарослями бамбука; тихий пруд и уединенная беседка создавали впечатление удаленности от всего мира.

— Это собственный дом тетушки? — обратился юноша к красавице.

Та улыбнулась и не ответила, перевела разговор на другую тему. Вскоре подали чай и редкостные фрукты. Не успели они закончить трапезу, как вдруг примчался какой-то человек и, осадив взмыленного иноходца, сказал:

— Старая госпожа внезапно опасно заболела, лежит без сознания. Немедленно возвращайтесь!

Красавица обратилась к тетке:

— Сердце мое в тревоге. Я поскачу верхом на коне домой, а потом пришлю лошадь обратно, а вы приедете с моим господином.

Юноша настаивал на том, чтобы сопровождать ее, но тетка и служанка в один голос начали уговаривать его остаться и даже загородили ему дорогу.

— Старуха, наверное, уже умерла; вы должны остаться и обсудить со мной, как устроить похороны, чтобы помочь ее дочери в беде. К чему вам торопиться?

Так и задержали его. Потом стали обсуждать, что потребуется для похорон и жертвоприношений.

Вечерело, а лошадь все не присылали.

— Почему никто не едет? — удивлялась тетка. — Вы бы, сударь, поспешили вперед, чтобы разузнать, а я приеду вслед за вами.

Юноша тотчас же отправился. Он доехал до старого дома; ворота оказались наглухо запертыми и запечатанными.

Измученный юноша обратился с расспросами к соседу. Тот ответил:

— Собственно говоря, это помещение госпожа Ли снимала в аренду, договор уже кончился, и старуха выехала отсюда еще две ночи назад.

— Куда же она переехала? — спросил юноша.

— Не сказала куда.

Юноша собирался тотчас же отправиться в Сюаньян, чтобы расспросить тетку, но уже совсем стемнело, и это помешало ему выполнить свое намерение. Тогда он снял с себя платье и обменял его на еду: в ночлежном доме взял на ночь постель и улегся спать. Гнев его был так велик, что до самого утра он не смог сомкнуть глаз. Едва забрезжил свет, как он оседлал осла и отправился к тетке красавицы. Долго стучал он в ворота; никто не отзывался. Несколько раз принимался он кричать. Наконец вышел какой-то слуга. Юноша тревожно спросил его о старой госпоже.

— У нас нет такой, — ответил тот.

— Да ведь еще вчера вечером была здесь, почему вы скрываете ее? — возмутился юноша и поинтересовался: — Чей же это дом?

— Сановника Цуя, — ответил слуга. — Вчера какой-то господин нанял это помещение, он говорил, что ожидает прибытия родственника издалека. Еще не стемнело, как все уехали.

Охваченный горем, юноша просто потерял голову; тут только он понял, что его обманули. Совершенно убитый, вернулся он в свое старое жилище на улице Бучжэнли.

Хозяин дома пожалел его и принес ему поесть, но юноша был так потрясен происшедшим, что три дня не принимал пищи и очень тяжело заболел; дней через десять ему стало совсем плохо. Хозяин боялся, что он уже не поднимется, и перевез его в похоронное бюро.

Прошло некоторое время. Люди из этого похоронного бюро пожалели юношу и стали в складчину кормить его. Постепенно бедняга начал вставать, опираясь на палку. С тех пор почти каждый день хозяин этого похоронного бюро посылал юношу сопровождать похоронные процессии, заставляя его носить траурный балдахин; того, что юноша зарабатывал, ему как раз хватало на жизнь.

Прошло несколько месяцев, юноша совсем окреп. Всякий раз, слыша траурные песнопения, он скорбел о том,

что не умер, разражался рыданиями и долго не мог успокоиться. Возвращаясь с похорон, он повторял погребальные песни. Юноша был очень талантлив; в скором времени он так преуспел, что певца, равного ему, не находилось во всей столице.

Его хозяин издавна конкурировал с владельцем другого похоронного бюро в восточной части города. В том бюро носилки и дроги были редкой красоты, но зато с похоронными песнопениями дело обстояло плохо. Однако хозяин Восточного бюро, зная, насколько искусен юноша в песнопениях, дал ему двадцать тысяч и переманил его к себе. Старые друзья и клиенты этого хозяина, увидев способности юноши, научили его новым мелодиям и всячески поощряли его. В этих тайных занятиях прошло несколько недель.

Как-то в споре один из владельцев бюро предложил другому:

— Давай устроим выставку похоронных принадлежностей на улице Тяньмынь, чтобы сравнить, у кого товары лучше. Потерпевший поражение платит штраф в пятьдесят тысяч, чтобы покрыть расходы на угощение. Что вы на это скажете?

Сговорились, тотчас же составили договор, для гарантии заверили его печатями и устроили выставку. На это необычное зрелище собралось видимо-невидимо народу, толпа достигала нескольких десятков тысяч человек. Надзиратель квартала доложил об этом начальнику городской стражи, начальник городской стражи довел до сведения градоправителя столицы. Горожане сбежались со всех сторон, в домах почти не оставалось людей. Смотр начался утром и продолжался до полудня.

Западное похоронное бюро оказалось в проигрыше — и дроги, и носилки, и похоронные принадлежности оказались много хуже товаров соперника. Вид у владельца Западного бюро был очень смущенный. Тогда он установил помост в южном углу помещения, на который поднялся длиннородый старик с колокольчиком в руках. Несколько человек встали позади него. Старик расправил бороду, поднял брови, сложил руки на груди, поклонился и запел похоронную «Песню о белом коне». Уверенный в своей победе, он оглядывался по сторонам, как будто бы вокруг не было достойных его. Все дружно хвалили исполнителя, который считал, что он единственный в своем роде

и никто его превзойти не может. Владелец Восточного бюро установил помост в северном углу. Вскоре на него поднялся молодой человек в черной шапке, в окружении шести человек с опахалами. Это был наш юноша.

Оправив одежду и спокойно оглядевшись, он начал петь высоким гортанным голосом; пел он исключительно хорошо. Это была траурная песнь «Роса на стеблях»; чем выше он брал ноты, тем чище звучал его голос; эхо отдавалось в рощах; еще не замерли последние звуки, а слушатели уже стали покашливать, еле сдерживая слезы.

Владелец Западного бюро, осмеянный толпой, еще больше сконфузился; он потихоньку выложил деньги и незаметно скрылся. А толпа вокруг стояла как замороженная, никого, кроме певца, не замечая.

Незадолго до этого был оглашен императорский указ, по которому начальникам пограничных областей предписывалось раз в год прибывать ко двору; называлось это «представлением докладов». С этой целью как раз в это время в столицу приехал и отец юноши. Вместе с другими сановниками одного с ним ранга он переоделся и тайком отправился поглядеть на необычную выставку. С ним был старый слуга — зять кормилицы пропавшего сына. По манерам певца и его голосу слуга сразу узнал юношу, но не осмелился сказать об этом и заплакал горькими слезами.

Пораженный этим, правитель области Чанчжоу стал расспрашивать слугу, но тот сказал только:

— Певец очень похож на вашего погибшего сына.

— Моего сына убили разбойники, чтобы отнять его богатство. Как же он может оказаться здесь? — возразил отец, но тоже не мог сдержать слезы. Когда он отправился домой, слуга подбежал к тем, кто был с юношей, и стал расспрашивать:

— Кто это пел? Может ли быть что-нибудь чудесней!

Ему назвали фамилию отца юноши.

Слуга спросил, как его зовут, но оказалось, что юноша принял чужое имя.

В сильном волнении слуга протолкнулся через толпу к певцу. Тот сразу изменился в лице и отвернулся, собираясь скрыться, но слуга схватил его за рукав и сказал:

— Вы ли это, господин?

Тут они обнялись и заплакали; затем слуга повел его к отцу. Тот набросился на юношу с упреками:

— Своим поведением ты опозорил наш дом. Да как ты посмел снова показаться мне на глаза?

Тут он вывел юношу из дома, дошел с ним до пустынного места, что к западу от реки Цюйцзян и к востоку от Абрикосового сада, сорвал с него одежду и нанес ему несколько сотен ударов плетью. Не вынеся боли, юноша свалился замертво, а отец бросил его и ушел.

Один из тех, кто обучал юношу песнопениям, приказал его другу потихоньку следовать за ним; он видел расправу и, вернувшись, сообщил о ней товарищам; все были очень огорчены. Двое взяли тростниковую циновку и отправились к указанному месту, чтобы прикрыть труп юноши. Но когда они осмотрели его, то оказалось, что в нем еще теплится жизнь. Его подняли; прошло довольно много времени, и юноша стал дышать глубже. Тогда его на циновке снесли домой, стали поить через бамбуковую трубочку. Прошла ночь, и он пришел в себя.

Миновал целый месяц, но он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Раны гноились и начали скверно пахнуть. Товарищи измучились, ухаживая за больным. Однажды вечером они бросили его на дороге. Прохожие, жалея несчастного, кидали ему остатки пищи, так что он не испытывал голода.

Прошло десять недель, и он начал вставать на ноги с помощью палки. В лохмотьях, залатанных в сотнях мест, с дырявой тыквенной чашкой, он стал бродяжить, выпрашивая подаяние. Зима уже сменила осень; по ночам юноша забирался в мусорные ямы, а днем бродил по рынкам и лавкам.

Однажды утром шел сильный снег. Подгоняемый холодом и голодом, юноша шел по улице и жалобно просил милостыню; при виде его нельзя было не пожалеть его, но снег валил без конца, и почти все двери домов были закрыты.

Юноша добрал до восточных ворот квартала Аньи и пошел вдоль кирпичной стены к северу; миновав домов восемь, он увидел ворота, левая створка которых чуть-чуть приоткрылась. Это был дом красавицы Ли, но юноша не знал этого и продолжал стонать:

— Замерз я и голоден очень!

Крик этот раздирал душу, слушать его было нестерпимо.

Красавица сказала служанке:

— Наверняка это он. Я узнаю его голос,— и поспешно выбежала.

Худой, покрытый струпьями, несчастный почти совсем лишился человеческого облика.

В сильном волнении красавица спросила его:

— Вы ли это, господин?

Юноша был подавлен и до того потрясен этой встречей, что не сумел произнести ни слова и только кивнул головой. Красавица подошла к нему, крепко обняла и, прикрыв своим вышитым рукавом, ввела в западный флигель. Теряя от волнения и горя голос, она прошептала:

— Это я виновата в том, что вы дошли до такого состояния.

Сказала и лишилась чувств. Тут прибежала встревоженная старуха и спросила:

— Кто это?

— Господин N,— ответила красавица, придя в себя.

— Надо выгнать его. Зачем привела сюда? — закричала старуха, но девушка, строго взглянув, возразила:

— Нельзя. Это юноша из порядочного дома. Когда-то он ездил в богатом экипаже, носил золотые украшения. Придя же в наш дом, он очень быстро лишился всего. Мы с вами придумали коварный план и выгнали его, это бесчеловечно! Довести человека до того, что он потерял волю,— это недостойно отношений между людьми, установленных небом. Чувства отца и сына — от неба. А мы добились того, что они исчезли,— отец до полусмерти избил сына, и тот из-за этого пришел в такое ужасное состояние. Все люди в Поднебесной империи знают, что я была причиной тому. У юноши при дворе полно родни, и если кто-нибудь из них, власть имущий, разузнает все подробности этой истории, то нам придется плохо. К тому же мы обманывали небо, дурачили людей, и духи отвернутся от нас. Не будем же сами навлекать на себя несчастье!

Вот уже двадцать лет вы исполняете роль моей матери¹. Если подсчитать, так вы истратили на меня не менее тысячи золотых. Вам сейчас шестьдесят с лишним; я хочу отдать вам то, что ушло на мою еду и одежду за эти годы, и освободиться от всяких обязательств перед

---

¹ Старухи сводницы, которые жили в домах гетер и вели их хозяйство, именовались матерями.

вами; тогда я с этим господином поселюсь отдельно. Мы будем жить недалеко от вас, сможем видаться утром и вечером. Таково мое намерение.

Увидев, что волю красавицы не сломить, старуха вынуждена была согласиться. После расчета с ней осталось сто золотых. Красавица сняла помещение домов через пять к северу, вымыла юношу, переменяла одежду, стала давать ему рисовый отвар и поить кислым молоком, чтобы поправить его здоровье. Только дней через десять она позволила ему есть другую пищу. Шапка, туфли, носки — все, что он носил, теперь было самого высшего качества. Не прошло и нескольких месяцев, как раны на теле стали заживать, а к концу года здоровье юноши совершенно поправилось.

Как-то раз красавица сказала ему:

— Теперь вы уже окрепли и вполне воспрянули духом. Я же все это время думала, насколько сохранились у вас прежние знания?

Поразмыслив, юноша ответил:

— Пожалуй, не более двух-трех десятых того, что знал.

Красавица приказала подать экипаж и отправилась на прогулку. Юноша сопровождал ее верхом на коне. Доехав до книжных лавок у южных ворот рынка, она предложила юноше купить книг на сто золотых. Погрузив покупки в экипаж, они вернулись домой. Затем Ли заставила юношу отогнать от себя все заботы и думать только о занятиях.

Ежедневно до глубокой ночи он занимался с необычайным усердием и прилежанием, красавица же сидела против него и ложилась спать, когда начинал брезжить рассвет. Замечая его усталость, она откладывала книги в сторону и заставляла его писать стихи. Через два года юноша достиг больших успехов. Во всей китайской литературе не было такого, чего бы он не знал. И вот однажды он сказал красавице:

— Пожалуй, теперь можно было бы выставить мое имя в списках экзаменующихся.

— Нет еще,— возразила она,— прошу вас приложить все старания, чтобы одержать полную победу.

Прошел еще один год, и красавица сказала:

— Теперь можете сдавать экзамен.

С первого же экзамена он получил степень сюэя;

слух о нем облетел весь экзаменационный двор. Люди значительно старше его, читая талантливое сочинение, не могли не выразить автору своего уважения и восхищения, старались быть под стать ему, но не могли добиться этого. Красавица же сказала:

— Это еще не все; теперь вы добились ученой степени и, само собой разумеется, можете рассчитывать на место при дворе. Скоро вы прославитесь на всю Поднебесную. Но ваше поведение в прошлом было недостойным, не то что у других ученых. Вам нужно отточить и закалить оружие, чтобы одержать настоящую победу. Тогда только сможете вступить в борьбу со знаменитыми учеными и завоевать первенство среди всех.

С этих пор юноша стал трудиться еще усерднее, слава о нем все росла. Через год проводились государственные экзамены на высшую степень, и достойнейшие по высочайшему приказу созывались со всех концов страны. Юноша явился на эти экзамены и написал сочинение на тему: «Говори с государем прямо, увещевай его настоятельно!» Имя его оказалось первым в списке сдавших экзамены. Он получил должность военного советника в городе Чэнду. Самые именитые вельможи двора стали искать его дружбы.

Когда он собрался ехать к месту службы, красавица сказала ему:

— Теперь вы заняли подобающее вам положение, и я больше не хочу обременять вас. Остаток своей жизни я намерена посвятить своей матери. Вы же должны вступить в брак с девушкой из знатной семьи, которая достойна того, чтобы приносить жертвы вашим предкам. Не грязните себя неравным браком. Старайтесь думать о себе, я ухожу.

— Если ты бросишь меня,— со слезами на глазах сказал юноша,— я покончу с собой.

Но красавица твердо стояла на своем. Юноша настойчиво просил ее и проливал слезы. Наконец она уступила:

— Я провожу вас через реку. Когда мы доедем до уезда Цзяньмынь, вы должны будете позволить мне вернуться.

Юноша согласился. Через месяц с лишним они доехали до Цзяньмыня. Не успели они расстаться, как пришло известие о том, что из Чанчжоу выехал отец юноши, назначенный на должность градоначальника Чэнду и надзирателя округа Цзяннань.

Через двенадцать дней в Цзяньмынь прибыл отец, на-

правляясь к месту новой службы. Юноша тотчас послал ему свою визитную карточку и сам явился к нему на постоянный двор. Сначала отец не решался признать его, но, увидев на визитной карточке фамильное имя своих предков и их ранги, был совершенно потрясен. Приказав сыну приблизиться, он обнял его и заплакал. Долго он не мог прийти в себя и наконец произнес:

— Мы с тобой отец и сын, как прежде!

Затем он стал расспрашивать юношу о том, что с ним произошло, и тот рассказал ему все от начала до конца. Отец был потрясен услышанным и спросил, где же находится эта замечательная красавица. Юноша ответил:

— Она проводила меня до этого места, и я должен разрешить ей вернуться домой.

— Нельзя, — возразил отец.

На рассвете он приказал подать упряжку и послал юношу в Чэнду, а красавицу задержал в Цзяньмыне; здесь для нее был построен дом. Тут же были приглашены свахи, чтобы устроить счастье двух семей. Для встречи невесты было приготовлено все, что требуется при шести брачных церемониях. Свадьба была сыграна на старинный манер, как бывало некогда между княжескими домами Цинь и Цзинь¹. После совершения обрядов красавица долгие годы жила в уединении. Она прекрасно выполняла обязанности жены и хозяйки дома и была высоко ценима близкими.

Несколько лет спустя свекор и свекровь умерли. Невестка строго соблюдала траур. На их могилах она вырастила линчжи², а под крышей дома красавицы свили гнезда белые ласточки. Об этом было доложено императору. Император был поражен всем этим и повысил ее мужа в чине. Когда кончился срок траура, его стали назначать на важные посты; на протяжении десяти лет он был правителем нескольких областей. Красавице же был пожалован титул знатной дамы из Цзяньго. У них было четверо сыновей, и все стали видными сановниками, даже самый низший по рангу и тот был, кажется, правителем города Тайюань. Все братья женились на девушках из знатных домов; и по мужской и по женской линии все были имениты, таких и в столице не сыщешь!

¹ Между Цинь и Цзинь — образное выражение, означающее заключение брака между знатными семьями.

² Линчжи — растение, являющееся символом долголетия.

Вот видите, была ведь когда-то гетерой, а стала женой, да еще какого образцового поведения! Даже самые добродетельные женщины прежних времен и те не могли бы сравниться с ней! Как же тут не восхищаться!

Мой дед по отцу некогда был правителем области Цзинчжоу, затем его перевели в Податное управление и, наконец, назначили надзирателем водных и сухопутных перевозок. На всех этих трех должностях он служил вместе с героем этого рассказа, поэтому знал его жизнь во всех подробностях.

В середине годов правления «Чжэньюань» в беседе с Гун-цзо¹, что родом из уезда Лунси, я завел разговор о женщинах образцового поведения и рассказал ему историю красавицы Ли, знатной дамы из Цзяньго.

Слушая меня, Гун-цзо в восхищении хлопал в ладоши; он-то и заставил меня письменно изложить эту историю.

И вот, напив кисть тушью, я набросал все это. Писал в году под циклическими знаками «И» и «Хай»², осенью в восьмую луну Бо Син-цзянь из Тайюаня.

---

¹ Гун-цзо — танский новеллист Ли Гун-цзо.

² 795 г.

ИСТОРИЯ ЛЮ

В

середине правления «Тяньбао» прославился своим дарованием

поэт Хань И из Чанли. Это был тихий и спокойный человек, живший в крайней бедности. С ним подружился некий Ли, очень богатый, честолюбивый, окружавший себя талантливыми людьми. У Ли была любимая наложница Лю, женщина красоты необычайной. Она любила поболтать, пошутить, прекрасно пела. Ли снял для нее отдельный дом и часто вместе с Хань И ходил к ней пировать и слушать ее пение. А Хань И он поселил на постоялом дворе рядом с домом Лю.

Хань И пользовался известностью, его посещали люди известные и одаренные. Подглядывая за ним из ворот, Лю как-то сказала своей служанке:

— Неужели такой мудрец, как Хань И, всегда будет жить в бедности?

С этих пор она часто думала о нем.

Ли высоко ценил талант Хань И и ничего не жалел для него; заметив, что Лю интересуется его другом, он устроил пирушку и пригласил Хань И. Когда все немного захмелели, Ли сказал:

— Госпожа Лю — изумительная красавица; суюй Хань И — редкий талант; хотелось бы мне, чтобы Лю служила у подушки¹ господина Хань И. Как вы на это смотрите?

В смущении и тревоге Хань И вскочил с места:

¹ Служить у подушки — быть любовницей.

— Я и без того, сударь, осыпан вашими милостями, вы дарите мне ваши одежды, угощаете отборными яствами; могу ли я лишать вас той, которую вы так нежно любите?

Но Ли упорно стоял на своем. Зная, что слова его искренни, Лю дважды поклонилась Хань И и пододвинула к нему свою циновку. Ли усадил Хань И на почетное место и пожелал им безграничного счастья. К добрым пожеланиям он присоединил тридцать тысяч, чтобы облегчить Хань И расходы.

Хань И восхищался красотой Лю. Лю боготворила Хань И за его талант; оба были охвачены глубоким чувством, и можно себе представить, как они были счастливы.

На следующий год помощник начальника дворцовых обрядов Ян Ду выдвинул Хань И на высший пост; но тот целый год не занимался делами и сидел дома.

— Древние добивались известности, чтобы прославить родителей,— как-то сказала Лю.— Разве хорошо, что вы тратите на меня время и упускаете возможность жениться? Притом ведь у меня достаточно всего, чтобы спокойно дожидаться вашего возвращения.

Тогда Хань И отправился в Цинчи к своим родным.

Прошло больше года, Лю жила впроголодь, чтобы прокормиться, она стала продавать свои наряды и украшения.

В конце правления «Тяньбао» обе столицы были захвачены разбойниками¹, жители в панике бежали. Боясь, как бы красота не погубила ее, Лю остригла свои чудесные волосы и этим изуродовала себя, а потом скрылась в монастыре Фалин.

В это время некий Хоу Си-и из Пинлу был переведен наместником в Цзыцин. Зная, что Хань И человек порядочный и честный, он пригласил его к себе на должность секретаря. Прошло еще некоторое время, и император, карая виновных и милуя невинных, восстановил порядок в стране. Хань И смог послать гонцов на розыски Лю. Он наполнил шелковый кошелек чистым золотом и вложил в него стихи:

Чжантайская ива!²
Чжантайская ива!

По-прежнему ль ты
Зелена, высока?

¹ Речь идет о захвате Чанъани и Лояна войсками Ань Лу-шаня.

² Фамилия Лю значит «ива». Ч ж а н т а й — место, откуда была родом героиня новеллы Лю.

Нет! Были бы ветви
Длинные и красивые,

Но их надломила
Чужая рука!

Лю с рыданиями приняла золото и, охваченная глубокой печалью, написала ответ:

Нет, ветки у ивы
Свежи, ароматны;

Томит лишь разлука —
Который уж год!

Осенний листок
Улетит безвозвратно,

Но сломишь ли иву,
Пока она ждет?

Случилось так, что тибетский полководец Ша Ча-ли, впервые прославившийся своими подвигами, услышал о красоте Лю. Он похитил ее и сделал своей любимой наложницей.

К тому времени Хоу Си-и был призван ко двору и стал приближенным государя. Отправляясь в столицу для представления императору, он взял с собой Хань И. Тот сразу же бросился в монастырь, но любимой там уже не было. Хань И пришел в отчаяние. Как-то на вершине горы Луншоу возле города Чанъани он увидел экипаж с крытым верхом и занавесками¹. Старый слуга вел на поводу вола, позади экипажа следовали две служанки. Хань И бесцельно побрел за ними. Вдруг из экипажа послышался голос:
— Не советник ли это Хань И? Я — Лю.

Женщина приказала служанкам шепнуть Хань И, что его возлюбленная попала в руки Ша Ча-ли и просит Хань И сейчас не следовать за ней, а на следующее утро явиться на свидание на улицу Даочжэн. В указанный срок Лю приехала в условленное место, вынула из экипажа драгоценности из яшмы, благовония, шелка и отдала все это Хань И.

— Нам предстоит вечная разлука, — сказала она, — я хочу, чтобы вы перестали думать обо мне.

Она вернулась в свой экипаж, махнула на прощанье ру-

¹ В таких экипажах возили женщин из знатных семей.

кой, и легкие рукава ее платья заструились по ветру. Застучали колеса, и вот изящный экипаж исчез в клубах дорожной пыли.

Хань И долго не мог прийти в себя.

В это время в Цзыцине военачальники устроили пир и послали гонца, чтобы пригласить Хань И. Тому волею-неволею пришлось принять приглашение, но настроение у него было мрачное и вид совершенно подавленный. Голос его то и дело прерывался, из груди вырывались вздохи и стоны. На пиру был Сюй Цзюнь из императорской свиты, человек очень самоуверенный. Он все время донимал Хань И своими вопросами.

— Что с вами случилось? Прошу вас, доверьтесь мне.

Нечего делать, Хань И рассказал ему о своем горе.

— Прошу вас, — сказал Сюй Цзюнь, — напишите несколько слов. Я их тотчас же доставлю ей.

Он облачился в платье простого кочевника, схватил лук, вскочил на коня и помчался к дому Ша Ча-ли. Едва тот выехал из своей усадьбы, Сюй Цзюнь, не слезая с коня, ворвался в ворота и закричал:

— С полководцем несчастье, он велел вызвать к нему госпожу!

Слуги расступились, не решаясь задержать его. Сюй Цзюнь беспрепятственно вбежал в зал и показал Лю письмо Хань И. Схватив красавицу за руки, он выбежал с ней во двор, посадил ее на оседланного коня и через мгновение исчез вместе с нею в клубах поднявшейся пыли. Приехали. Лю бросилась к Хань И и воскликнула:

— К счастью, я не опозорена!

Со всех сторон раздались возгласы удивления. Лю и Хань зарыдали и, обнявшись, покинули пирующих.

В это время Ша Ча-ли был в исключительной милости у императора. Сюй Цзюнь и Хань И очень боялись, как бы им не попасть в беду. Посоветовавшись, они решили обратиться за помощью к Хоу Си-и. Тот сильно встревожился:

— Всю жизнь я сам улаживал такие дела, зачем же Сюй Цзюнь вмешался?

Тут же он написал донесение императору, оно глаголю:

«Сановник Хань И — начальник приказа в податном управлении, исполняющий в то же время обязанности цензора, — давно уже находится в ранге советника и по-

стоянно оказывает большие услуги трону. Недавно он был в отпуску. Его наложница Лю, спасаясь от разбойников и насильников, ушла в монахини. Теперь же во всей империи воцарился покой и порядок, мир восстановлен. Тем не менее полководец Ша Ча-ли в своей гнусной распущенности поправ все законы и, упоенный своими ничтожными заслугами, украл наложницу у почтенного человека, вместо того чтобы заниматься государственными делами.

Главный цензор Сюй Цзюнь, род которого идет из Юцзи¹, — человек смелый и решительный, — отнял Лю у Ша Ча-ли и вернул ее Хань И. Руководствовался он сознанием долга, и хотя действия его заслуживают благодарности, но подобный поступок — явление небывалое, и необходимо что-то предпринять».

Вскоре появился указ, по которому Лю предписывалось вернуться к Хань И, Ша Ча-ли получил в утешение два миллиона медных монет. С тех пор Хань И постепенно повышался в должности, — со временем он стал одним из придворных советников.

Между тем Лю оставалась верна ему, хотя многие добивались ее любви. Что же касается Сюй Цзюня, то он не получил никакой благодарности за свой поступок, продиктованный чувством дружбы. Благодаря красоте и образцовому поведению Лю могла бы стать женой одного из тех вельмож, которые сопровождают императора в его колеснице. А Сюй Цзюнь сообразно своим высоким талантам мог бы получить большие заслуги, если бы его назначили хотя бы начальником уездов Цаокэ и Шэнчи². Каждое деяние определяется по его результатам; награда дается по заслугам. Жаль, что Лю не нашла себе достойной пары, а чувство долга и героизм Сюй Цзюня не получили одобрения. Все пошло не по надлежащему пути.

Но разве можно было бы избежать описанных здесь злоключений? Видно, так уж должно было случиться.

---

¹ Юцзи — уезд в нынешней провинции Хэбэй.

² Цаокэ и Шэнчи — уезды нынешней провинции Хэнань.

ИСТОРИЯ ГЕТЕРЫ ЯН

Гетера Ян была самой красивой женщиной веселых кварталов

Чанъани. Обладая очаровательной внешностью, она умело и со вкусом подчеркивала ее своими нарядами. Князя, вельможи, именитые приезжие наперебой приглашали ее на пиры. Даже непьющие люди с радостью осушали чарки в ее честь. Вся молодежь Чанъани толпилась в ее доме, готовая по первому ее знаку пустить по ветру свое состояние без всяких сожалений и отдать за нее жизнь. Имя красавицы стало широко известно в столице, многие стремились у нее побывать.

В то время военачальником Чанъани был один очень знатный человек родом из Линнаня¹. Он вел разгульную жизнь, и жена его, происходившая из тех же мест, была очень ревнива; давно уже она предупредила мужа о том, что, если он увлечется другой женщиной, она покончит с собой. Супруг же ее, будучи знатен, с юных лет привык посещать гетер и певичек и постоянно огорчал жену, но никак не мог удержаться от соблазна.

Он тайком внес большой выкуп, чтобы Ян вычеркнули из списков гетер, и перевез ее в соседний город Наньхай, поселив в отдельном доме. Все свободное от службы время он проводил с ней, а ночью потихоньку возвращался домой.

¹ Линнань — город в нынешней провинции Гуандун.

Ян, женщина умная, служила ему преданно и почтительно, вела себя как достойная супруга, никогда не нарушая приличий. Она щедро одаривала всех приближенных своего возлюбленного, и они старались расположить его к ней; поэтому он все больше привязывался к красавице.

Прошло около года с момента их встречи. Но вот однажды военачальник сильно заболел и не мог подняться. Ему очень хотелось хоть разок повидать Ян, но он боялся жены. Тогда он поведал свое желание подчиненному, с которым был дружен, и попросил у него совета.

Подчиненный сказал жене военачальника:

— Супруг ваш тяжело болен. Мне кажется, ему необходима искусная сиделка, только тогда он поправится. У меня есть на примете прекрасная служанка из знатного дома, которая с исключительным вниманием относится к больным. Прошу вас позволить ей ухаживать за вашим супругом. Как вы на это посмотрите?

— Если она служила в знатном доме, значит ей можно доверить и, думаю, вреда от этого не будет. Ну что же, пригласите ее.

Подчиненный велел Ян под видом служанки идти к больному. Но не успели они осуществить замысел, как его раскрыли.

Ревнивая жена позвала здоровенных служанок, раздала им палки, поставила в прихожей котел с кипящим жиром и стала ждать прихода Ян. Она задумала бросить соперницу в котел. Узнав об этом, больной пришел в ужас и тотчас же послал гонца предупредить Ян, чтобы она ни в коем случае не приходила.

При этом он сказал:

— Желая исполнить мою просьбу, она чуть не попала в большую беду. Счастье, что я еще жив и смог спасти ее из пасти этой тигрицы; иначе было бы поздно.

Он послал Ян в подарок редкостные драгоценности, а мальчику-слуге приказал нанять легкую джонку и отвезти Ян к ее родным далеко на север. С этих пор печаль неустанно грызла его сердце; не прошло и десяти дней, как он скончался.

Как раз в это время Ян доехала до Хунчжоу¹. Узнав о смерти своего возлюбленного, Ян вернула все его по-

---

¹ Хунчжоу — уездный город нынешней провинции Цзянси.

дарки, поставила на домашний алтарь поминальную таблицу¹ и, рыдая, воскликнула:

— Ты умер из-за меня, зачем мне жить? Разве могу я остаться одна? — и, разорвав таблицу, она покончила с собой.

Обычно гетеры, торгуя своей красотой, сходятся с мужчинами только из-за выгоды. Ян же решила на смерть, чтобы отблагодарить своего возлюбленного. Вот это сознание долга! Вернула его подарки, — какое бескорыстие! Хоть и гетера, а как отличается от других!

---

¹ На одной стороне поминальной таблицы указывалось имя родственника, установившего таблицу, и почетное посмертное прозвище покойного, а на обратной стороне — его имя и должность, даты рождения, смерти и место погребения.

ИСТОРИЯ ХО СЯО-ЮЙ

В годы правления «Дали» некто Ли И из Лунси двадцати лет уже сдал экзамены на степень цзиньши.

На следующий год все выдающиеся талантливые люди были приглашены Управлением государственных чинов на столичные экзамены.

Летом, в шестую луну, Ли И прибыл в Чанъань и поселился в квартале Синьчанли.

Юноша происходил из благородной и известной семьи, еще в ранней юности проявил незаурядные способности, и литературные произведения его считались непревзойденными по изяществу стиля и красоте выражений. Рано достигнув известности и привыкнув ко всеобщему поклонению, он был очень самонадеян и мечтал найти себе красавицу подругу. Долго искал он повсюду какую-нибудь известную гетеру, но поиски его были безуспешны.

В Чанъани жила сваха Бао-одиннадцатая. Когда-то в молодости она была служанкой в доме императорского зятя Се, но прошло уже больше десяти лет с тех пор, как один состоятельный человек выкупил ее и женился на ней. Лстивая, мастерица на сладкие речи, она пролезала во все, даже самые знатные, семьи, моментально находила способ познакомиться с любым человеком и считалась знатоком своего дела. Бао нередко выполняла поручения Ли И, получала от него щедрые подарки и очень хотела угодить ему.

Прошло несколько месяцев. Однажды Ли И сидел у себя дома в южной беседке; часа в четыре дня послы-

шался настойчивый стук в ворота; оказалось, пришла Бао-одиннадцатая.

Ли И вышел ей навстречу и спросил:

— Чем объяснить ваш неожиданный приход, госпожа Бао?

Та, смеясь, ответила:

— Вы лишь во сне грезите о красавице, а я вот на самом деле нашла ее. Есть одна бессмертная, изгнанная на землю; ищет она не богатства, а любви изящного, талантливое человека. А уж по красоте своей вполне достойная пара вам, господин.

Услышав это, Ли пришел в восторг. Взяв Бао за руку, кланяясь и горячо благодаря ее, он сказал:

— Пока жив, буду вашим рабом, да и жизни для вас не пожалею.— Затем спросил имя девушки и ее адрес.

Бао рассказала:

— Это младшая дочь князя Хо, зовут ее Сяо-юй. Князь ее очень любил. Мать красавицы, Цзин-чи была любимой наложницей князя. Как только он умер, его сыновья отказались признать девушку из-за ее низкого происхождения. Выделили ей часть имущества и предложили поселиться в другом месте, приняв фамилию Чжэн, чтобы никто не узнал, что она дочь князя. Такого изящества и прелести я в жизни не видела, а тонкостью чувств и скромностью поведения она превосходит любую другую девушку; она искусна в музыке, поэзии и каллиграфии.

Вчера меня попросили найти для нее достойного молодого человека подходящей внешности и характера. Я назвала вас. Оказалось, что девушке и ее матери тоже знакомо ваше имя, и они были очень обрадованы.

Живут они в переулке Гусы по улице Шэнъе, ворота их дома в самом начале переулка. Вчера мы уже обо всем договорились. Завтра в полдень приходите в переулок, там вы найдете служанку Гуй-цзы, и все будет в порядке.

Как только Бао ушла, Ли И начал готовиться к свиданию. Он послал слугу Цю Хуана к своему двоюродному брату — советнику города Цзинчжао — одолжить черного жеребца и золотую уздечку. С вечера Ли И почистил одежду и оделся во все самое лучшее. От радости он всю ночь не ложился спать. С трудом дождавшись рассвета, он умылся, надел шапку и стал рассматривать себя в зеркало, боясь, как бы в туалете не было каких-нибудь упущений.

Все утро он бродил взад и вперед и кое-как дотянул до полудня. В полдень приказал подать лошадь и понесся во весь опор на улицу Шэнъе. На условленном месте он действительно увидел поджидавшую его служанку; та подошла к нему и спросила:

— Не вы ли господин Ли И?

Ли И спешил, велел проводить его в дом и стал нетерпеливо стучать в запертые ворота. Видит, Бао вышла из дому и весело спросила:

— Что это за молодой человек так рвется сюда?

Смеясь, вошли они в главные ворота; во дворе росло четыре вишневых дерева; на северо-западной стороне двора висела клетка с попугаем. Увидев вошедшего юношу, попугай крикнул:

— Чужой пришел, скорей опустите занавеску!

Ли И, будучи человеком деликатным, и так чувствовал себя неловко; теперь же, услышав слова птицы, он до такой степени смутился, что не решился войти в дом.

Вслед за Бао по ступеням спустилась Цзин-чи и пригласила юношу в дом.

Лет ей было, вероятно, за сорок. Скромная, тихая, с сохранившимися еще следами былой красоты, она была очень привлекательна.

— Я давно уже слышала о ваших исключительных способностях,— с улыбкой обратилась она к Ли И,— а теперь, видя вашу прекрасную внешность и изящные манеры, понимаю, что это была не пустая слава. У меня есть дочь, и хотя она малообразованна, но внешность ее не уродлива, и она могла бы оказаться подходящей вам парой. Я часто слышала от госпожи Бао о вашем желании и готова сегодня же приказать дочери служить вам с плетушкой и метелкой¹.

Ли И начал благодарить ее.

— Я, такой безобразный, глупый, не стою и взгляда вашей дочери; но если удостоюсь чести стать ее избранником, то и в жизни, и после смерти буду чувствовать себя осчастливленным.

Цзин-чи приказала подать вино и закуски и велела Сяо-юй выйти к гостю. Ли И встретил девушку поклоном. Ему показалось, что с ее приходом комната стала раем.

Они посмотрели друг на друга; блеск ее глаз просто

---

¹ То есть стать женой.

ослеплял. Познакомились. Девушка села рядом с матерью; та обратилась к ней:

— Ты любишь декламировать:

Ветер полог открыл,
У окна встрепенулся бамбук;
Мне почудилось вдруг,
Что ко мне приближается друг...

Это стихи господина Ли И. Целыми днями ты напеваешь их, мечтая о нем, так взгляни на него самого. Это, пожалуй, лучше!

Смущенно склонив голову, Сяо-юй слегка улыбнулась и тихо ответила:

— Есть поговорка: «Видеть в лицо лучше, чем знать понаслышке!» Разве может талантливый муж иметь непредставительную внешность?

Тут юноша несколько раз поклонился ей и сказал:

— Вы, барышня, любите талант, а я поклоняюсь красоте. Любовь отражается в любви, талант и внешность совместимы.

Мать и дочь, переглянувшись, засмеялись.

Вино обошло присутствующих несколько раз. Ли И поднялся и попросил девушку что-нибудь спеть. Сначала она не соглашалась, но мать настояла. Голос у девушки был чистый и звонкий, пела она с большим чувством.

Когда встали из-за стола, было уже темно. Бао провела Ли И отдохнуть в западный зал с очень красивыми занавесями и портьерами. Здесь было тихо и уютно. Бао приказала служанкам Гуй-цзы и Хуань-ша снять с Ли И туфли и развязать ему пояс. Вскоре вошла Сяо-юй; голос ее был нежен, держалась она мягко и покорно. Снимая свои одежды из тончайшего шелка, она смущалась, и от этого становилась еще очаровательнее.

Опустив полог, они легли на одной подушке и слились в любовной радости. Ли И казалось, что встречи поэтов древности с небесными феями на горе У и возле реки Ло, пожалуй, не выдержат сравнения с их свиданием.

Среди ночи Сяо-юй вдруг заплакала. Глядя на Ли И, она сказала:

— Я ведь простая певичка и сама знаю, что вам не пара. Сегодня я доверила вам свою красоту и любовь, положила на вашу доброту и мудрость. Но боюсь, что станет день, когда красота увянет, а ваша нежность исчез-

нет; и буду я тогда как выющееся растение без опоры, как веер, выброшенный осенью¹. В самый счастливый момент моей жизни незаметно подкралась печаль.

Ли И был растроган и не мог удержаться от вздоха; положив голову Сяо-юй себе на плечо, он сказал с нежностью:

— Сегодня сбылась мечта всей моей жизни. Клянусь, что я не расстанусь с тобой. Пусть разрежут на куски мое тело и растолкут в порошок мои кости! Как ты, жена моя, могла произнести такие слова! Прошу тебя, дай мне кусок белого шелка, и я напишу клятву.

Сяо-юй вытерла слезы и приказала служанке по имени Ин-тао поднять полог, зажечь свечу и подать Ли И кисть и тушечницу. Сяо-юй в свободное время играла на струнных инструментах и очень любила поэзию и каллиграфию. Все ее ящички, кисти, тушечницы принадлежали когда-то князю Хо. Из вышитого мешочка она вынула кусок белого шелка длиной в три чи и подала его Ли И. Талантливый юноша только коснулся кисти, и вмиг написал клятву; он призывал в свидетели горы и реки, клялся луной и солнцем. Каждая фраза глубоко трогала своей нежностью и убедительностью. Кончив писать, Ли И велел Сяо-юй спрятать клятву в ящичек с драгоценностями.

С этих пор Сяо-юй и Ли И нежно любили друг друга, как зимородки, что парами летают в облаках. Два года прожили они, не расставаясь ни днем ни ночью. Весною следующего года, когда опубликовали результаты столичных экзаменов, Ли И оказался первым в списке и получил назначение на должность архивариуса в управлении уезда Чжэнсянь.

В четвертой луне, собираясь отправиться на место назначения, Ли устроил прощальное пиршество в Дунло. Вся его родня из Чанъани съехалась на этот прощальный пир.

В это время прелесть поздней весны сменилась пышной красотой раннего лета. Когда гости разошлись, сердца Ли И и Сяо-юй наполнились печалью:

— За ваше положение, талант и репутацию,— сказала Сяо-юй,— люди очень уважают вас, и наверняка много будет таких, которые захотят связать себя с вами брачными узами. К тому же у вас в доме есть почтенные родители, но

---

¹ Веер, выброшенный осенью,— поэтический образ покинутой женщины.

в ваших покоях нет еще жены, избранной ими для вас. Когда вы уедете отсюда, то, конечно, вступите в выгодный брак, и клятвы верности станут пустыми словами; у меня есть маленькая просьба, которую хотелось бы вам изложить. Я навсегда отдала себя вам, но не знаю, захотите ли вы выслушать меня.

В тревоге и изумлении Ли И спросил ее:

— Чем я провинился перед тобою, что ты говоришь мне такие вещи? Скажи мне, чего ты хочешь, и я обязательно исполню твою просьбу.

Сяо-юй ответила:

— Мне теперь восемнадцать лет, вам же исполнилось двадцать два; до тридцати лет вам еще далеко, восемь лет вы еще можете не жениться. Любовь всей моей жизни хочу я вложить в эти восемь лет. А потом вы сделаете хороший выбор, возьмете девушку из знатного дома. Я же тогда отрешусь от всех мирских забот, остригу волосы, облекусь в монашеские одежды,— ведь у меня уже не будет мирских желаний.

Смущенный и растроганный, Ли И невольно заплакал:

— Когда я клялся ясным солнцем в жизни и после смерти быть верным и дожить вместе с тобою до старости, то мне казалось, что этого еще слишком мало. Как же посмею я думать о других женщинах? Умоляю, не сомневайся во мне и живи, как моя жена, спокойно ожидая меня. В восьмую луну я обязательно приеду в уезд Хуачжоу и отправлю за тобой посланца; разлука будет недолгой.

Через несколько дней Ли И отправился на восток. Дней десять спустя после прибытия на место он попросил отпуск, чтобы посетить своих родителей в Восточной столице¹. Еще до его приезда мать решила женить сына на двоюродной сестре из рода Лу и даже уговорилась с семьей девушки. Мать Ли И была женщина строгая и энергичная, юноша не осмеливался противоречить ей, и ему оставалось лишь вежливо поблагодарить ее. Сразу же был назначен срок свадьбы.

Род Лу тоже был знатным и, выдавая дочь замуж, родители потребовали по договору миллион; меньше чем за эту сумму они не соглашались ее отдать. Семья Ли И давно уже обеднела, нужно было занять деньги, и юноша, объез-

---

¹ Восточная столица — город Лоян в нынешней провинции Хэнань.

жая родных и знакомых, пересек даже реки Цзян и Хуай; на поиски денег ушла вся зима. Ли И нарушил клятву и со дня на день откладывал поездку к Сяо-юй. Он не подавал о себе никаких вестей, надеясь, что она перестанет ждать. Родных и друзей своих он просил ничего ей не сообщать.

Видя, что Ли И медлит с возвращением, Сяо-юй пыталась хоть что-нибудь узнать о нем. Каждый день до нее доходили всякие пустые и противоречивые слухи. Сяо-юй обращалась к гадалкам, посещала шаманок, тревога и печаль ее все росли. Так прошло больше года. Сяо-юй чахла от тоски в своей одинокой комнате и наконец тяжело заболела. Писем не было, но Сяо-юй все еще не теряла надежды. Она одаривала родных и знакомых, чтобы получить какие-нибудь известия о любимом; на это уходило много средств, и Сяо-юй исподтишка посылала своих служанок продавать одежду и безделушки; чаще всего они ходили в лавку Хоу Цзин-сяня подле Западного рынка.

Как-то раз Сяо-юй велела служанке Хуань-ша отнести Цзин-сяню головную шпильку из пурпурной яшмы. По дороге служанка встретила старого придворного ювелира, который, увидев у нее в руках шпильку, узнал свою работу и сказал:

— Эта шпилька сделана мною. Когда-то младшая дочь князя Хо, собираясь делать высокую прическу, заказала мне шпильку и заплатила за нее десять тысяч монет. Я помню свою работу. А ты кто такая и откуда взяла эту вещь?

Хуань-ша ответила:

— Моя молодая госпожа и есть дочь князя Хо. Семья разорилась, а госпожа моя подарила свою честь человеку, который уехал в Восточную столицу и не шлет о себе никаких вестей. Прошло уже два года; от огорчения и тревоги она заболела. Теперь вот приказала мне продать шпильку, чтобы можно было одарить людей, у которых она старается получить известия о нем.

Заплакав от жалости, ювелир сказал:

— До чего же они дошли! Быть такой знатной и потерять все — что может быть тяжелее! Я уже стар и, видя такую превратность судьбы, не могу совладать с печалью.

Старик привел служанку к дочери императора и рассказал той все. Растроганная рассказом, Янь-сянь долго вздыхала и дала служанке за шпильку сто двадцать тысяч.

В это время Лу, невеста Ли И, была в Чанъани, а

Ли И, собрав наконец нужные ему средства, вернулся к своей службе в Чжэнсянь. В месяц жертвоприношений¹ он снова попросил отпуск, чтобы побывать в Чанъани по своим брачным делам.

Тайно поселился он в тихом, уединенном месте, чтобы люди не узнали о его приезде.

У Ли И был троюродный брат Цуй Цзю-мин, человек очень добрый. Прежде он часто бывал вместе с Ли И у Сяо-юй, пил с ними, смеялся и шутил. Каждый раз когда он узнавал что-нибудь о Ли И, он сообщал об этом Сяо-юй. Она в свою очередь часто посылала Цуй Цзю-мину дрова и одежду, и тот был очень благодарен ей. Теперь, когда Ли И приехал в Чанъань, Цуй Цзю-мин сразу же сообщил об этом Сяо-юй.

— Может ли такое случиться на свете! — воскликнула она в отчаянии.

Сяо-юй просила родных и знакомых уговорить Ли И прийти к ней. Но тот, помня, что он опоздал к сроку и нарушил клятву, и зная, что Сяо-юй безнадежно заболела от горя, стыдился своей жестокости и ни за что не соглашался пойти на свидание. Он рано уходил из дому и поздно возвращался, чтобы избежать посланцев своей бывшей возлюбленной.

Сяо-юй днем и ночью лила слезы, не спала и не ела, мечтала лишь о том, чтобы повидать любимого еще хоть раз, но не знала, как это сделать. Тоска и гнев ее росли с каждым днем; вскоре она уже не могла подняться с постели.

В это время в Чанъани постепенно стали узнавать обо всей этой истории. Люди с чувствительным сердцем и благородной душой были растроганы преданностью Сяо-юй и возмущены низким поступком Ли И.

Наступила третья луна — время веселых прогулок. Ли И с приятелями отправился в храм Высокого почитания полюбоваться на цветущие пионы. Друзья прогуливались вдоль восточной галереи и сочиняли стихи. Некий Вэй Ся-цин из Цзинчжао, близкий друг Ли И, сказал ему:

— Погода сегодня чудесная, деревья и травы в роскошном цветении. Жаль мне Хо Сяо-юй, которая горюет в одиночестве! Вы действительно жестокий человек, если смогли

---

¹ Месяц жертвоприношений — двенадцатый месяц по лунному календарю, когда приносят жертвы всем духам.

бросить ее. Благородный муж так не поступает. Надо бы вам задуматься над этим!

В то время как Вэй Ся-цин уговаривал Ли И, к ним приблизился мужчина богатырского сложения. Он слышал их разговор. Неизвестный был одет изящно, но скромно и держал под мышкой лук; лицом он был красив, как бессмертный дух. За ним следовал слуга — мальчик иноземного происхождения. Внезапно незнакомец сложил руки для приветствия и обратился к Ли И:

— Не вы ли господин Ли И, десятый в роду? Я сам из Шаньдуна и прихожусь вам дальним родственником по женской линии. Хоть у меня и нет литературных талантов, но я преклоняюсь перед мудростью. Много слышал о вас и давно мечтал встретиться с вами. И вот сегодня мне посчастливилось! Мое скромное жилище недалеко отсюда, там слух ваш усладит приятная музыка, к вашим услугам будет девять красивых девушек и с десятков хороших коней — все, что изволите пожелать. Очень хочется, чтобы вы удостоили меня посещением.

Приятели Ли И нашли предложение превосходным. Следуя за незнакомцем, вся компания отправилась в путь и через несколько улиц оказалась на улице Шэнъе. Поблизости был дом Сяо-юй. Ли И не хотел проезжать мимо него и под каким-то предлогом повернул коня, но незнакомец сказал:

— До моего жилья совсем рукой подать. Можно ли допустить, чтобы вы бросили нас?

Он схватил коня Ли И за поводья и насильно повел за собой; вскоре они подъехали к дому Сяо-юй. Вконец смущенный и расстроенный, Ли И пытался повернуть коня назад, но незнакомец приказал слугам втащить Ли И в дом и, когда он оказался за главными воротами, распорядился запереть их.

— Ли И прибыл! — закричал он.

Раздались радостные возгласы, которые были слышны даже с улицы.

А накануне вечером Сяо-юй приснилось, будто какой-то мужчина привел Ли И, усадил на циновку и велел Сяо-юй снять с него туфли. Проснувшись, она рассказала сон матери и сама растолковала его смысл: «Туфли» — это «согласие»¹. Муж и жена снова свидятся. «Снять» значит «рас-

¹ Гадание основано на игре слов «туфли» и «согласие», имеющих одинаковое звучание «се».

статься»,— вслед за встречей последует вечная разлука. Выходит, мы скоро должны встретиться, а после встречи я умру».

На рассвете Сяо-юй попросила мать помочь ей одеться. Мать решила, что долгая болезнь затуманила сознание дочери, и не придавала этому значения. Сяо-юй настойчиво требовала одежду, и тогда мать стала одевать ее. Едва она закончила ее туалет, как вдруг прибыл Ли И.

Сяо-юй была так слаба, что без посторонней помощи не могла повернуться на другой бок. Но, услышав о прибытии Ли И, сама поднялась, поправила одежду и выбежала словно одержимая.

Встретившись лицом к лицу с Ли И, она сдержала гнев и молча устремила на него пристальный взгляд. Похудевшая, хрупкая, прелестная, она, казалось, не могла вынести этой встречи и по временам закрывала лицо рукавом, но все же глядела на Ли И. Все, кто были при этом, так расстрогались, что не могли сдержать тяжелых вздохов.

Вскоре принесли вино и несколько десятков блюд с закусками. Все удивились и стали расспрашивать, откуда и кто принес угощение; оказалось, все это доставил незнакомец. Вино и закуски расставили на столе, и все уселись вокруг. Сяо-юй смотрела на Ли И, затем подняла чарку с вином и, отпив, сказала:

— У меня, слабой женщины,— столь несчастная судьба, а у вас, мужчины,— такая неверная душа. В расцвете молодости и красоты я умираю с ненавистью в сердце. Мать еще жива, но я не могу служить ей. Вышивки мои и струнные инструменты отныне будут вечно отдыхать. С глубокой болью иду я к желтым истокам¹. Причиной тому вы, Ли И! Сегодня нам придется расстаться навсегда! После смерти я сделаюсь злым духом и не дам вашим женам и наложницам ни минуты покоя!

Левой рукой она схватила его за плечо, бросила чарку на землю, вскрикнула голосом, полным муки, и умерла. Мать подняла ее и положила на руки Ли И, приказав ему окликнуть ее², но Сяо-юй не ожила.

Ли И носил по ней траур, днем и ночью лил слезы в глубокой скорби. Вечером, накануне дня похорон, к Ли И

¹ Желтые истоки — загробный мир.

² В старом Китае считалось, что у человека две души, одна из которых после смерти человека уходит на небо. Существовал обычай призывать ее обратно, трижды окликав умершего по имени.

внезапно явилась Сяо-юй, очаровательная, как при жизни. На ней была гранатового цвета юбка, платье пурпурного цвета и красная с зеленым накидка. Касаясь полога, она играла своим расшитым поясом:

— Вы удостоили меня проводами в последний путь, это говорит о том, что у вас осталось еще чувство ко мне, и я смогу не горевать в царстве мертвых.

С этими словами она исчезла.

На следующий день ее похоронили. Ли И еще долго сидел на ее могиле и проливал слезы.

Прошло немного больше месяца, и он женился на Лу, но печаль по Сяо-юй мешала его счастью.

Летом, в пятую луну, он с женой вернулся в Чжэнсянь. Как-то, дней через десять после приезда, Ли И спал в одной комнате с Лу и вдруг услышал шорох. Встревожившись, Ли И выглянул и увидел мужчину лет двадцати, красивого и изящного. Спрятавшись за пологом, он манил к себе Лу. Ли И поспешно вскочил и несколько раз осмотрел все вокруг, но мужчина уже исчез.

С этих пор Ли И, затаив в душе подозрение, ревновал жену по малейшему поводу; жизнь стала совершенно невыносимой. Родственники начали увещевать Ли И, и он постепенно успокоился.

Прошло еще дней десять. Однажды, когда Ли И вернулся домой, Лу сидела на диване и играла на цине; внезапно на ее колени упала брошенная кем-то из-за дверей крошечная золотая коробочка для украшений; на тонком шелке в крышке были изображены два соединенных сердца. Открыв коробочку, Ли И увидел там два любовных семени¹, одного кузнечика и немного любовного зелья.

Ли И завопил от ярости, как разъяренный тигр, и стал бить жену, требуя, чтобы она призналась ему во всем. Но Лу сама ничего не знала.

С этих пор Ли И стал очень жестоко обращаться с ней, часто бил ее, мучил и терзал, так что в конце концов она обратилась в суд и оставила Ли И.

Некоторое время Ли И после ухода Лу делил ложе со своими служанками и наложницами, но все больше и больше ревновал их; одну из них он даже убил из ревности.

Побывав как-то в Гуанлине, Ли И сошелся с известной

---

¹ Любовные семени — сорт чечевицы, якобы обладающий магическими свойствами.

очаровательной певицей по имени Ин-одиннадцатая и очень увлекся ею. Не раз, сидя с Ин, Ли И рассказывал ей:

— В одном городе я сошелся с некой певицей, но она совершила преступление передо мною, и я по закону убил ее.

Он часто рассказывал это Ин, чтобы запугать ее и заставить быть верной ему.

Уходя из дому, он заставлял Ин ложиться в постель, набрасывал на нее всякий хлам, обходил все углы дома, заклеивал окна, двери и щели бумагой, на которую ставил свою печать. Вернувшись, обязательно тщательно осматривал все и, лишь убедившись в том, что все осталось по-прежнему, позволял Ин встать с постели.

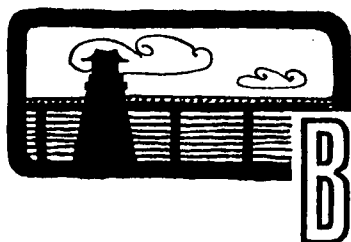
Он носил с собой острый меч и, показывая его своим служанкам, говорил:

— Это сделано из синьчжоуского железа специально, чтобы рубить головы преступникам!

Словом, Ли И смотрел на женщин со все более возрастающей ревностью и недоверием. Три раза он был женат и со всеми женами обращался не лучше, чем с первой.

ПОВЕСТЬ
О БЕСКОНЕЧНОЙ ТОСКЕ

В годы правления «Кайюань» в Китае царил мир и порядок, и на границах было спокойно. Император Сюань-цзун много лет уже был на престоле. Надоело ему поздно питаться и до рассвета облачаться¹, и перестал он заниматься делами правления, целиком доверился своему лучшему помощнику, а сам, удалившись в покои, предавался удовольствиям, в обществе красавиц устраивал пиры, услаждал себя музыкой.

Императрица Юань Сянь и фаворитка У-шу, бывшие у него в большой милости, умерли одна за другой. Хотя в императорских дворцах жили тысячи девушек из знатных семей, но ни одна не радовала взора Сюань-цзуна, и в душу императора закралась печаль.

В те годы он каждую десятую луну ездил во дворец Пышности и Чистоты. Его сопровождали знатные дамы, являвшиеся по первому приказанию во всем лучезарном блеске своей красоты.

Утром, когда солнце играло на поверхности воды, чуть подернутой рябью, красавицам разрешалось купаться в Теплых Источниках². Легкий ветерок ласкал чудотворное озеро, и оно казалось живым. А душа императора была полна томлением, словно ждал он желанной встречи.

¹ Поздно питаться и до рассвета облачаться — образное выражение, означающее крайнюю занятость.

² Теплые Источники — озеро с теплыми ключами возле дворца Пышности и Чистоты.

Тщетно смотрел он по сторонам,— красавицы были всюду, но все не по душе ему. Тогда приказал он Гао Ли-ши¹ тайком подыскать ему красавицу в чужих гаремах; и тот увез от наследника престола Шоу² девушку, которая только что стала закалывать прическу³. Это была дочь Ян Сюань-аня из Хуннуна, девушка с блестящими волосами, уложенными в изящную прическу. Прекрасно сложенная, она напоминала собой Ли⁴, супругу ханьского У-ди. Каждое движение ее или поза были само очарование. Приказав специально для нее устроить купанье в Теплых Источниках, император милостиво разрешил ей омыться там.

Выйдя из воды, она так обессилела, будто нежному телу ее было трудно нести на себе тяжесть шелковых одежд. Освещенная солнцем, она казалась лучезарной, и каждое ее движение приковывало внимание. Государь пришел в восторг. В тот же день ее привели к нему, и в ее честь была сыграна мелодия «Платье из радуги, одежда из перьев». А в тот вечер, когда она поклялась императору в вечной любви, он подарил ей в память об этом дне золотую шпильку и золотой ящичек для головных украшений и велел еще изготовить золотые подвески и драгоценные головные украшения. На следующий год Ян Гуй-фэй была занесена в список наложниц первого разряда и стала делить с императором его власть на правах полуимператрицы. С этих пор своей красотой, умными приветливыми речами и тысячью прелестных ухищрений она старалась угождать императору, и любовь его к ней все росла. Когда император ревизовал девять областей⁵ и приносил жертвы пяти Священным горам⁶, она всегда ездил с ним в одной колеснице. Вместе с ним она коротала снежные ночи на горе Ли и встречала весеннее утро в Шанъяне⁷. Красавица всегда

---

¹ Гао Ли-ши (683—762) — евнух, крупный политический деятель, фаворит танского императора Сюань-цзуна.

² Наследник престола Шоу — восемнадцатый сын Сюань-цзуна.

³ То есть ей только что исполнилось пятнадцать лет.

⁴ Ли — супруга ханьского У-ди (140—87 гг. до н. э.), прославленная красавица древности.

⁵ Древний Китай был разделен на девять областей.

⁶ Жертвы пяти Священным горам — жертвоприношения духам пяти Священных гор (Тайшань, Хэньшань, Хуашань, Хэньшань и Суншань), так же как жертвы небу, земле и духам императоров прежних династий, — являлись прерогативой императора.

⁷ Шанъян — название императорского двора в Лояне.

была рядом с императором, садилась с ним за один стол, а ночью служила ему в покоях.

У императора Сюань-цзуна было три первых жены, девять вторых, двадцать семь третьих и восемьдесят одна четвертая. Кроме того, во дворцах было множество красавиц, певиц и гетер, но теперь у Сюань-цзуна не находилось для них и взгляда. С этой поры он уже не удостаивал своим посещением красавиц шести дворцов¹ и совсем забыл о них. Ян Гуй-фэй превосходила их не только своей поразительной красотой и изысканными манерами, но и умом, талантом и красноречием.

Старший ее дядя, отец и братья заняли высокие посты при дворе и стали титулованными особами. Сестры были выданы замуж за знатных вельмож и получили в приданое большие уделы.

Род Ян Гуй-фэй славился и знатностью и богатством; одежда, экипажи, лошади ее родных были поистине царскими, образ жизни — княжеский. По мере увеличения императорских милостей росло и могущество семьи Ян. Члены ее имели свободный доступ в императорские дворцы. Высшие сановники, именитые вельможи завидовали им, поэтому в те дни была популярной песенка, в которой говорилось:

Родится дочь — так ты не огорчайся,
А сын родится — ты не веселись,—

а в другой песенке было такое место:

Хоть сын в князя не вышел твой,
Зато уж дочь опорой служит прочной.

Вот как завидовали ей люди.

В конце годов «Тяньбао» Го-чжун, родной брат Ян Гуй-фэй, благодаря ей пролезший на должность главного советника, распоряжался государственными делами как хотел. Тогда наместник пограничных западных областей Ань Лу-шань² повел свои войска против дворцовой знати под предлогом изгнания Ян Гуй-фэй. Императорским войскам не удалось удержать крепость в Тунгуани, и они стали отходить. Из Сяньяна император отправился в Мавэй, но в это время среди войск начались волнения.

¹ Шесть дворцов — четыре императорских дворца в Чань-ани и два в Лояне.

² Ань Лу-шань в 755 г. поднял мятеж и повел свои войска на Чаньань, чтобы захватить престол. Мятеж был подавлен в 765 г.

Сопровождавшие императора сановники пали перед ним ниц, прося казнить главного советника, как некогда казнили Чао Цо¹, чтобы этим успокоить страну. Го-чжун получил повеление покончить с собой и удавился на дороге. Но бунтовщики не были удовлетворены этим, и когда император спросил, чего они хотят, то нашлись смельчаки, потребовавшие смерти Ян Гуй-фэй, чтобы утолить народную ненависть. Император понимал, что выхода нет, но он не находил в себе сил смотреть на то, как будет умирать его возлюбленная, и отвернулся. Закрыв лицо рукавом, он приказал увести ее, а сам удавился. Ян Гуй-фэй в страхе молила о пощаде, но в конце концов приняла смерть от тонкого шелкового шнура, стянувшего ее шею. После всего этого император Сюань-цзун прибыл в Чэнду², отказавшись от трона в пользу сына Су-цзуна, вступившего на трон в уезде Линьчу.

На следующий год была объявлена всеобщая амнистия, название годов правления было изменено, и новый император вернулся в столицу. Сюань-цзун, приняв титул государя-отца, поселился в Южном дворце, а потом переехал в Западный³.

Шло время, чередовались события, кончилась радость, пришло горе. Наступали весенние дни, проходили зимние ночи, раскрывались лотосы в прудах летом, опадали листья акации во дворце осенью, флейтисты Грушевого сада играли мелодию «Платье из радуги», но лицо Сюань-цзуна оставалось печальным, и все вокруг вздыхали. Три года он жил одними воспоминаниями о Ян. Мечтал о том, чтобы душа ее явилась ему во сне, но мечта не сбывалась.

В это время из Шу⁴ прибыл даос. Узнав, что сердце бывшего властителя охвачено тоской по Ян Гуй-фэй, он сказал, что владеет искусством Ли Шао-цзюня⁵. Сюань-

¹ Чао Цо — советник ханьского императора Цзин-ди (156—141 гг. до н. э.). Когда в 154 г. до н. э. семь феодальных князей выступили против империи Хань, причиной этого признали реформы, предложенные Чао Цо, и он был казнен.

² Чэнду — главный город нынешней провинции Сычуань. Во время бегства Сюань-цзуна Чэнду стал временной столицей Китая.

³ Южный дворец находился в городе Лоян, Западный — к северу от города Чанъань.

⁴ Шу — древнее название провинции Сычуань.

⁵ Ли Шао-цзюнь, живший при ханьском императоре У-ди (II—I вв. до н. э.), утверждал, что открыл секрет бессмертия и побывал в обители бессмертных.

цзун обрадовался и приказал ему вызвать дух возлюбленной. Даос стал усердно творить свои заклинания, но дух не являлся. Владея искусством возноситься в небо и углубляться в недра земли, даос оседлал ветер и отправился в обитель духов. Обшарил небесные сферы, проник в подземное царство, всюду искал красавицу, но нигде не нашел. Искал в пустотах под землей и на небе; наконец добрался до острова Пэнху, что лежит среди моря на крайнем востоке. Там увидел он гору бессмертных, на ней многоэтажный дворец, внизу — волшебные гроты, а на востоке — запертые ворота с надписью «Чертог Ян Гуй-фэй — Великой праведницы».

Даос постучал в ворота, на стук выбежала молоденькая прислужница. Не успел он объяснить ей, в чем дело, как она исчезла. На смену ей вышла служанка в лазоревых одеждах и осведомилась, откуда он явился. Даос объяснил, что он посланец императора Сюань-цзуна и прибыл сюда по его приказу. Служанка сказала:

— Госпожа сейчас как раз почивает, прошу вас немного подождать.

Двойные двери из драгоценной яшмы были плотно закрыты, не доносилось ни звука. Даос почтительно стоял у порога, сложив руки для приветствия; опять вышла служанка в лазоревом платье и возвестила:

— Вот и госпожа.

Перед даосом предстала женщина с золотыми лотосами в волосах, в платье из пурпурного шелка. На поясе у нее висели подвески из красной яшмы; слуг восемь суеилось вокруг нее, а позади шествовал феникс. Поклонившись даосу, женщина спросила, здоров ли государь, затем осведомилась, окончились ли события четырнадцатого года «Тяньбао»¹. Когда даос все рассказал, она опечалилась: велела служанке в лазоревых одеждах взять золотую шпильку и ларец для украшений, расколола их пополам и вручила обломки посланцу Сюань-цзуна, сказав при этом:

— Поблагодари от меня государя и почтительно передай ему это в память о нашей прежней любви.

Даосу пора было уходить, но вид у него был не совсем удовлетворенный. Ян Гуй-фэй, конечно, заметила это и спросила, в чем дело. Став на колени, даос ответил:

— Прошу вас, расскажите мне какой-нибудь случай из

---

¹ Имеется в виду мятеж Ань Лу-шаня.

вашей жизни, о котором бы никто другой, кроме императора и вас, не знал; пусть это послужит знаком для вашего бывшего властелина. Иначе, пожалуй, этот подарок он сочтет подделкой, а мой рассказ о вас — выдумкой.

Ян Гуй-фэй стояла в смущении и раздумывала, а затем, решившись, медленно заговорила:

— Однажды в десятом году «Тяньбао»¹ мы с государем прятались от жары во дворце на горе Ли. В седьмую луну, в ту самую ночь, когда Пастух и Ткачиха² приходят на свидание, по обычаям жителей Цинь³ ночью повсюду развешиваются парча, вышивки и цветные гирлянды, расставляются вина, закуски и фрукты, воскурятся ароматные свечи в главных залах, а девушки просят Ткачиху научить их ее искусству. Это свидание в небесах особенно хорошо наблюдать между строениями во дворцовом дворе.

Близилась полночь, слуги и стража были отпущены и находились в восточном и западном флигелях, а мы с государем остались вдвоем во дворе. Государь стоял, опершись на мое плечо, и мы смотрели на небо. Вспоминая трогательную историю Пастуха и Ткачихи, мы дали тайную клятву друг другу быть мужем и женой на веки вечные. Покаявшись, мы взяли за руки и заплакали. Об этом никто, кроме государя, не знает. Ах, зачем я вспомнила об этом, — стала сокрушаться она. — Теперь мне не жить здесь спокойно. Хочу опять на землю, чтоб наша связь продолжалась и в будущей жизни. На небе или в мире смертных я должна увидеться с ним и соединиться, как прежде!

Даос стал утешать ее:

— Государю-отцу тоже ведь недолго осталось жить среди людей. Не беспокойтесь и не мучьте себя так.

Даос вернулся и сообщил обо всем Сюань-цзуну; тот впал в уныние и по целым дням тосковал. Летом того же года, в четвертую луну, он скончался в Южном дворце.

Зимой, в двенадцатую луну первого года «Юаньхэ» Бо Лэ-тянь из Тайюаня прибыл цензором в Чжоучжи.

---

¹ В 750 г.

² По народному преданию, Ткачиха, звезда созвездия Лиры, будучи послана на землю, влюбилась в пастуха и вышла за него замуж, но отец заставил ее вернуться на небо. Пастух от горя умер, но за свои добродетели был превращен в звезду, отделенную от Ткачихи Небесной Рекой — Млечным Путем. Только в седьмой день седьмой луны Пастух может перейти Небесную Реку и встретиться с Ткачихой.

³ Цинь — старое название провинции Шэньси.

Я, Хун, и Ван Чжи-фу из Ланьэ жили тогда в этом городе и как-то в свободное время втроем поехали в храм Прогулок Бессмертных. Речь зашла об этой истории, и мы вместе вздыхали над ней.

Чжи-фу поднес вина Лэ-тяню и сказал:

— Если исключительные события не будут описаны кистью гениев, то с течением времени они исчезнут из памяти, и сказания о них не дойдут до грядущих поколений. Вы, Лэ-тянь, талантливый поэт и человек большого чувства. Что вам стоит написать песню об этом?

И тогда Бо Лэ-тянь в назидание потомкам написал свою «Песнь о бесконечной тоске». Он не только хотел растрогать слушателей, но и предостеречь красивых женщин от увлечений, чтобы навсегда иссяк источник волнений.

Сочинив эту песню, он просил меня написать пояснение к ней. Не принадлежа к эпохе «Кайюань», я не смог изложить все то, что в мой век никому уже не известно. А то, что известно всем, содержится в книге «Деяний Сюань-цзуна»¹. Поэтому я здесь рассказал только то, что относится к «Песне о бесконечной тоске», которая звучит так:

Был один государь. Он, красавиц любя,
«Покорявшую страны»² искал.
Но за долгие годы земле его Хань
Не явилась подобная вновь...

Вот и девочке Янов приходит пора
Встретить раннюю юность свою.
В дальних женских покоях растили дитя,
От нескромного взора укрыв.

Красоту, что получена в дар от небес,
Разве можно навек запереть?
И однажды избрали прелестную Ян
Самому государю служить.

Кинет взгляд, улыбнется, и сразу пленит
Обаяньем родившихся чар,
И с дворцовых красавиц румяна и тушь
Словно снимет движеньем одним.

---

¹ Имеется в виду раздел династийных историй, известный под названием «Десятия императоров».

² «Покорявшую страны» — то есть такую небывалую красавицу, как жена ханьского императора У-ди, о которой брат ее Ли Янь-нянь сказал в стихах императору: «Раз взглянет — и сокрушит город, взглянет второй раз — и покорит страну».

Раз прохладой весенней ей выпала честь
Искушаться в дворце Хуацин,
Где источника теплого струи, скользя,
Омывали ее белизну.

Опершись на прислужниц, она поднялась —
О бессильная нежность сама!
И тогда-то впервые пролился над ней
Государевых милостей дождь.

Эти тучи волос, эти краски ланит
И дрожащий убор золотой...
За фужуновым пологом в жаркой тиши
Провели ту весеннюю ночь.

Но, увь, быстротечна весенняя ночь,—
В ясный полдень проснулись они.
С той поры государь для вершения дел
Перестал по утрам выходить.

То с любимым вдвоем, то при нем на пирах,
От забот не уйдет ни на миг,
И в весенней прогулке всегда она с ним,
И ночами хранит его сон.

Их три тысячи — девушек редкой красоты —
Было в дальних дворцах у него,
Только ласки, что им предназначены всем,
Ей дарил безраздельно одной.

В золотой она спальне украсит себя,—
С нею, нежной, пленительней ночь.
А в нефритовой башне утихнут пиры,—
С нею, пьяной, милее весна.

Многочисленным сестрам и братьям ее
Во владение земли он дал,
И завидного счастья немеркнувший свет
Озарил их родительский дом.

И под всем нашим небом в стремленье одном
Не узнать матерей и отцов:
Их не радует больше родившийся сын,
Эту радость приносит им дочь.

Высоко вознесенный Лишаньский дворец
Упирался в небесную синь.
Неземные мелодии, с ветром умчась,
Достигали пределов страны.

Песни тихий напев, танца плавный полет,
Нить струны и свирели бамбук...
Целый день государь неотрывно глядел,
На нее наглядеться не мог...

Загремел барабана юйянского¹ гром
И принес колыханье земли.
Смолк изорван «Из радуги сотканный шелк,
Из сверкающих перьев убор»².

Девять врат во дворцы государя вели,
Дым и пыль их закрыли от глаз.
Это тысячи всадников и колесниц
Держат путь в юго-западный край.

Шевелятся драконы расшитых знамен³,—
И идут. И на месте стоят.
От столицы на запад они отошли
За сто ли. И недвижны опять.

Непреклонны войска. Но чего они ждут,
Что заставит в поход их пойти?
Брови-бабочки, символ ее красоты,
Наконец перед ними мертвы!

Наземь брошен цветной драгоценный убор.
Где же та, что вернет ему жизнь —
Перьев блеск изумрудный, и золото птиц,
И прозрачного гребня нефрит.

Рукавом заслонился тогда государь,—
Был бессилен от смерти спасти.
Обернулся, и хлынули слезы и кровь
Из его исстрадавшихся глаз.

* * *

Разнося над селеньями желтую пыль,
Вечный ветер свистит и шумит.
Там мосты и тропинки, кружа в облаках,
Ввысь ведут до вершины Цзяньгэ.

Под горою Эмэй там в долине пустой
Проходящих не видно людей.
Боевые знамена утратили блеск,
И тусклее там солнечный свет.

Край тот Шу — с бирюзовыми водами рек
И вершинами синими гор.
Мудрый наш властелин там в изгнанье ни днем
И ни ночью покоя не знал.

---

¹ Юйян — местность на территории нынешней провинции Хэбэй, одна из областей, подвластных мятежному полководцу Ань Лушаню.

² «Из радуги сотканный шелк, из сверкающих перьев убор» — название песни и танца.

³ Имеются в виду императорские знамена.

Был построен дворец. В нем он видел луны
Сердце болью тревожащий луч.
Сквозь ночные дожди он слышал бубенцов
Все внутри обрывающий звук.

С небесами земля совершила свой круг.
Возвращался Дракон-государь¹.
Подъезжая к Мавэю², поник головой
И невольно коня придержал.

Здесь, в Мавэе, под памятным этим холмом,
На сырой этой грязной земле
Как узнает он место, где яшмовый лик
Так напрасно похитила смерть?

Друг на друга властитель и свита глядят,
Их одежда промокла от слез,
И к столице, продолжив свой прерванный путь,
Тихо едут, доверясь коням.

Воротились в Чанъань. Вид озер и садов
Все такой же, как в прошлые дни,
И озерный фужун³, как всегда, на Тайи⁴,
Те же ивы в Вэйянском дворце.

Как лицо ее нежное белый фужун,
Листья ивы как брови ее.
Все как прежде при ней. Так достанет ли сил,
Видя это, рыдания сдержать?

Снова веснами персик и слива цветы
Раскрывали под ветром ночным.
Вновь осенний утун с опадавшей листвою
Расставался под долгим дождем.

Государевы южный и западный двор
Зарастили осенней травой.
Заносило листвою ступени дворцов,
И багрянца никто не сметал.

У певца, что прославили Грушевый сад⁵,
В волосах белый снег седины,
Для прислужниц, хранивших Цветочный чертог⁶,
Юных лет миновала весна.

¹ Дракон — одно из наименований императора.

² Мавэй — местность на территории нынешней провинции Шэньси, где разыгралась трагедия убийства Ян Гуй-фэй.

³ Фужун — разновидность лотоса.

⁴ Тайи — название озера.

⁵ Грушевый сад — школа актерского мастерства при дворе императора Сюань-цзуна.

⁶ Цветочный чертог — женская часть дворца.

К ночи в сумрачных залах огни светлячков
На него навевали печаль,
И уже сиротливый фонарь угасал,
Сон же все не смежал ему век.

Не спеша, не спеша отбивают часы —
Начинается длинная ночь.
Еле светится-светится в небе Река¹,
Наступает желанный рассвет.

Стынут ночью фигуры двойных черепиц.
Как приникший к ним иней тяжел!
Неуютен расшитый широкий покров.
Кто с властителем делит его?

Путь далек от усопших до мира живых.
Сколько лет, как в разлуке они,
И ни разу подруги погибшей душа
Не вошла в его тягостный сон.

* * *

Из Линьцюна даос, знаменитый мудрец,
Пребывавший в столице в тот век,
Чист был сердцем, и высшим искусством владел
Души мертвых в наш мир призывать.

Возбудил сострадание в нем государь
Неизбывной тоскою по ней,
И, приказ получив, приготовился он
Волшебством государю помочь.

Как хозяин пустот; пронизав облака,
Быстрой молнией он улетел.
Был и в высях небес и в глубинах земли,
И повсюду усердно искал.

В вышине он в лазурные дали проник,
Вглубь спустился до Желтых ключей²,
Но в просторах, что все распахнулись пред ним,
Так нигде и не видел ее.

Лишь узнал, что на море, в безбрежной дали,
Есть гора, где бессмертных приют.
Та гора не стоит, а висит в пустоте,
Над горою туман голубой.

Красоты небывалой сияют дворцы,
Облака расцветают вокруг,
А в чертогах прелестные девы живут,—
Молодых небожительниц сонм.

¹ Река — здесь Млечный Путь.

² Желтые ключи — ключи, бьющие под землей; могла.

Среди этих бессмертных есть дева одна,
Та, чье имя земное Тай-чжэнь¹,
Та, что снега белее и краше цветка,
Та, которую ищет даос.

Видя западный вход золотого дворца,
Он тихонько по яшме стучит
И, как в старых легендах, «велит Сяо-юй²
Доложить о себе Шуан-чэн³».

Услыхав эту весть, что из ханьской земли
Сыном неба к ней прислан гонец,
Скрыта пологом ярким, тотчас ото сна
Пробудилась в тревоге душа.

Отодвинув подушку и платье схватив,
Чуть помедлила... бросилась вдруг,
И завесы из жемчуга и серебра
Раскрывались послушно пред ней.

Уложить не успела волос облака
В краткий миг, что восстала от сна.
Сбилась наспех надетый роскошный убор.
В зал сошла, где даос ее ждет.

Ветер дует в бессмертных одежд рукава,
Всю ее овеивает легко,
Словно в танце «Из радуги сотканный шелк,
Из сверкающих перьев убор».

Одиноко-печален нефритовый лик.
Плачет горько потоками слез
Груши тонкая ветка в весеннем цветку,
Что стряхнула накопленный дождь.

Вся в волненье, велит государю сказать,
Как она благодарна ему:
«Ведь за время разлуки ни голос, ни взгляд
Не пронзали туманную даль».

В Осиянном чертоге, где жил государь,
Прервалась так внезапно любовь.
На священном Пэнлае в волшебном дворце
Долго тянутся длинные дни.

---

¹ Тай-чжэнь — одно из имен Ян Гуй-фэй.

² Сяо-юй — дочь Фуча, князя страны У эпохи Чуньцю (722—481 гг. до н. э.).

³ Шуан-чэн — служанка Сиванму, мифической царицы Запада.

А когда я смотрю на покинутый мной
Там, внизу, человеческий мир,
Я не вижу столицы, Чанъани моей,
Только вижу я пыль и туман.

Пусть же вещи, служившие мне на земле,
Скажут сами о силе любви.
Драгоценную шпильку и ларчик резной
Государю на память дарю.

Но от шпильки кусочек себе отломлю
И от ларчика крышку возьму».
И от шпильки кусочек взяла золотой,
В платье спрятала крышку она:

«Крепче золота, тверже камней дорогих
Пусть останутся наши сердца,
И тогда мы на небе иль в мире людском,
Будет день, повстречаемся вновь».

И, прощаясь, просила еще передать
Государю такие слова
(Содержалась в них клятва былая одна,
Два лишь сердца и знало о ней):

«В день седьмой это было, в седьмую луну,
Мы в чертог Долголетия пришли.
Мы в глубокую полночь стояли вдвоем,
И никто не слышал наших слов:

Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах
Птиц четой неразлучной летать.
Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле
Раздвоенною веткой расти!»

Много лет небесам, долговечна земля,
Но настанет последний их час.
Только эта печаль — бесконечная нить,
Никогда не прервется в веках¹.

---

¹ «Песнь о бесконечной тоске» дана в переводе Л. Эйдлиной.

ПОВЕСТЬ ОБ ИН-ИН

В годы «Чжэньюань» жил некий студент по фамилии Чжан. Это

был элегантный и красивый юноша с мягким характером и утонченной душой. Он отличался высокой нравственностью, строгим поведением и чуждался всего недостойного.

Иногда Чжан принимал участие в попойках друзей, но в то время, как другие шумели и буйно веселились, словно боясь упустить случай, Чжан только делал вид, что развлекается вместе со всеми, на самом же деле никогда не забывался. Так и получилось, что он достиг двадцати трех лет, а женщин еще совсем не знал. Друзья допытывались у него, в чем же причина. Чжан в свое оправдание говорил так:

— Вот, скажем, Дэн Ту-цзы ¹, он ведь не то чтобы по-настоящему любил женскую красоту, просто был развратным человеком! Я же искренне восхищаюсь женской красотой, но мне еще не случалось встретиться с такой, которая сумела бы покорить мое сердце. Как бы мне объяснить это? Попадись мне исключительная красавица, я бы мог от всего сердца увлечься ею. Как видите, я не бесчувственный.

И те, кто спрашивал его, удовлетворялись этим объяснением.

Как-то Чжан поехал в Пу ². Ли в десяти к востоку от этого города находился буддийский монастырь, носивший

¹ Дэн Ту-цзы — герой поэмы Сун Юя (IV в. до н. э.).

² Город Пу расположен в нынешней провинции Шэньси.

название Обители Всеобщего Спасения, и Чжан остановился там¹. Случилось так, что в это время некая вдова по фамилии Цуй, возвращаясь в Чанъань, проезжала через Пу и остановилась в том же монастыре. Госпожа Цуй происходила из рода Чжэн; мать Чжана тоже была из этого рода. Оказалось, что вдова Цуй приходится Чжану теткой по женской линии.

В том году в Пу умер полководец Хун Чжэнь. Его помощник, некий Дин Вэнь-я, плохо обращался с воинами. Воспользовавшись похоронами полководца как удобным моментом для мятежа, городской гарнизон поднял бунт. В городе начались грабежи.

Семья Цуй путешествовала в сопровождении большого количества слуг и везла с собой множество ценных вещей. Оказавшись проездом в чужом месте, путешественники дрожали от страха, не зная, к кому обратиться за помощью.

Еще до этого Чжан был в приятельских отношениях с друзьями командующего войсками в Пу. Чжан добился, чтобы его родственникам дали надежную охрану, и благодаря этому их никто не тронул.

Дней десять спустя в Пу прибыл Ду Цюэ, неподкупный уполномоченный императора, и привез императорский указ, предписывающий ему возглавить городской гарнизон. Ду Цюэ обнародовал приказ и быстро восстановил порядок.

Госпожа Цуй была бесконечно благодарна Чжану за оказанное благодеяние; она приготовила угощение, приняла юношу в среднем зале, как почетного гостя, и обратилась к нему со следующими словами:

— Я, ваша тетка, одинокая вдова, вопреки долгу супружеской верности пережившая своего мужа, осталась с малыми детьми на руках. К несчастью, мы попали в этот город в такое тревожное время и спаслись только благодаря вашей помощи; я, мой маленький сын и юная дочь остались живы только благодаря вам. Такую услугу нельзя сравнивать с обычным одолжением! Сейчас я позову моих детей, чтобы они засвидетельствовали свое уважение вам, их старшему брату и благодетелю, и хоть в какой-то мере поблагодарили вас за милость.

Она позвала сына Хуань-лина, милого, славного мальчика лет десяти. Затем крикнула дочери:

---

¹ В монастырях обычно имелись помещения для приезжих.

— Выйди и поклонись старшему брату: он спас тебе жизнь.

Прошло некоторое время, и только тогда Ин-ин, не выходя из-за перегородки, попросила извинить ее, ссылаясь на нездоровье. Мать сердито сказала:

— Твой старший брат Чжан спас тебя. Если бы не он, тебя бы похитили. Как ты можешь отказываться выйти к нему! Ты что, боишься людской молвы?

Немного погодя Ин-ин вышла, в скромном будничном платье, без всяких украшений, без румян на щеках. Волосы не были уложены в прическу, брови нахмурены. Лицо девушки было прекрасно, прелестный облик ее волновал сердце. Пораженный ее красотой, Чжан приветствовал ее. Так как Ин-ин вышла по принуждению, то, сев рядом с матерью, устремила вперед неподвижный взор и выглядела такой расстроенной, что, казалось, вот-вот упадет без чувств. Чжан спросил, сколько ей лет. Мать ответила:

— Она родилась в седьмом месяце пятого года правления нынешнего императора¹, так что сейчас ей семнадцать лет.

Чжан старался понемногу вовлечь Ин-ин в разговор, но девушка молчала. Так и кончилось это первое знакомство.

С этого времени Чжан, совершенно покоренный ее красотой, только и думал о том, как бы дать ей знать о своих чувствах, но не имел возможности сделать это.

Служанку семьи Цуй звали Хун-нян. Когда никого кругом не было, Чжан не раз здоровался с ней и наконец улучил случай излить ей свою печаль. Ошеломленная служанка от смущения лишилась дара речи и убежала. Чжан уже пожалел о том, что сделал. На следующий день служанка опять пришла. Чжан чувствовал себя неловко и, извинившись перед ней, больше уже не заговаривал о том, что волновало его. Но служанка сама сказала ему:

— Ваши слова, сударь, я не посмела передать барышне и не решусь повторить их никому другому. Но ведь ваше родство с семьей Цуй установлено совершенно точно. Так почему бы вам не воспользоваться этим обстоятельством и не посвататься?

Чжан горячо запротестовал:

— Нет, твой совет мне не подходит! С детства у меня не было стремления к сближению с женщинами; даже когда

---

¹ То есть в 784 г.

я находился в компании молодых кутил, и то никогда не заглядывался на красоток. Так было со мной до последнего времени, но тут с первой же встречи я не в состоянии владеть собой. А теперь я на полпути забываю, куда иду; сидя за столом, не мыслю о еде. Без нее я и дня не могу прожить! Если же устроить свадьбу через сваху, то обмен брачными подарками и именами¹ займет месяца три, а к тому времени я утоплюсь с тоски, и мои останки придется искать по лавкам, торгующим сушеной рыбой.

На это служанка ответила:

— Защитой барышне служат ее целомудрие и сдержанность; даже те, к кому она относится с почтением, не смеют оскорбить ее неподходящим словом. Едва ли она будет слушать советы простой служанки! Но она сочиняет прекрасные стихи и постоянно повторяет их нараспев, печально устремив вдаль скорбный, горящий взор. Попробуйте смутить ее покой чувствительными стихами. Другого выхода я не вижу.

Чжан воспрянул духом, тут же написал две весенние строфы² и отдал их Хун-нян.

В тот же вечер служанка снова пришла к Чжану и вручила ему изящный листок тонкой бумаги, сказав при этом:

— Барышня велела передать вам.

На листке были стихи под названием «Ясная луна ночью пятнадцатого числа»:

У флигеля ты
Ожидаешь восхода луны,

Чуть дверь приоткрыв,
Легкий ветер в покой проник,

Задвигались тени цветов
По глазури стены;

Ужели не видишь
Красавицы яшмовый лик?³

Чжану показалось, будто он понял, что этим хотела сказать Ин-ин. В тот вечер было четырнадцатое число второго

¹ Речь идет о формальностях, с которыми было связано заключение брачного союза в старом Китае: обмене подарками, письмами, в которых сообщались имена жениха и невесты, даты их рождения, и т. п.

² Весенние строфы — стихи на любовную тему.

³ Здесь и далее стихи в переводе И. Голубева.

месяца. К востоку от помещения, занимаемого семьей Цуй, росло абрикосовое дерево, по которому можно было забраться на стену.

И вот вечером пятнадцатого числа Чжан влез на дерево и перескочил через стену. Когда он подошел к западному флигелю, то оказалось, что дверь была приоткрыта. Хун-нян спала, и Чжан разбудил ее.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила служанка в испуге.

Тут Чжан обманул ее:

— Твоя барышня в письме приглашала меня. Пойди скажи ей, что я здесь.

Охваченный радостным возбуждением, Чжан надеялся на успех. Ин-ин действительно вышла. Она была строго одета, держалась с достоинством и дала юноше суровую отповедь:

— Нет слов,— благоденствие, оказанное старшим братом, огромно! Ведь вы спасли нашу семью! Поэтому моя добрая матушка и доверила вам своих детей и заставила нас выразить свою признательность лично. Зачем же вы прибегли к услугам бессовестной служанки и прислали мне непристойные стихи? Вы начали с того, что проявили благородство, защищая нашу семью от надругательства, а кончаете тем, что сами наносите мне оскорбление. Выходит, взамен надругательства вы предлагаете нам позор? Какая же между ними разница? По правде сказать, я хотела было скрыть посланные вами стихи, но прикрывать безнравственность грешно. Показать их матери значило бы причинить неприятность человеку, сделавшему нам добро. Я собиралась послать вам ответ через служанку, но побоялась, что она не сможет передать моих истинных мыслей. Хотела прибегнуть к короткому письму, но опять-таки побоялась, что вы неверно его истолкуете; поэтому я рискнула и написала эти нескладные стихи, чтобы заставить вас непременно прийти. Я стыжусь того, что мне пришлось переступить приличия, но единственно, чего я желаю, это — чтобы вы сдерживали себя и не выходили из границ положенного.

Сказав это, Ин-ин повернулась и ушла. Чжан долго стоял в растерянности. Наконец, совершенно убитый, он перелез через забор и вернулся к себе.

Прошло несколько дней. Как-то вечером Чжан в одиночестве спал на веранде: внезапно кто-то разбудил его. Вскочил в испуге, оказалось — Хун-нян. Держа подушку

одной рукой и перекинув сложенное одеяло через другую, она слегка коснулась плеча юноши и прошептала:

— Идет, идет! Чего же вы спите?!

Положила подушку рядом с подушкой Чжана, накинула одеяло поверх его одеяла и ушла. Чжан, протирая глаза, сел и принял приличную, строгую позу; долгое время ему казалось, что это сон, и все же он настороженно сидел и ждал.

Но вот пришла Ин-ин, поддерживаемая служанкой. Обаятельно застенчивая, обворожительно прекрасная, на вид такая истомленная, словно у нее не было сил двигаться, она ничем не походила на ту торжественно-строгую девицу, какой была в прошлый раз.

Это был вечер восемнадцатого числа. Косые лучи луны, сияющие, как хрусталь, освещали половину постели. Чжану, охваченному неопишым восторгом, казалось, что его посетила небесная фея, а не простая смертная. Вскоре ударил колокол в монастыре,— близился рассвет. Хун-нян торопила Ин-ин, и та, беззвучно рыдая, медленно пошла к выходу, так и не сказав за всю ночь ни слова. Служанка поддерживала ее под руки. Чжан поднялся. Стало светло, и он в сомнении спросил себя: «Не сон ли это?» Наступило утро, он заметил пудру у себя на плече; одежда его хранила аромат духов, на постели еще были видны следы ее слез.

Дней десять от нее не было никаких вестей. И вот однажды Чжан принялся сочинять стихи из тридцати строк на тему «Встреча с небесной феей». Не успел закончить, как вдруг пришла Хун-нян, и он вручил ей листок со стихами, чтобы она передала их Ин-ин. С этих пор Ин-ин стала встречаться с ним в своей комнате. Утром он тайком уходил от нее, вечером крадучись возвращался; почти целый месяц длилось их счастье в западном флигеле. Когда Чжан спрашивал, как относится к этому ее мать, Ин-ин отвечала:

— Мне все равно! Я уже не могу ничего поделать! — и старалась прекратить разговор на эту тему.

В скором времени Чжан собрался ехать в Чанъань; перед отъездом он предупредил об этом Ин-ин. Она выслушала его без всяких возражений, но печальный вид ее тронул бы любого человека. Обе ночи, предшествующие отъезду, Чжану не удавалось повидаться с ней; так он и уехал на запад, не простившись.

Прошло несколько месяцев. Чжан снова приехал в Пу и некоторое время жил в семье Цуй.

Ин-ин была превосходным каллиграфом и отлично владела литературным стилем. Однако всякий раз, когда Чжан пытался просить у нее образцы ее почерка и стиля, она наотрез отказывала. Он неоднократно пробовал своими стихами вызвать ее на ответ, но Ин-ин обращала очень мало внимания на его творчество. Она тем и отличалась от других, что, обладая выдающимися талантами, делала вид, что ничего не знает; будучи красноречива, редко вступала в разговор; питая глубокие чувства к Чжану, не давала им выражения в словах. Когда сильная тоска охватывала ее, она умела казаться безразличной, и выражение радости или гнева редко появлялось на ее лице.

Однажды ночью Ин-ин в одиночестве играла на лютне; мелодия была так печальна, что вызывала сердечную боль. Чжан подслушал и попросил продолжать, но она наотрез отказалась. Это еще больше усилило его страсть.

Вскоре Чжан снова должен был ехать на запад, так как близились государственные экзамены. Вечером, накануне отъезда, он не говорил больше о своем чувстве, лишь грустно вздыхал, сидя рядом с Ин-ин. Она же, зная, что близится разлука, кротко взглянула на него и мягко сказала:

— Обольстил, а потом покинул. Так оно и должно было случиться. Я не смею роптать! Но если вы, обольстивший меня, решите дело по совести, это будет поистине милостью с вашей стороны. Тогда мы сдержим нашу клятву о верности до гроба. Зачем же печалиться об этой поездке? Однако вы так расстроены, а мне нечем вас успокоить. Вы, бывало, говорили, что я хорошо играю на лютне, а я до сих пор стыдилась и не могла играть при вас. Но теперь вы уезжаете, и я исполню ваше желание.

Приказала вытереть лютню и тронула струны; вскоре в мелодию «Платье из радуги, одежда из перьев» проникли скорбные ноты, так что нельзя было узнать первоначального мотива. Все, до кого доносилась музыка, грустно вздыхали. Ин-ин прервала игру, порывисто бросила лютню,— слезы лились по ее щекам; убежала в комнату матери и больше уже не выходила.

На рассвете Чжан уехал.

В следующем году, потерпев неудачу на экзаменах, Чжан остался в столице; поэтому он послал Ин-ин письмо, где изложил все, что чувствовал. Ответ в моем неискusstvenном изложении был примерно такой:

«Я прочла Ваше письмо, полное глубокой любви ко мне. Мои чувства к Вам — это грусть, к которой примешивается радость. Вы были так внимательны, что вместе с письмом прислали мне в подарок коробку с искусственными цветами и губную помаду. Конечно, я благодарна Вам за большую любовь, но кто же есть еще, кроме Вас, для кого бы я стала украшать себя? Я гляжу на Ваши подарки, и меня охватывают воспоминания, и тоска моя растет. Теперь, когда нужно готовиться к экзаменам в столице, Вам необходимо оставаться там, чтобы добиться успеха. Конечно, я не стою Вас, но как тяжело вечно жить в одиночестве, вдали от любимого. Такова судьба, что же я еще могу сказать!

С прошлой осени я живу как в тумане, будто утратила что-то. Среди веселья и шума заставляю себя говорить и улыбаться, но ночью, когда остаюсь одна, непрестанно лью слезы. Даже ночные грезы мои полны слез. Иногда во сне мы становимся близки, как прежде, и печальные мысли о разлуке снова пугают душу, но видение прерывается, прежде чем кончается тайное свидание. Половина постели еще кажется теплой, но тот, о ком я думаю, по-прежнему далеко.

Как будто вчера мы расстались, а новый год уже пришел на смену старому. Чанъань — город удовольствий, где все влечет молодого человека. Какое счастье, что Вы не забыли меня, недостойную, и постоянно вспоминаете! За это я, ничтожная, никогда не сумею отблагодарить Вас. Клятву же нашу о вечной верности я никогда не нарушу! Прежде, благодаря родству, нам с Вами довелось повстречаться у моей матери. Служанка уговорила меня повидать Вас, и это привело к тайным свиданиям. Я не сумела сдержать своих чувств. Вы вели себя как тот, кто увлек девушку игрой на лютне¹; у меня же, презренной, не хватило сил бросить в Вас челнок². Став служанкой у Вашей цинновки и подушки, я была полна глубокой преданности. По своей наивности и простоте думала, что так будет всегда. В счастливый день, когда узнала Вас, я не смогла со-

---

¹ Намек на поэта Сыма Сян-жу (179—117 гг. до н. э.), который своей игрой на цине поразил воображение дочери богача, и она стала женой поэта, вопреки воле своего отца.

² Так поступила одна красавица древности: она бросила в лицо назойливому влюбленному челнок и выбила ему зубы.

владать с собою; дошла до такого позора, что отдала себя Вам и не смогу уже держать полотенце и гребень¹. До смерти я не перестану упрекать себя. Слова напрасны, остается лишь сдерживать рыдания!

Если Вы по доброте сердечной снизойдете и поступите так, как хотела бы я, одинокая и ничтожная, то и после смерти я буду благодарна Вам. Но даже если Вы, считающий себя выше мелких условностей, отвергнете мою любовь, погонитесь за большой удачей, пренебрегая тем малым, что у вас есть, прежнюю нашу близость сочтете позорной для себя, а наши клятвы — недостойными внимания, то и в этом случае, даже когда мои кости истлеют, чувство мое к вам не ослабнет и душа, несясь по ветру и бродя по росе, будет вечно верна вам. В жизни и после смерти моя любовь неизменна. Больше я ничего не могу сказать! Пишу Вам и плачу, не в силах излить свое чувство. Берегите себя! Умоляю Вас, берегите себя!

Яшмовое кольцо — игрушку своего детства — я посылаю Вам, чтобы Вы его носили. Будьте тверды и чисты, как яшма, пусть Ваши чувства будут цельны, как круг кольца. Еще я посылаю Вам моток спутанного шелка и мельницу для чая, сделанную из пятнистого бамбука². Эти вещи не стоят Вашего взгляда, но они выражают мои желания: чтобы Вы были неподдельны, как яшма, чтобы воля Ваша была нерушима, как кольцо. Следы моих слез — на этом бамбуке; смятение моих печальных мыслей — подобно спутанному шелку. Я посылаю эти вещи как символ моих чувств, которые навсегда останутся неизменными. Сердце мое с Вами, хотя телом я далека от Вас, и нет надежды на встречу. Если наши тайные мысли сосредоточатся на одном и том же, то и на расстоянии тысяч ли души наши смогут соединиться. Берегите себя! Весною ветер пронизывает насквозь, надо как следует есть, чтобы не простудиться! Будьте осторожны в своих речах и берегите себя; обо мне же не беспокойтесь».

Чжан показал письмо своим приятелям, так что многие из его современников узнали эту печальную историю. Друг

---

¹ То есть стать женой.

² Пятнистый бамбук растет в Хуннани и Гуанси. По преданию, на реке Сян жены легендарного императора Шуня (XXIII в. до н. э.) оплакивали смерть мужа, и следы их слез оставили пятна на прибрежном бамбуке.

его Янь Цзю-юань¹, одаренный поэт, написал на эту тему стихотворение «Барышня Цуй», гласившее:

Расцвела орхидея,
Когда не сошел еще снег,

Ты затмил, светлокий,
Пань-лана² своей красотой!

Лишь ручьи потекли,—
И все думы твои о весне.

И послание Сяо³
Тревожит весенней тоской...

Юань Чжэнь из Хэнани⁴ написал продолжение к поэме Чжана «Встреча с небесной феей». Стихи Юань Чжэня гласили:

Прозрачные лучи луны
В окно проникли через шторы;

Сверкающие светлячки
В лазурной темноте мелькают;

Как необъятна неба высь!
Бескрайни синие просторы!

Густую пышную листву
К земле деревья опускают...

Всю ночь в бамбуковом саду
Дракон играет на свирели,

И песня феникса Луань⁵
Звучит всю ночь в листве утуна.

Узорчатую ткань свою
Густой туман на землю стелет,

И, как подвески, зазвенев,
Внезапно легкий ветер дунул...

С пурпурным жезлом Сиванму
Гуляет в небесах ночами,

---

¹ Янь Цзю-юань — танский поэт, современник Юань Чжэня.

² Пань-лан (Пань Яо) — поэт IV в. н. э. Его имя стало символом юношеской красоты.

³ Сяо — имя, ставшее символом красивой девушки.

⁴ Хэнани — центральная провинция Китая.

⁵ Феникс Луань — священная птица в китайской мифологии.

Идет из гущи облаков
К ней отрок яшмовый с поклоном;

Чем глубже ночь, тем у людей
На сердце тягостней, печальней,

А утром моросящий дождь
Шумит уныло, монотонно...

* * *

На туфельках у ней горят
То жемчугом, то хрусталем узоры;

Искусно вышитый дракон
Цветов и даже солнца краше!

В накидках шелковых ее
Таятся радуги и зори,

И шпильки на ее кудрях —
Как птицы-фениксы из яшмы.

Сказала: «Ждут меня к утру
Дворца лазурного хоромы,

Из сада яшмовых цветов
Пурпурный жезл туда несу я».

...Я в город Ло не заходил,—
Единым помыслом влекомый,

Держал я путь навстречу ей
К востоку от поместья Сунов.

Земной напев моих стихов
Красавицу поверг в смущенье,

И все же теплые слова
Богини сердце пробудили;

Вот локон на плечо упал,—
Цикады тень пришла в движенье,

Ко мне приблизилась — и мир
Нефритовой покрылся пылью...

И вдруг взглянула на меня,—
Снежинки с неба ниспадали,—

Рукой подушку обвила
На пестрой шелковой постели —

И утка с селезнем¹ вдвоем
Счастливым танец танцевали.

Из клеток слышались всю ночь
Веселых зимородков трели...

* * *

Ты сводишь линии бровей,
От неги и смущенья млея;

Твои пунцовые уста
От нежной страсти словно тают,

И кожа влажная твоя
Нефрита ярче и белее;

И не цветами орхидей —
Тобою мир благоухает!

Бессильно падает рука —
От наслаждений ты устала,

Но, кажется, предела нет
Горячим чувствам и глубоким,

И пота капельки по лбу
Бегут, как жемчуга кристаллы,

И вьется на твоих висках
Прозрачный шелковистый локон.

Но вот уж близится конец
Счастливой мимолетной встречи;

До слуха моего дошли
Последней пятой стражи звуки.

Как жаль, что эта ночь прошла
Одним мгновеньем быстротечным!

Нам больше не продлить любви,
Хотя и труден час разлуки...

О как печален был твой лик,
Когда прощался я с тобою,

И клятва верности твоя
Благоухала нежной скорбью;

---

¹ Утка и селезень — символ супружеского счастья.

Дала кольцо мне, говоря:
«Так, видно, суждено судьбою,

Что мы останемся навек
Взаимной связаны любовью!»

Румяна смыв со щек твоих,
Слеза на зеркало упала;

В лампадке меркнул огонек,
Как мотылек во мгле мерцая,

И в ослепительных лучах
Заря на небе засверкала,

И солнце медленно взошло,
Начало утра возвещая...

* * *

Седлаю своего коня
И в город Ло спешу обратно;

Поднявшись на вершину Сун¹,
Играю долго на свирели;

Нет, не рассеялись еще
Духов небесных ароматы!

Свежи еще следы румян
На шелковой ее постели!

Как буйно разрослась трава!
Я тихо подхожу к плотине,

«Когда б увидеть мне Пынлай!» —
Я думаю, с тоской вздыхая;

О скорбном аисте напев
Играют там на звучном цине,

О возвращенье лебедей
Поют с надеждой волны Ханя.

* * *

...Увы — широк простор морей,
И неприступна зыбь морская,

Увы — бездонна неба высь,
Я пересечь ее не в силах;

---

¹ Гора Сун — самая высокая из пяти Великих гор Кита

Плывут по небу облака,
Ни сна, ни отдыха не зная;

С высокой башни Сяо-ши¹
Не сводит с них очей унылых...

Друзья Чжана, узнавшие об этой истории, не могли скрыть удивления, но Чжан все же решил порвать связь с Ин-ин. Юань Чжэнь, близко знакомый с Чжаном, спросил его о причине разрыва.

— Всегда было так, — ответил Чжан, — все, кого небо одарило особой красотой, приносили беду — не себе, так уж обязательно другим. Если Ин-ин встретится с каким-нибудь богачом и он полюбит ее за красоту, то она окажется или очаровательной любовницей, или страшным чудовищем; я даже не могу себе представить, во что она превратится.

Синь² при династии Инь и Ю³ при династии Чжоу были правителями большой империи, пользовались неограниченной властью. И ведь оба погибли от женщин, из-за которых народ поднялся против своих повелителей. Даже в наши дни правители эти являются объектом насмешек. Моих сил недостаточно, чтобы побороть чарующее наваждение, поэтому я и подавил свое чувство.

Присутствовавшие глубоко вздохнули.

Год с лишним спустя Ин-ин вышла замуж, Чжан тоже женился. Как-то он оказался по соседству с домом Ин-ин и попросил ее мужа передать ей, что двоюродный брат хочет повидать ее. Муж сказал ей об этом, но Ин-ин так и не вышла. Лицо Чжана выражало искреннее огорчение. Узнав об этом, Ин-ин тайно написала стихи, в которых говорилось:

Иссохла я
И подурнела,

На ложе
Грустная лежу,

До посторонних
Нет мне дела,

---

¹ Сяо-ши — музыкант древности, искусно игравший на свирели. По преданию, он вместе со своей женой улетел на небо.

² Синь (Синь-чжоу) — последний властитель династии Инь (Шан), правившей с 1766г. по 1122 г. до н. э.

³ Ю (Ю-ван) — последний правитель династии Западная Чжоу (1122—740 гг. до н. э.).

А вам открыть печаль
Стыжусь...

Так и не встретилась с ним.

Через несколько дней, когда Чжан собрался уезжать, она снова прислала ему стихи на прощанье:

На забвенья пенять
Толку нет никакого,

Ваши чувства ко мне
Все равно охлаждаются,

Дни недавней любви
Мне припомнились снова,

Но другая подруга
Сердцем вашим владеет...

С этих пор они уже не получали никаких вестей друг о друге.

Большинство современников Чжана хвалили его за то, что он сумел исправить свою ошибку.

Встречаясь с друзьями, я постоянно заводил разговор на эту тему для того, чтобы знавшие об этой печальной истории не вели себя так же, а поступающие подобным образом не упорствовали бы в своем заблуждении.

В девятой луне года «Чжэньюань» правитель Ли Гун-чуй¹ ночевал у меня в Цзиньаньли. В разговоре мы коснулись этой плачевной истории. Ли Гун-чуй считал ее необычной и в назидание потомкам написал «Песнь об Ин-ин».

---

¹ Ли Гун-чуй — танский поэт, друг Юань Чжэня.

ПОВЕСТЬ О ФАВОРИТКЕ МЭЙ

Фаворитка Мэй по фамилии Цзян родом была из Путяня. Отец ее, Чжун-сунь, был врачом, как и его предки. Когда Мэй минуло девять лет, она уже умела читать наизусть «Чжоунань» и «Шаонань»¹.

— Хоть я и девочка, но мечтаю всю жизнь заниматься науками,— сказала она отцу.

Удивляясь ее желанию, отец прозвал ее Цай-пинь в память об одной из героинь, воспетых в «Книге песен».

В середине годов правления «Кайюань», когда Гао Ли-ши был послан в районы Минь и Юе искать красавицу для императорского гарема, Мэй только что стала закалывать волосы на затылке². Увидев, как она молода и прекрасна, Гао Ли-ши выбрал ее и на обратном пути увез с собой, чтобы она служила Мин Хуану³; увидев красавицу, император удостоил ее своей любви. Сорок тысяч женщин, находившихся в трех дворцах Чанъани и в двух дворцах Восточной столицы, ничего не стоили по сравнению с Мэй, да и сами гаремные красавицы понимали, что не могут с ней равняться.

Мэй любила литературу и сравнивала себя с поэтессой Се. Она носила простые светлые одежды; внешность ее и

¹ «Чжоунань» и «Шаонань» (песни царств Чжоу, Шао и стран, лежащих к югу от них) — разделы из древней «Книги песен» (Шицзин).

² То есть ей исполнилось пятнадцать лет.

³ Мин Хуан — имя императора Сюань-цзуна.

манеры были настолько очаровательны, что описать их словами невозможно. Мэй любила цветы сливы, поэтому там, где она жила, посадили несколько сливовых деревьев, и император назвал это место «Сливым павильоном». Когда деревья расцветали, Мэй воспевала в стихах их красоту, до поздней ночи смотрела на свои любимые цветы и не могла оторвать от них своего взгляда. Император, которому это очень нравилось, в шутку прозвал ее «фаворитка Мэй»¹. Она сочинила семь поэм: «Орхидей», «Грушевый сад», «Цветы сливы», «Бамбуковая флейта», «Стеклянный бокал», «Ножницы» и «Цветное окно».

В то время мир надолго воцарился в стране, и на границах не было никаких беспорядков. Император ежедневно пировал со своими братьями; их связывала тесная дружба. На пирах Мэй всегда находилась рядом с императором. Как-то раз он приказал красавице угостить его братьев апельсинами. Когда она подошла к принцу Хань, тот исподтишка наступил ей на ногу. Мэй немедленно удалась к себе. Император приказал позвать ее, но она велела ответить:

— Я пришиваю к туфле оторванную жемчужину; пришью — тогда приду.

Прошло довольно много времени; император сам пошел за ней. Подобрал полы платья, Мэй поднялась навстречу императору и сказала, что она не может идти с ним, так как у нее болит грудь. Так и не вышла: вот как она была уверена в любви императора. В другой раз император и Мэй состязались в приготовлении чая, а братья наблюдали за ними. Император в шутку сказал братьям:

— Она — дух сливового дерева. Когда играет на флейте из белой яшмы и исполняет танец «Встревоженного лебедя», равных ей не найдешь. Вот видите, и теперь взяла надо мной верх!

— В этих забавах среди деревьев и цветов я случайно побеждаю вас, мой повелитель, но усмирить всех меж четырех морей², поддерживать постоянный порядок, издавать законы и управлять огромными владениями — может ли в этом победить вас такое ничтожество, как я? — немедленно возразила Мэй. Ответ ее привел в восторг императора.

---

¹ Мэй — слива.

² То есть в Китае.

Но вот при дворе появилась Тай-чжэнь из рода Ян. С каждым днем она все больше входила в милость императора, хотя он и не собирался отдалять от себя Мэй. Обе женщины ненавидели друг друга и всячески старались избегать встреч. Император ставил им в пример Ин и Хуан¹, но сплетники говорили, что это им не поможет, и потихоньку подсмеивались над соперницами.

Тай-чжэнь была ревнива, но очень умна, Мэй — мягка и уступчива, поэтому она и потерпела поражение. Кончилось тем, что Тай-чжэнь сослала ее в восточный дворец Шанъян. Однажды император вспомнил о Мэй; как-то ночью он велел молоденькому евноху потушить свечи и приказал специальному гонцу тайно привезти Мэй в западный дворец Императорского Знамени. Говоря о былой своей любви, император и Мэй не могли справиться с охватившей их печалью. В эту ночь они не сомкнули глаз. На рассвете испуганный слуга разбудил императора:

— Ян Тай-чжэнь прибыла во дворец, как быть?

Накинув на себя одежду, император отнес Мэй за двойные ширмы и спрятал ее там. Вошла Тай-чжэнь.

— Где эта чертовка Мэй? — спросила она.

— В восточном дворце, — ответил император.

— Прикажите ей явиться сюда, — сказала Тай-чжэнь, — я намерена сегодня купаться с ней в Теплых Источниках.

— Но ведь она уже отстранена моим повелением, и не к лицу тебе идти с ней вместе, — возразил император.

Тай-чжэнь стала настаивать, император отводил глаза в сторону и отмалчивался.

Тогда Тай-чжэнь в ярости закричала:

— Здесь еще остались закуски, а под вашей кроватью забыта кем-то женская туфля; кто это сегодня ночью прислуживал у вашей постели столь усердно, что вы, опьянев от наслаждения, отказались от утренней аудиенции? Государь, вы должны сейчас же выйти к своим сановникам, которые ждут ваших повелений, а я останусь здесь и подожду вашего возвращения.

Сильно смутившись, император натянул на себя одеяло и сказал:

— Я нездоров и никого принять не могу.

Вконец разгневанная, Тай-чжэнь вернулась в свой дво-

---

¹ Ин и Хуан — жены легендарного императора Шуня, жившие в дружбе и согласии.

рец. Император же немедленно осведомился, где Мэй. Оказалось, что молодой евнух проводил ее пешком обратно в восточный дворец. Разгневанный Мин Хуан приказал казнить его. Забытая Мэй туфелька и головные украшения по велению императора были доставлены ей вместе с другими подарками.

— Повелитель совсем покинул меня? — спросила Мэй у посланца.

Тот ответил:

— Император не покинул вас. По правде говоря, он боится навлечь на вас ярость Тай-чжэнь.

Мэй усмехнулась.

— А бояться любить меня из-за этой толстушки разве не то же самое, что покинуть?

Мэй подарила Гао Ли-ши тысячу золотых, чтобы он отыскал поэта, который смог бы, подражая Сыма Сян-жу, сочинить ей песнь «Там, где Длинные Ворота»¹, втайне надеясь привлечь этим императора к себе.

Гао Ли-ши, который служил Тай-чжэнь и боялся ее гнева, сказал в ответ:

— Никто не сумеет написать такую песню.

Тогда Мэй сама сочинила песнь «К востоку от башни», которая гласила:

«Покрылось пылью зеркало мое, в шкатулках ароматы все иссыкли; рукой небрежною расчесываю локон, простое платье легкое надев. Тоскливо, холодно в дворце лилейном, а мысль моя к тому дворцу несется, где орхидеи есть. Цвет сливы опадает, ведь это символ верности твоей; нас разлучили «Длинные Ворота», и встречаем нашим больше не бывать. А тут еще глядит цветок с досадой; как будто забавляется моей печалью ива, и теплый ветер мягко шестит; щебечут птицы радостно, весну встречая.

И в сумерках на башне я стою; услышав флейту, голову склоняю. Уж облака темнеют, день идет к закату; на чистую луну свой взор я устремляю.

Нет больше доступа к Источникам мне Теплым; воспоминанья лишь остались мне о том, как развлекалась преж-

---

¹ «Там, где Длинные Ворота» — поэма ханьского поэта Сыма Сян-жу (179—118 гг. до н. э.), написанная им по просьбе жены ханьского императора У-ди, которая, попав в немилость, была сослана во дворец «Длинные Ворота». В поэме описывается тоска одинокой женщины, долгие ночи, что тянутся словно годы в ожидании возвращения любимого.

де. «Ворота Длинные» наглухо заперты, забыта я навеки государем.

Еще я вспоминаю, как было прежде чисто озеро Тайи¹, когда по глади вод его я плавала, купаясь; как музыка и песни звучали на пирах, куда тебя всегда сопровождала. Теперь конец всему; и песни те, и дивные напевы — на лодке расписной, что предназначена лишь для бессмертных. Но были ведь любовь твоя и нежность и глубоки и постоянны, когда горами клялся ты и морем на веки вечные со мною быть, как солнце и луна, что отдыхать не знают.

Зачем ревнивица тебе попала в милость и, ревностью своей ослеплена, похитила любовь твою и верность, меня изгнала в дальний сей дворец? Я знаю, не видать уж радостей мне прежних. Мечты мои и грезы тьмой покрыты. Одна я коротаю и ночи лунные и ясные рассветы, стыдясь встречать весенний ветер. Хотела я, чтоб мне поэт такую создал оду, как некогда писал Сян-жу, но нет ему талантом в мире равных. Еще не кончил песнь тоски он, а эхо колоколом дальним прозвучало. Я понапрасну плачу и вздыхаю, лицо закрывши длинным рукавом, и медленной, усталою походкой иду обратно во дворец, что на восток от башни».

Услыхав об этом, Тай-чжэнь сказала императору:

— Это ничтожество из семьи Цзян в своих худосочных стишках говорит о своей обиде и разочаровании. Я бы хотела, чтобы вы ее казнили.

Император промолчал. Узнав, что едет посланец из Линбяо², Мэй спросила своих приближенных:

— Откуда прибыл посол, не посылали ли его за мною?

— Это едет посланец с данью из далеких стран, он везет плоды личжи для фаворитки Ян,— сказали ей в ответ.

Мэй заплакала от обиды.

Когда император принимал чужеземных послов во дворце Венчиков Цветов, он приказал запечатать в пакет одно ху³ жемчуга и потихоньку отвезти его Мэй. Но она не приняла подарка и, передав посланцу стихи, сказала:

— Вручите от меня государю.

Стихи гласили:

Я с давних пор уже не крашу
Бровей, подобных листьям ивы;

¹ Озеро Тайи расположено к востоку от города Чаньянь.

² Линбяо — южная провинция Китая, находившаяся на территории нынешних провинций Гуанси и Гуандун.

³ Ху — мера объема, более 51 литра.

Слезами, смешанными с пудрой,
Омыта красная парча;

Смотрю на Длинные Ворота,
Простоволоса, молчалива;

Возможно ль жемчугу развеять
Мою великую печаль?

Прочтя это, император сильно опечалился; он приказал музыкантам сочинить для этих стихов мелодию. Отсюда и ведет свое название песня «Одно ху жемчуга».

Впоследствии, когда восстал Ань Лу-шань, император отправился на запад, и Тай-чжэнь погибла. Вернувшись обратно, император долго разыскивал Мэй, но безуспешно. Опечалившись, он решил, что во время мятежа она бежала в другие места. Был издан специальный указ, обещавший тому, кто ее найдет, повышение в чине на два ранга и миллион медных монет. Но поиски ни к чему не привели. Тогда император приказал монахам-волшебникам подняться на воздух, лететь в обитель духов и найти ее там. Ее искали на небе и на земле; но найти не смогли.

Какой-то евнух поднес императору портрет Мэй. Император признал, что портрет очень похож, и написал на нем следующие стихи:

Вспоминаю былую твою красоту,—
Жаль, что ныне Пурпурный дворец одинок!

В облаках обитающей фес Тай-чжэнь
Не подобен ли был этот нежный цветок?

А теперь лишь припудренный инеем шелк
Мне напомнил твой облик и ласковый взгляд,

Что же делать, мой друг, если очи твои
Так, как прежде, уже на меня не глядят!

Прочтя вслух эти стихи, он заплакал и приказал выгравировать портрет на камне.

Как-то летом император заснул среди белого дня и вдруг увидел Мэй, которая, плача, стояла среди бамбуков, закрыв лицо руками; она была похожа на цветок, покрытый росой и окутанный туманом.

— Когда вы скрылись, государь,— сказала она,— меня убили мятежники. Люди из жалости похоронили мои останки у сливового дерева, к востоку от озера.

Испуганный император проснулся весь в поту. Он немедленно приказал раскопать землю у озера Тайи, но там ничего не нашли. Сильно опечаленный, император вдруг вспомнил, что у озера Теплых Источников растет больше десятка сливовых деревьев; не там ли она лежит? Император приказал подать колесницу и сам отправился туда. Между деревьями в чане со спиртом, зарытом в землю на глубину всего лишь три чи, нашли ее тело, завернутое в парчовый покров.

Император был совершенно убит горем; приближенные не могли поднять на него глаз; он стал искать рану на теле Мэй и увидел след меча под ребром.

Император сам сочинил эпитафию и похоронил Мэй со всеми почестями, полагающимися при погребении фаворитки.

Надгробное слово гласило:

«С тех пор как Мин Хуан уехал из Лучжоу, он славу приобрел великую повсюду; охотился в районах Ху и Ду. Дружил он смолоду с героями; с их помощью поднялся и трона он достиг; он царствовал лет пятьдесят; народ поддерживал и уважал его. Широко жил он и богато; имел он сотни сыновей и внуков и тысячи красавиц во дворцах. Уж к старости он встретил Ян Гуй-фэй; из-за нее он изменил трем великим основам жизни: ¹ покой смутил в стране, себя сгубил и трон свой обесславил; жалел об этом, только поздно было! Все потому, что ею покорен был, о ней одной мечтал. Еще до Ян, среди его подруг, любовью прежде пользовалась Цзян, чья красота внушила злобу Ян; об этом государь, казалось, мог бы знать. На языке у всех лишь было, что поступил он против воли неба, что изменил заветам предков царских, и виноватыми считали фаворитку и самого его. Никто не знал тогда, что Мин Хуан на старости жестоким станет, что в день один трех сыновей своих убьет, как будто муравьев ногой раздавит. Бежал, скрывался он, потом вернулся, власть сыну передал, сам разума лишился, всех убивал, один лишь жить хотел; он одинокое влачил существованье, и весь народ его скорбел об этом. И в Толкованиях к канону мудреца ведь сказано:

---

¹ Три великие основы жизни — государь, отец и муж. Здесь имеется в виду, что император изменил своему долгу как государь, как отец (отняв наложницу у своего сына) и как муж.

«Участь тех, кого не любишь, постигнет тех, кого ты любишь», — вот так карает небо!

Закон возмездия нерушим. Неужели только эти две особы виновны в том, что с ним случилось?»

Когда к власти пришла династия Хань¹, в особом почете была книга «Чуньцю», и все конфуцианцы превозносили толкования² к этой книге, составленные Гун и Гу, а толкование Цзо Цю-мина было забыто и лишь впоследствии вновь получило признание. Со времен глубокой древности было очень много таких, кто распространял древние учения. А ныне нарисуют красавицу с веткой сливы в руках, назовут ее фавориткой Мэй, скажут в двух словах, что была она современницей Мин Хуана, и никого не интересуют подробности ее жизни. Мин Хуан утратил престол, и виновницей этого считают одну Ян Гуй-фэй, вот почему так любят о ней писать. Но ведь и Мэй своей красотой пленила государя, а между тем судьбы их схожи не более, чем ясный день и темная ночь. Где же тут справедливость!

---

¹ Хань — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

² Толкования к «Чуньцю», составленные учеными Гун Яном и Гу Ляном, — комментарии на летопись «Чуньцю», историческую хронику, приписываемую Конфуцию.

ИСТОРИЯ У-ШУАН

Ван Сянь-кэ был племянником савновника Лю Чжэня, служившего в годы правления «Цзяньчжун»¹. Когда отец Ван Сянь-кэ умер, мальчик вместе с матерью вернулся в ее семью.

У Лю Чжэня была дочь по имени У-шуан; она была моложе Ван Сянь-кэ на несколько лет. Оба были еще детьми, играли вместе и очень сдружились. Жена Лю Чжэня часто в шутку называла Сянь-кэ «женихом». Так прошло несколько лет, и все это время Лю Чжэнь заботливо поддерживал свою овдовевшую сестру и воспитывал ее сына Сянь-кэ.

Как-то сестра Лю Чжэня, госпожа Ван, заболела. Когда ей стало хуже, она позвала к себе брата.

— У меня единственный сын, — сказала она, — вполне понятно, что я забочусь о нем. Ах, если бы мне увидеть его женатым! У-шуан скромна, хороша собой, умна и рассудительна. Когда вырастет, не отдавай ее замуж в чужую семью. Я прошу тебя, выдай ее за Сянь-кэ. Дай мне свое искреннее согласие, и я закрою глаза без всяких огорчений.

— Сестра, ты должна спокойно лежать и поправляться, не тревожь себя излишними заботами, — отговорился Лю Чжэнь.

Но сестра его так и не поправилась.

Ван Сянь-кэ отвез останки матери на родину в Сяндэн² и похоронил ее там.

¹ «Цзяньчжун» — название первых лет правления танского императора Дэ-цзуна (780—783).

² С я н д э н — город в нынешней провинции Хубэй.

Когда кончился срок траура, он сказал себе:

— Теперь, когда я остался сиротой, мне нужно жениться, чтобы дать продолжение своему роду. У-шуан уже взрослая. Неужели дядя нарушит прежнее обещание только потому, что он знатный сановник?

Недолго думая Сянь-кэ собрался и поехал в столицу.

К тому времени Лю Чжэнь был уже главным начальником податного управления, ведал налогами и пошлинами. Роскошный дом его всегда был полон знатных гостей.

По приезде Ван Сянь-кэ засвидетельствовал дяде свое почтение, и его сразу же посадили за учење вместе с сыновьями Лю Чжэня. Отношения дяди и племянника остались теми же, что и до разлуки, но о браке речь не заходила.

Как-то Ван Сянь-кэ подглядывал за У-шуан в оконную щель.

Прелестная, изящная, она была похожа на бессмертную фею. Сянь-кэ совсем обезумел от любви. Опасаясь, как бы дело со сватовством не расстроилось, он продал свое имущество и выручил за него несколько миллионов медных монет. Щедро одаривая слуг дяди и тетки, он добился их полного доверия и дружбы. Двоюродные братья также глубоко уважали юношу и во всем угождали ему.

В день рождения тетки Сянь-кэ поднес ей диковинные безделушки и головные украшения из яшмы и бивней носорога. Тетка была в восхищении.

Дней через десять Сянь-кэ послал одну старуху поговорить с теткой о его брачных намерениях.

— Я этого тоже хочу,— ответила тетка,— надо будет обсудить все.

Несколько дней спустя служанка сказала Сянь-кэ:

— Госпожа только что говорила с хозяином о вашей женитьбе, а он ответил: «Я ему ничего раньше не обещал». Раз он так говорит, пожалуй, выйдет иначе, чем вы предполагали.

Услышав это, Сянь-кэ пришел в отчаяние и до утра не мог сомкнуть глаз. Он боялся, что дядя прогонит его. С этой поры юноша уже не осмеливался быть небрежным в своих занятиях.

Как-то раз Лю Чжэнь с ночи отправился ко двору, чтобы попасть на утренний прием, но едва взошло солнце, как он примчался обратно. Весь в поту, задыхаясь, он только и смог проговорить:

— Закройте главные ворота! Закройте главные ворота!

Все испугались, не понимая, в чем дело. Немало времени прошло, пока Лю Чжэнь смог наконец объяснить:

— Цзинъюаньские войска восстали. Яо Линь-янь¹ ввел свои войска во дворец Ханъюань. Император бежал через Северные ворота дворцового парка, чиновники в панике. Беспokoясь о жене и дочери, я поспешил домой, чтобы принять необходимые меры. Сянь-кэ, помоги мне в устройстве семейных дел, тогда я отдам У-шуан за тебя.

Услышав это, Сянь-кэ пришел в восторг и бросился благодарить дядю. Приказав упаковать двадцать тюков золота, серебра, парчи и шелка, Лю Чжэнь сказал племяннику:

— Переоденься и вывези эти вещи из Кайюаньских ворот; разыщи какую-нибудь тихую, уединенную гостиницу и найми там помещение, а я с твоей теткой и У-шуан выберусь из ворот Цися и, объехав городскую стену, присоединюсь к тебе.

Ван Сянь-кэ поступил так, как ему было приказано.

Солнце уже село. Он долго ждал дядю с семьей в гостинице, за городом, но никто из них не появлялся.

После полудня ворота закрыли наглухо, а Ван Сянь-кэ все поглядывал на юг, откуда из-за городской стены должен был появиться дядя. Когда стемнело, Ван Сянь-кэ вскочил на коня и с факелом в руке объехал городскую стену до ворот Цися; они тоже оказались на запоре. Множество стражников с белыми жезлами в руках стояли и сидели у ворот.

Ван Сянь-кэ спешился и, приняв равнодушный вид, стал не спеша расспрашивать, почему заперты городские ворота и не выезжал ли кто сегодня через них.

Привратники рассказали ему, что Сыном Неба уже стал правитель области Чжу;² что после полудня какой-то человек с большим багажом в сопровождении четырех женщин хотел было выехать из этих ворот, но прохожие узнали его и заявили, что это начальник по налогам и пошлинам Лю Чжэнь. Начальник охраны не решился выпустить его. А к вечеру за ним примчались всадники, но он скрылся от них на север.

¹ Яо Линь-янь — губернатор уезда Цзинъюань в провинции Ганьсу, поднявший мятеж в 783 г.

² Чжу — область в нынешней провинции Ганьсу.

Заплакав от горя, Ван Сянь-кэ вернулся в гостиницу. Когда третья стража близилась к концу, неожиданно открылись городские ворота и от факелов стало светло, как днем. Из городских ворот выбежали воины в полном вооружении, с обнаженными клинками в руках. Они кричали, что им дано право разыскивать и без суда убивать сбежавших за город сановников.

Побросав вещи в экипаж, Сянь-кэ, охваченный страхом, отправился в родной Сяндэн. Там он прожил три года. Когда восстание было подавлено и в стране вновь установился порядок, Ван Сянь-кэ поехал в столицу разыскивать дядю.

На улице Синьчан Сянь-кэ остановил лошадь и в нерешительности стал осматриваться. Вдруг к нему подъехал какой-то всадник и вежливо приветствовал его. Внимательно взглядевшись, Сянь-кэ узнал Сай Хуна, старого слугу своего дяди. Прежде Сай Хун служил в семье Ван Сянь-кэ, но дядя часто пользовался его услугами и в конце концов оставил его у себя. Взявшись за руки, оба горько заплакали.

— Живы ли почтенные дядя и тетя? — спросил Сянь-кэ.

— Они живут на улице Синхуа.

Вне себя от радости, юноша воскликнул:

— Сейчас же едем к ним!

— Я женился на бывшей певице, — сказал Сай Хун, — у нее есть маленький домик, и мы живем продажей разризованного шелка. Сейчас уже почти ночь. Заночуйте-ка, господин, у нас, а завтра утром навестите родных.

Сай Хун привел Сянь-кэ к себе домой, поставил перед ним богатое угощение. Когда совсем стемнело, он сказал Сянь-кэ.

— Ваш дядя Лю Чжэнь перешел на службу к мятежникам, и за это он и его супруга были казнены императором. У-шуан забрали в императорский гарем.

Жалобные крики и рыдания Сянь-кэ растрогали даже соседей.

— Китай так велик, а у меня во всей Поднебесной нет ни одного родственника. Не знаю, где мне приклонить голову, — сказал он, немного придя в себя, и спросил: — Кто же еще из старых слуг остался жив?

— Только Цай-пинь, служанка У-шуан, — ответил Сай Хун, — сейчас она в доме воеводы Ван Суй-чжуна, что служит в личной охране императора.

— У-шуан повидать, конечно, невозможно,— сказал Сянь-кэ,— но если я увидел хотя бы Цай-пинь, то умер бы спокойно.

Ван Сянь-кэ отправился к Ван Суй-чжуну и попросил его принять солидный выкуп за служанку Цай-пинь. Он рассказал все, что произошло с его дядей, и выразил желание исполнить последний долг племянника перед покойным.

Ван Суй-чжун оказался очень отзывчивым. Он был расстроган рассказом Ван Сянь-кэ и согласился исполнить его просьбу.

Сянь-кэ нанял дом и поселился в нем вместе с Сай Хуном и Цай-пинь.

Сай Хун часто говорил ему:

— Вы уже взрослый человек, надо вам искать службу. Зачем же проводить время в горести и скорби?

Согласившись с ним, Сянь-кэ снова обратился за помощью к Ван Суй-чжуну; тот рекомендовал его правителю столичного округа Ли Ци-юню. Благодаря происхождению и рангу Сянь-кэ Ли Ци-юнь назначил его начальником Фупина¹ и смотрителем почтовой станции в Чанлэ.

Месяц спустя пришло известие о том, что дворцовые гонцы везут тридцать женщин из императорского гарема в императорский мавзолей для подготовки к обряду «обметания могил»². Когда девять крытых войлоком экипажей прибыли на станцию Чанлэ и женщины стали выходить из них, чтобы заночевать здесь, Ван Сянь-кэ сказал Сай Хуну:

— Я слышал, что почти все наложницы императора, которых выбрали для этой поездки,— родом из знатных семей. Может случиться, что и У-шуан здесь. Нельзя ли узнать об этом?

— У императора несколько тысяч наложниц,— возразил Сай Хун,— разве можно среди них найти У-шуан?

— Все-таки пойдя,— настаивал Сянь-кэ.

Он приказал Сай Хуну надеть форму станционного слуги и кипятить чай перед занавесом; дал ему три тысячи медных монет и сказал:

— Занимайся чаем и ни на минуту не оставляй этого дела. Но если что-нибудь вдруг заметишь, немедленно беги сообщить мне.

¹ Фупин — уезд в нынешней провинции Шэньси.

² Обряд «обметания могил» совершается три раза в год; каждый раз родные покойного приводят могилу в порядок и приносят ему жертвы.

Сай Хун согласился и ушел. Женщины находились за занавесом, и увидеть их было невозможно, только слышна была их болтовня. Поздней ночью все стихло; люди улеглись спать. Сай Хун вымыл посуду, задул огонь, но не смел ложиться. Внезапно из-за занавеса послышался голос, прерываемый рыданиями.

— Сай Хун, как ты узнал, что я здесь? Здоров ли молодой господин?

— Он начальник этой станции,— ответил Сай Хун.— Догадываясь, что вы можете оказаться сегодня здесь, он приказал мне приветствовать вас.

— Я не могу долго разговаривать с тобой,— сказала У-шуан,— завтра после моего отъезда у дверей северо-восточной комнаты, под красной подушкой, ты найдешь письмо для твоего господина.

Сказав это, У-шуан отошла. За занавесом раздались шум и возгласы:

— Ей дурно!

Дворцовый курьер побежал за лекарством. Оказалось, что У-шуан упала без чувств.

Сай Хун поспешил сообщить обо всем Сянь-кэ; тот в тревоге спросил:

— Как бы мне хоть разок взглянуть на нее?

— Сейчас чинят мост через реку Вэй,— ответил Сай Хун.— Когда экипажи поедут через мост, вы под видом надсмотрщика можете стать поближе. Если У-шуан узнает вас, она, наверно, раздвинет занавески экипажа и выглянет.

Ван Сянь-кэ последовал его совету. Когда третий экипаж поравнялся с ним, занавески его действительно были отдернуты, и, заглянув вовнутрь, Сянь-кэ, увидел, что там сидела У-шуан.

Охваченный тоской и любовью, Ван Сянь-кэ не мог справиться со своим волнением.

Сай Хун нашел письмо У-шуан под красной подушкой у дверей. Пять изящных листков тончайшей бумаги рассказали о ее печальной судьбе,— читая письмо, Сянь-кэ рыдал от жалости. Она прощалась с ним навсегда. В конце письма была приписка: «Я часто видела указы, в которых упоминался военачальник Гу, родом из Фупина, человек находчивый и смелый. Не могли бы Вы обратиться к нему?»

Ван Сянь-кэ тотчас же подал прошение об освобождении от обязанностей начальника станции и вернулся к своей должности начальника уезда Фупин. Там он разыскал

военачальника Гу, который жил в своем поместье, и познакомился с ним. Все, чего бы Гу ни захотел, Сянь-кэ подносил ему: парчу, шелка, драгоценности, яшму; но в течение года ни разу не заговаривал о цели своих посещений.

Отслужив положенный срок, Сянь-кэ поселился в уезде.

Однажды Гу пришел к нему и сказал:

— Я простой старый солдат, на что я гожусь? Вы делали все для меня. Я понимаю, что у вас есть ко мне какое-то дело и, тронутый вашей преданностью, готов растереть себя в порошок ради вас.

Сянь-кэ со слезами поклонился Гу и рассказал ему все.

Подняв глаза к небу, старик похлопал себя по голове и сказал:

— Это нелегкое дело. Но все-таки попробую помочь, хоть это займет и не один день.

Ван Сянь-кэ поклонился ему:

— Разве я посмею ограничивать вас сроком? Только бы увидеть ее!

Полгода прошло без всяких известий. Как-то раз постучали в дверь,— пришло письмо от Гу. «Вернулся посланец с горы Мао¹,— говорилось в нем.— Приезжайте скорей!»

Ван Сянь-кэ вскочил на лошадь и мигом примчался к Гу. Тот не говорил ни слова. Когда Сянь-кэ спросил о посланце, Гу мимоходом бросил:

— Убит,— и тут же предложил: — Выпейте еще чаю.

— Есть ли у вас в доме какая-нибудь женщина, знакомая с У-шуан? — спросил он затем.

Ван Сянь-кэ назвал Цай-пинь и вскоре привел ее.

Пристально посмотрев на служанку, Гу улыбнулся.

— Оставьте ее здесь дня на четыре,— весело сказал он.— А вы, господин, возвращайтесь домой.

Через несколько дней внезапно пронесся слух: «Особа высокого происхождения будет похоронена в императорском мавзолее».

Сильно встревожившись, Сянь-кэ приказал Сай Хуну выяснить, кто умер; оказалось: У-шуан.

Ван Сянь-кэ вне себя закричал:

— Я надеялся на Гу. Теперь она мертва! Что же он сможет сделать?

Он плакал, стонал; ничто не могло его утешить.

---

¹ Гора Мао находится в нынешней провинции Цзянсу. По древним поверьям, на этой горе жили даосские маги, владевшие секретом бессмертия.

Поздно вечером он услышал настойчивый стук в дверь. Открыл,— оказалось, что пришел Гу с трупом, завернутым в циновку.

— Это У-шуан,— сказал он Сянь-кэ,— сегодня она умерла, но под сердцем еще тепло. Завтра она оживет, дайте ей лекарство и храните все втайне.

Сянь-кэ внес У-шуан в комнату и всю ночь сидел рядом с ней. На рассвете тело ее стало теплеть, затем появилось дыхание. Увидев Сянь-кэ, У-шуан зарыдала и упала в обморок. Весь день он приводил ее в сознание, наконец к ночи она пришла в себя.

Явился Гу и сказал:

— Отпустите со мной вашего Сай Хуна, чтобы вырыть яму за домом.

Когда была вырыта глубокая яма, Гу отрубил мечом голову слуги и бросил ее в яму. Сянь-кэ пришел в ужас, но Гу сказал ему:

— Не пугайтесь. Сегодня я отблагодарю вас за ваши милости. Я слышал, что даосы на горе Мао обладают чудесным лекарством; тот, кто примет его, немедленно умрет, но через три дня оживет. Я послал человека за этим лекарством и получил одну пилюлю. Вчера я приказал Цай-пинь переодеться дворцовым курьером и поднести эту пилюлю У-шуан, чтобы она покончила с собой как участница мятежа. После этого я пришел в помещение, где лежало тело умершей и, выдав себя за родственника, выкупил труп У-шуан за триста свитков шелка. Всю дорогу сюда я щедро одаривал всех, чтобы пресечь распространение слухов, могущих раскрыть вашу тайну. Гонца, ездившего на гору Мао, и носильщиков я убил на пустыре за городом. Самого себя я тоже прикончу ради вас, сударь. Вам же здесь оставаться нельзя. За воротами вас ждут десять носильщиков, при них пять лошадей и двести тюков шелка. В пятую стражу возьмите У-шуан и уезжайте. Перемените свою фамилию, имя и скройтесь, чтобы избежать беды.

Сказав это, Гу выхватил меч. Сянь-кэ бросился к нему, но голова Гу уже покатила по земле. Сянь-кэ зарыл труп в ту же яму, где лежало тело Сай Хуна.

Еще не рассвело, как Сянь-кэ уехал вместе с У-шуан. Миновав ущелья провинции Сычуань, они добрались до Чжугуна и поселились там.

Убедившись, что в столичном округе эта история предана забвению, Сянь-кэ решил вернуться в Сяндэн и за-

няться там каким-нибудь ремеслом. Он прожил с У-шуан до глубокой старости и имел много сыновей и дочерей.

Да! В человеческой жизни много бывает встреч после разлуки, но такие, как эта, редки! Можно сказать, что подобное не повторялось ни в древности, ни в наши дни.

Во время мятежа У-шуан потеряла родителей, знатность — словом, все; тем не менее Ван Сянь-кэ питал к ней такую сильную любовь, что даже смерть не смогла отнять ее у него.

Наконец он встретился с Гу, который чудом помог ему осуществить заветное желание, хотя из-за этого без вины погибли более десяти человек. После долгих невзгод, скрываясь от властей, Ван Сянь-кэ и У-шуан все же пробрались на родину и прожили там пятьдесят лет вместе как муж и жена. Ну, не удивительно ли все это?

ИСТОРИЯ ХУН СЯНЬ

Хун Сянь была служанкой лучжоуского губернатора Се Суна.

Прекрасная музыкантша, воспитанная на классических канонах и династийных историях, она выполняла многие поручения Се Суна, который называл ее своей правой рукой.

Как-то раз во время пира, на который губернатор пригласил военных сановников, Хун Сянь сказала своему хозяину:

— Барабан из бараньей кожи звучит очень скорбно. Не иначе, как у барабанщика какая-то беда.

— Ты права,— ответил Се Сун, который тоже разбирался в музыкальной гармонии; он призвал к себе барабанщика и спросил его, что с ним случилось.

— Моя жена умерла вчера ночью,— ответил тот,— но я не решался просить у вас отпуска.

Се Сун отпустил барабанщика домой.

Годы «Чжидэ»¹ прошли, но мир в стране еще не наступил. Се Суна послали оборонять город Фуян, а потом был восстановлен порядок и в провинции Шаньдун. Убитых и раненых было очень много, и Се Суну пришлось заново формировать войско.

В это время был получен императорский указ, предписывавший Се Суну выдать дочь за сына Тянь Чэн-сы — военного губернатора области Вэйбо, а своего сына женить на дочери Лин Ху-чжана, губернатора Куачжоу: ведь если

¹ Годы «Чжидэ» (756—758) — период восстания Ань Лушаня.

губернаторов этих областей свяжут узы родства, то и население будет жить в мире.

Но Тянь Чэн-сы мучился от жары — лето выдалось особенно знойное — и постоянно твердил:

— Вот если бы меня назначили на место Се Суна в Шаньдун! Там гораздо прохладнее, это сохранило бы мне жизнь по крайней мере на несколько лет.

Решив напасть на Се Суна, Тянь Чэн-сы отобрал из новобранцев три тысячи молодых один к одному и стал готовить их, часто устраивал смотры передовому отряду в триста человек.

С помощью гадателей выбрав благоприятный день, Тянь Чэн-сы выступил в поход.

Узнав об этом, Се Сун пришел в сильное волнение. Дни и ночи сидел он, разговаривая сам с собой, но не мог придумать, что делать.

Как-то ночью, когда ворота уже были заперты и Се Сун остался наедине с Хун Сянь, она сказала:

— Почти целый месяц, как вы не едите, не спите. Не связано ли то, что вас тревожит, с соседним районом?

— Что бы это ни было, тебе этого не понять, — сказал Се Сун.

— Хоть я и ничтожество, — возразила Хун Сянь, — но догадываюсь, что вас заботит.

Се Сун рассказал ей все, а потом добавил:

— Я наследовал должность от отца и деда, император постоянно осыпал меня милостями, и если я потерплю поражение, то в один день втопчу в грязь честь нашего имени, не запятнанного в течение сотен лет.

— Помочь вам совсем нетрудно! — воскликнула Хун Сянь. — Стоит ли из-за этого волноваться! Прошу вас, разрешите мне побывать в Вэйбо и самой посмотреть, как там обстоят дела: я узнаю, в чем их сила и в чем слабость. Если отправлюсь туда этой ночью, в начале первой стражи, то вернусь уже в конце третьей. Велите только приготовить коня, напишите Тянь Чэн-сы какое-нибудь письмо и ждите моего возвращения.

— Я и не знал, что ты такое необычайное создание! — удивился Се Сун. — Как же я был слеп! Но если ты не справишься с этим делом, а, наоборот, еще навлечешь на нас беду, — что тогда?

— Не было еще такого дела, с которым бы я не справилась, — успокоила его Хун Сянь.

Удалившись в свою комнату, она переделалась. Изменила прическу, заколола ее драгоценными шпильками, облачилась в лиловое вышитое платье и черные туфли. На грудь повесила кинжал с изображением дракона, а на лбу начертала имя духа Тай И¹. Поклонившись своему хозяину, Хун Сянь исчезла.

Вернувшись к себе, Се Сун запер двери, сел спиной к свету и стал ждать. Обычно он пил вина не больше нескольких гэ², но в эту ночь осушил более десяти кубков и при этом совсем не захмелел.

Внезапно Се Сун вздрогнул: пробила третья стража; тронутая ветром, зашелестела листва. Се Сун вышел посмотреть,— вернулась Хун Сянь.

— Все благополучно? — спросил обрадованный Се Сун.

— Я бы не посмела не оправдать вашего доверия,— ответила Хун Сянь.

— Никого не ранила, не убила?

— До этого не дошло. Я только взяла золотую шкатулку из-под его изголовья в доказательство того, что была там... Перед началом третьей стражи я уже была в Вэйбо. Пройдя через несколько ворот, я очутилась у спальни губернатора. Охрана спала на посту, и храп стражей звучал раскатами грома. По галереям прохаживались воины, перекликаясь друг с другом. Никем не замеченная, я вошла в спальню и откинула полог. На кровати лежал Тянь Чэн-сы, разметавшись в хмельном сне. Голова спящего была повязана желтым платком. Из-под изголовья, сделанного из рога носорога, выглядывал меч; рядом лежала благоухающая золотая шкатулка, на которой были написаны год рождения губернатора и имя духа Северной Медведицы.

Задернув полог, я посмотрела в щелочку на спящего. Он сладко спал, не чувствуя, что жизнь его в моих руках.

В это время догорающая свеча ярко вспыхнула перед тем, как погаснуть: в курильницах уже почти иссякли благовония. Находившихся в комнате слуг и служанок сморил сон: одни храпели, склонив голову на ширму, другие сладко спали с опахалом в руках. У одной я поправила шпильку, у другой — серьгу, на третьей одернула платье,— никто

---

¹ Тай И — дух Северного полюса, которому приносили жертвы перед отправлением в поход.

² Гэ — мера объема, равная примерно 0,1 литра.

даже не пошевелился. Тогда я взяла золотую шкатулку и ушла.

Выехав из западных ворот города, я отправилась в путь. Мне предстояло проехать двести ли. Я миновала Тунтай и покатила по восточному берегу реки Чжаншуй; потянуло утренней свежестью, луна скрылась за деревьями; я так спешила, что обо всем забыла. Чувствовала только, что должна отблагодарить вас за все добро, которое вы мне сделали, и помочь вам, чем только могу. Поэтому за какие-нибудь три часа я проделала путь в семьсот ли, пересекла пять или шесть городов и проникла во вражеский стан. Надеюсь, что мне удалось развеять вашу тревогу, только ради этого я и решила так подробно рассказать вам все.

Се Сун послал Тянь Чэн-сы письмо, в котором говорилось следующее: «Вчера прибыл гость из Вэй, сообщивший, что взял у вас из-под головы золотую шкатулку. Не решаясь оставить ее у себя, возвращаю ее вам».

Посланец Се Суна, скакавший на лучшем коне, прибыл в Вэйбо только в полночь. Увидев золотую шкатулку, все пришли в смятение. Тотчас же посланца пригласили войти. Тянь Чэн-сы сам вышел к нему и принял от него шкатулку. Он был очень испуган.

Задержав у себя посланца, Тянь Чэн-сы устроил в его честь пир и щедро наградил его, а на следующий день послал Се Суну богатые подарки: двести лучших коней, тридцать тысяч свитков шелка и прочие ценные вещи, а на словах велел передать следующее:

«Моя жизнь зависит от вас. Я понял свою ошибку и исправлю ее, больше никогда не повторю ничего подобного. Я послушаюсь приказания и дам свое согласие на брак. Готов служить вам, и если вы придете к нам, то буду как слуга бежать впереди вашего коня. Войско мое было сформировано для борьбы с разбойниками, никаких других планов и целей у него нет. Отныне прикажу моим воинам расстаться с оружием, вернуться домой и заняться земледелием».

Прошло полтора-два месяца, и в районе воцарились мир и спокойствие.

И вот тогда Хун Сянь сказала своему хозяину, что хочет уйти от него.

— Ты родилась в моем доме, а теперь хочешь покинуть его? — удивился Се Сун. — И потом ведь я во всем полагаюсь на тебя, как же я могу согласиться?

— Дело в том,— ответила Хун Сянь,— что в прежнем своем рождении я была мужчиной, который бродил вдоль рек и озер, изучал трактат Шэньнуна¹ о лекарственных травах и излечивал людей от болезней. Как-то раз в одной деревне заболела беременная женщина: у нее появилась масса глистов. Я дал ей вина, настоянного на цветах «юань». Женщина и двое близнецов, которые должны были родиться, умерли. Из-за моей ошибки погибли три человека. Загробное судилище рассмотрело мое преступление, и в наказание я был превращен в женщину. Хотя тело мое так унижено, но дух по-прежнему стремится ввысь, поэтому я и смогла счастливо прожить девятнадцать лет в вашем доме. Я носила шелковые одежды, ела отборные яства, вы награждали меня своими милостями. К тому же вы помышляли только об укреплении страны. Когда были нарушены законы неба и нам всем грозила беда, в моих силах было отвести ее. Поэтому я и отправилась в Вэйбо, чтобы отплатить вам за добро. И вот мир сохранен, жизнь многих спасена, мятежный губернатор устрешен, и все это — дело моих рук. Для женщины это не малая заслуга! Надеюсь, что я искупила свою вину и смогу вернуть свой прежний образ. Я уйду от мирской суеты, найду отраду в том, что существует вне мира сего, очищу свой дух и подготавлиюсь к бессмертию.

— Я дам тебе тысячу золотых, чтобы ты могла спокойно жить в уединении среди гор,— сказал Се Сун.

— Не надо. Разве можно заранее подготовиться к тому, что ждет меня в будущем?! — возразила Хун Сянь.

Не смея ее удерживать, Се Сун решил устроить прощальный пир в ее честь. В центральном зале собралось множество гостей. Се Сун восхвалял Хун Сянь и попросил присутствовавшего на пиру Лэн Чао-яна воспеть ее в стихах.

Стихи Лэн Чао-яна гласили:

Красивы в лодке лепестки магнолий,
Печальны песни под листвою каштана.

Прощай, мой гость! Твоя душа уходит
На башню высоту в сотни чи!

---

¹ Шэньнун — легендарный император, научивший китайский народ земледелию и составивший первый трактат о лечебных травах,

Но верю, что вернешься ты, как феникс,
Летя на крыльях легкого тумана,

В безбрежном небе, как в потоке быстром,
Тебя несут лазурные лучи!

Се Сун не мог справиться с охватившей его печалью.
Хун Сянь, плача, поклонилась ему. Притворившись, что
захмелела, она удалилась; с тех пор никто ее не видел.

ЧУЖЕЗЕМЕЦ С КУРЧАВОЙ БОРОДОЙ

Когда Ян-ди¹, император династии Суй, отправился в Цзянду, он поручил надзор за Западной столицей своему приближенному Ян Су², который в то время ведал всеми гражданскими и земельными делами империи.

В те годы смуты потрясали страну³, и надменный Ян Су, кичась своим высоким положением, вообразил, что в Поднебесной нет никого, равного ему; он вел разгульную жизнь и держал себя не так, как подобает верноподданному сановнику. Когда к нему являлись высшие должностные лица с докладами или приезжали знатные иноземцы из далеких стран, он посылал им навстречу своих красавиц, а сам оставался во внутренних покоях и принимал гостей, даже не приподымаясь со своего ложа. Толпы разряженных слуг и служанок окружали его и лебезили перед ним.

Как-то раз вэйский князь Ли Цзин⁴, тогда еще не имевший этого титула, пришел обсудить одно очень важное предложение. Ян Су слушал его, развалившись на диване. Поклонившись, Ли Цзин сказал:

— В стране — хаос и волнение, во всех концах страны

¹ Ян-ди (Ян Гуан) — второй император династии Суй (581—618), правивший с 605 г. по 616 г.

² Ян Су — крупный политический деятель, способствовавший возведению на трон первого императора династии Суй.

³ Речь идет о мятежах военачальников (616—617), приведших в 618 г. к установлению династии Тан.

⁴ Ли Цзин — крупный сановник, получивший титул вэйского князя за успешную борьбу с тюрками.

отважные люди поднимаются на борьбу. Вам, видному сановнику нашей империи, следовало бы позаботиться о том, как привлечь на свою сторону сердца этих удальцов, а не принимать гостей, сидя на диване в небрежной позе.

Приняв торжественный вид, Ян Су поднялся и поблагодарил Ли Цзина за дельный совет. С восторгом он принял замечательное предложение гостя и простился с ним только после долгого обстоятельного разговора.

Во время этой беседы в комнате присутствовали служанки; одна из них, красивая девушка с красным опахалом в руках, не спускала глаз с Ли Цзина. Когда тот вышел из дома, девушка подбежала к экипажу и спросила слугу:

— Кто этот вельможа, и где он живет?

Ли Цзин услышал и сам ответил на вопрос девушки. Повторив его имя и адрес, девушка ушла. Ли Цзин вернулся на подворье. Ночью, в начале пятой стражи, раздался тихий стук в дверь. Ли Цзин поднялся. За дверью оказался молодой человек в пурпурном одеянии и алой шапке; на конце палки, перекинутой через плечо, болтался узел.

— Кто ты такой? — спросил Ли Цзин.

— Это я, служанка с красным опахалом из дома Ян Су.

Ли Цзин тотчас же пригласил ее войти. Сбросив мужское одеяние и шапку, она превратилась в очаровательную девушку лет восемнадцати — девятнадцати. С серьезным видом она расправила одежду и поклонилась; изумленный Ли Цзин тоже ответил ей поклоном.

— Я долго служила сановнику Яну, — сказала девушка, — и видела много славных мужей, но никого из них нельзя сравнить с вами. Лиана не может жить одна, она должна обвиваться вокруг дерева, вот поэтому я и пришла к вам.

— Но сановник Ян пользуется большим влиянием в столице, — возразил Ли Цзин, — как же можно?

— Он почти при последнем издыхании, нечего его бояться. Все служанки знают, что он уже бессилен, и многие убежали от него. Он даже не пытается преследовать их. Я все обдумала и прошу вас не беспокоиться, — ответила девушка.

Ли Цзин спросил ее фамилию, она ответила:

— Чжан.

Спросил, какая она по счету в семье.

— Самая старшая из сестер, — ответила та.

Увидев, что внешностью, манерами, речью и характером

эта девушка напоминает небесную фею, Ли Цзин, которому она досталась таким неожиданным образом, был и обрадован и встревожен. В один миг на него свалилась масса волнений и забот, а тут еще соседи начали подглядывать через дверную щелку.

Прошло несколько дней. Стало известно, что беглянку разыскивают, но, видимо, не особенно усердно. Тогда Ли Цзин и девушка переоделись, оседлали коней и уехали, намереваясь вернуться в Тайюань. По дороге остановились в гостинице, в местечке Линьши; постель была уже приготовлена, мясо почти сварилось. Чжан, стоя перед кроватью, расчесывала свои длинные, касавшиеся земли волосы; Ли Цзин в это время чистил лошадей во дворике у открытой двери. Внезапно на хромом ослике подъехал мужчина среднего роста с рыжей курчавой бородой. Бросив кожаный мешок перед очагом, он прилег на постель и стал смотреть, как Чжан причесывается.

Ли Цзин очень рассердился, но, не зная, как поступить, продолжал чистить лошадей. Внимательно взглядевшись в лицо чужеземцу, Чжан, придерживая одной рукой волосы, другой рукой незаметно подала знак Ли Цзину, чтобы он не сердился. Быстро приведя в порядок прическу, она подобрала полы своего платья и, подойдя к чужеземцу, спросила, как его зовут.

— Моя фамилия Чжан,— ответил тот.

— Я тоже из рода Чжан, значит, можно считать, что прихожусь вам младшей сестрой,— сказала девушка и, поклонившись, спросила, какой он по счету в семье.

— Третий,— ответил он и в свою очередь поинтересовался, какая она по счету.

— Старшая из сестер.

Чужеземец обрадовался:

— Я счастлив, что повстречал сегодня младшую сестру.

— Господин Ли, идите сюда, познакомьтесь с третьим старшим братом! — позвала девушка.

Ли Цзин поспешил поклониться. Когда все уселись, чужеземец спросил:

— Что за мясо там варится?

— Баранина; должно быть, уже готова.

— Я очень голоден,— признался чужеземец.

Ли Цзин пошел на рынок за печеными лепешками. Чужеземец извлек из-за пояса нож и разрезал мясо. Все принялись за еду. Когда ужин был окончен, чужеземец собрал

остатки пищи и накормил своего осла. Затем обратился к Ли Цзину:

— Судя по всему, господин Ли, вы — ученый из бедной семьи. Как же досталась вам такая красавица?

— Хотя я и беден, — ответил Ли Цзин, — но не ищущу богатства. Если бы меня спросил кто другой, я бы не стал отвечать ему, но раз вы, почтенный старший брат, спрашиваете, не стану скрывать. — И выложил все начистоту.

— Ну, и что вы теперь намерены предпринять? — спросил чужеземец.

— Да вот собираюсь бежать в Тайюань, — ответил Ли Цзин.

— Так, так! А моя история совсем в другом роде, — заметил чужеземец, затем спросил: — Скажите, нет ли у вас вина?

— Рядом есть винная лавка, — ответил Ли Цзин и вскоре принес целый доу вина. Когда чаша с вином обошла всех, чужеземец сказал:

— У меня есть кое-какая закуска, согласится ли господин Ли разделить со мной трапезу?

— Не посмею отказать, — ответил Ли Цзин.

Тогда чужеземец раскрыл свой кожаный мешок и вынул из него голову, сердце и печень человека. Бросив голову обратно в мешок, он разрезал ножом сердце и печень и, поделившись с Ли Цзином, съел их. Затем сказал:

— Это был самый мерзкий человек во всей Поднебесной. Десять лет мне не удавалось поймать его, и вот наконец возмездие свершилось. Теперь и на сердце стало легче.

Помолчав немного, он продолжал:

— Вижу я по вашим, сударь, манерам, лицу и осанке, что вы благородный муж. Не слышали ли вы о каком-нибудь выдающемся человеке в Тайюани?

— Я знавал только одного, — ответил Ли Цзин, — которого я бы мог назвать настоящим человеком, а все остальные военачальники — чинуши, и только.

— Как его фамилия? — спросил чужеземец.

— Он мой однофамилец, — ответил Ли Цзин.

— А сколько ему лет?

— Только двадцать.

— Кто он такой?

— Сын областного воеводы.

— Похоже, что это он. Крайне необходимо повидать его, не можете ли вы помочь мне?

— Мой приятель Лю Вэнь-цзин¹ очень близок с ним. Через него можно будет устроить встречу. Но зачем это вам? — спросил Ли Цзин.

— Один предсказатель, угадывающий судьбу по облакам, — ответил чужеземец, — говорил мне о том, что в городе Тайюань есть место, где из земли восходит к небу воспарение, и послал меня разузнать об этом. Скажите, когда вы предполагаете прибыть в Тайюань, если отправитесь завтра?

Когда Ли Цзин рассчитал время своего прибытия, чужеземец сказал:

— На следующий день после вашего приезда, едва взойдет солнце, ждите меня у моста Фэньян.

Затем он сел на своего ослика и помчался так быстро, что через мгновение исчез из виду.

Ли Цзин и девушка Чжан были сильно встревожены и удивлены. Долго они не могли опомниться и наконец решились:

— Такой человек, как он, не станет нас обманывать. Ясно, что нам нечего бояться.

Они подхлестнули своих лошадей и в назначенное время прибыли в Тайюань. Чужеземец уже ждал их. Обрадовавшись друг другу, все вместе направились в дом Лю Вэнь-цзина.

— Я привел к вам искусного физиогнома, который хочет повидать вашего почтенного друга, — солгал Ли Цзин, — прошу вас пригласить его.

Узнав, что чужеземец искусный физиогном, Лю Вэнь-цзин, обожавший своего друга, немедленно послал за ним. Тот явился без халата, без башмаков, в простой куртке; но держался он с большим достоинством, и внешность его была далеко не обычная. У чужеземца, сидевшего позади всех, при виде его оборвалось сердце; помолчав немного, он выпил несколько чарок вина и сказал Ли Цзину:

— Вот настоящий император!

Ли передал эту фразу Лю Вэнь-цзину; тот очень обрадовался, так как был того же мнения.

Выходя из дому, чужеземец сказал:

---

¹ Лю Вэнь-цзин — военачальник Суйской династии, занимавший пост министра финансов при первом танском императоре.

— Я почти окончательно убедился в этом, но мне все же надо повидать моего старшего брата — даоса. Вам, господин Ли Цзин, и моей младшей сестре следовало бы вернуться в столицу и в назначенный день, ровно в полдень, встретиться со мной подле винной лавки, что к востоку от улицы Масин. Если у входа будут привязаны этот хромо́й осел и еще один, тощий, значит мы с даосом наверху, и вы поднимитесь к нам.

На этом они расстались.

Следуя его совету, Ли Цзин и девушка Чжан вернулись в Чанъань. В назначенный день Ли Цзин пришел в указанное место и увидел двух ослов. Чужеземец и даосский монах сидели в лавке друг против друга и пили вино; увидев Ли Цзина, они обрадовались и пригласили его за стол.

Когда вино раз десять обошло всех, чужеземец сказал: — Под прилавком спрятано сто тысяч медных монет. Выберите какое-нибудь уединенное место и поселитесь там с моей младшей сестрой. Мы снова увидимся в городе Тайюань у моста Фэньян.

В назначенный день чужеземец явился на свидание вместе с даосским монахом. Втроем они отправились к Лю Вэнь-цзину, который в это время играл в шахматы. Лю Вэнь-цзин приветствовал гостей и, побеседовав с ними, послал записку юноше Ли, приглашая его посмотреть на игру в шахматы. Даосский монах уселся играть с Лю Вэнь-цзином, а Ли Цзин и чужеземец сидели рядом, наблюдая за игрой.

Вскоре пришел юноша Ли; великолепная внешность его поразила присутствующих. Низко поклонившись, он уселся; с лица его не сходило ясное и светлое выражение. Вдруг все присутствующие ахнули: в глазах юноши сверкал огонь. Даос опечалился, сделал один ход и воскликнул:

— Проигрыш! На этот раз все потеряно! Выхода нет! Нечего больше и говорить!

Отказавшись играть, он попросил разрешения удалиться. Выйдя из дома Лю Вэнь-цзина, даос сказал чужеземцу:

— Эта империя не может быть твоей. Есть другие места, попробуй там свои силы, а об этой нечего и думать.

Затем все вместе отправились в путь.

— Скоро ваша поездка кончится; прошу вас вместе с моей младшей сестрой на следующий день по приезде посе-

тить мой скромный дом,— сказал чужеземец Ли Цзину и назвал точно день и место встречи.— Ваше жилище бедно, как пустой сосуд. Я хотел бы устроить вашей молодой супруге удобное жилье. Прошу вас, не отказывайтесь!

Сказал это, вздохнул и уехал.

Ли Цзин подхлестнул коней, и они поехали своим путем. Прибыв в столицу, сразу же отправились к дому чужеземца. Подкатили к небольшим деревянным воротам, постучались; вышел слуга и с поклоном сказал:

— Третий господин давно уже приказал ждать господина Ли и его супругу.

Слуга провел их через несколько ворот, одни величественнее других. Сорок служанок, разодетых в шелка, столпились во дворе. Двадцать рабов провели гостей в восточный зал. Обстановка была редкостная, исключительно дорогая; множество зеркал, туалетных шкатулок с головными украшениями, какие редко увидишь в мире смертных.

Когда Ли Цзин и Чжан привели себя в порядок после путешествия, им предложили переодеться в роскошные одежды. Только они кончили свой туалет, раздался возглас:

— Прибыл Третий господин!

Появился чужеземец в высокой шапке и простом наряде, величественный, словно дракон или тигр. Все очень обрадовались встрече. Он приказал своей жене выйти и поклониться гостям; она была прекрасна, как небесная фея. Прошли в другой зал, где были расставлены такие закуски, каких не подавали и наследным принцам. Все четверо уселись за стол. Двадцать музыкантов играли арии неземной красоты. После трапезы подали вино. Слуги вынесли из восточного зала двадцать диванов в вышитых парчовых чехлах. Расставив их в ряд, слуги сняли чехлы; под ними оказались документы, счета и ключи.

Чужеземец сказал:

— Это мои сокровища. Все, что имею, я отдаю вам. Вы спросите почему? Если хочешь добиться в этом мире успеха, то надо перебиваться лет двадцать — тридцать, и все равно многого не достигнешь. А теперь, когда я узнал, что здесь есть настоящий герой, Ли из Тайюаня¹, могу ли я стоять у него на дороге? Года через четыре воцарится великий мир. Вы, господин Ли Цзин, все свои силы и выдаю-

---

¹ Ли из Тайюаня — Ли Ши-мин (Тай-цзун) — сын основателя танской династии, правивший с 627 г. по 649 г.

щие способности отдайте служению делу мира. Тогда вы непременно станете крупным сановником, и моя младшая сестра, с ее красотой небожительницы и невиданными в мире смертных дарованиями, вместе с вами удостоится высоких милостей и будет счастлива. Только в вас она узнала человека исключительного благородства, и только вы можете дать ей настоящее счастье. Время, когда вы высоко вознесетесь, уже близко,— так ветер поднимается, когда ревет тигр; так сгущаются облака, когда гремит дракон; одно является следствием другого. Примите мой подарок и используйте эти богатства для служения истинному владыке; добейтесь успеха, употребите на это все свои силы! Если через десять лет произойдут большие события на юго-востоке, за несколько тысяч ли отсюда, это будет значить, что я добился успеха в своих начинаниях. Тогда младшая сестра и вы, господин Ли, сможете вылить вино¹ в юго-восточном направлении, чтобы поздравить меня.

Он приказал слугам поклониться новым господам, затем сел на коня и уехал в сопровождении жены и одного слуги. Вскоре они исчезли из виду.

Приняв во владение дом, Ли Цзин стал очень богат и смог предоставить новому государю средства для спасения империи.

В десятом году правления «Чжэньгуань»² Ли Цзину был пожалован титул вэйского князя.

В это время пришло сообщение от южных инородцев, гласившее: «Тысяча лодок и сто тысяч вооруженных воинов вторглись в Фуюй»;³ правитель убит, и трон его захвачен чужеземцем. Образовано новое государство».

Ли Цзин понял, что чужеземец с курчавой бородой добился своего.

Вернувшись домой, он рассказал об этом своей жене Чжан. Надев парадные платья и обратившись лицом на юго-восток, они вылили на землю жертвенное вино.

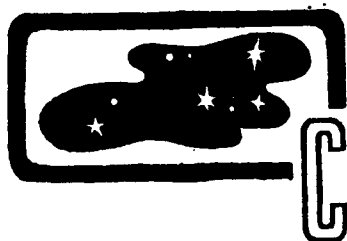
---

¹ Вылить вино — распространенный в старом Китае жертвенный обряд в честь умерших или отсутствующих.

² 636 г.

³ Фуюй — местность на территории нынешней Кореи.

СТОЛИЧНЫЙ УЧЕНЫЙ

Собрались как-то несколько столичных ученых на пир, и зашел у них разговор о свойствах человеческого характера: одни люди решительны, смелы, другие — трусливы и слабы, а все потому, что у каждого свой характер. Смелый человек ничего не боится, только его можно назвать настоящим мужчиной.

Был на этом пиру один ученый.

— Уж если говорить о храбрости, — заявил он хвастливо, — так я обладаю ею в полной мере.

Все стали смеяться:

— Сначала надо испытать вас, тогда поверим.

— В доме моего родственника, — сказал один из присутствующих, — завелась нечистая сила, поэтому никто там не хочет жить. Если сможете провести там ночь и не испугаетесь, тогда мы устроим пир в вашу честь.

Тот ответил:

— Обязательно завтра же туда пойду.

На самом деле никакой нечисти в этом доме не было, просто он временно пустовал.

Друзья приготовили вино, закуски, свечи и пошли провожать того человека в заброшенный дом.

— Что-нибудь еще вам нужно? — спрашивают его.

— У меня есть драгоценный меч, это — надежная защита. Не беспокойтесь обо мне.

Провожавшие вышли из дома, заперли ворота и разошлись кто куда.

А этот человек, если правду сказать, был трусом. Ночь

уже надвигалась; пока он в соседнем помещении привязывал своего осла, друзья и слуги ушли. Пришел он в спальню, но лечь не решился. Потушил свечи, обхватил руками свой меч, сидит, а сердце так и колотится от страха.

Ударили третью стражу; взошла луна, ее свет просочился в окно, и в комнате стало светлее. Вдруг он увидел на полке какой-то странный предмет, похожий на птицу, распластавшую крылья. От страха он подскочил, замахнулся мечом и ударил по странному предмету. Послышался стук, что-то упало на пол; наступила тишина. Сердце ученого сжалось от страха, но он так и не решился посмотреть, что это было, и сидел как истукан, прижимая меч к груди.

Наступила четвертая стража. И вдруг он услышал шаги: кто-то поднялся по ступеням и толкнул дверь. Она не подалась. Тогда неизвестный просунул голову в собачий лаз и стал шумно дышать. Ученый перепугался, ткнул мечом в лаз, но потерял равновесие и упал. Меч выпал из рук, но искать его ученый так и не решился.

Ужас охватил его: а вдруг чудовище проберется в комнату? Ученый заполз под кровать и затаился в углу, не смея пошевелиться. А так как он сильно устал, то быстро заснул и проспал до рассвета.

Утром пришли его друзья, слуги открыли ворота. Подошли к спальне и вдруг видят: в собачьем лазе алеет свежая кровь. Все напугались, стали кричать — звать ученого. Он проснулся, отпер дверь, а сам весь дрожит. Рассказал им о своем ночном сражении с чудовищем. Все были поражены. Подошли к стене, посмотрели, а там на полу лежит рваная соломенная шляпа, — ее-то ученый и принял ночью за птицу. Шляпа была старая, побитая ветром и дождями, поэтому формой она действительно напоминала птицу. Меч лежал рядом с собачьим лазом. Пошли по кровавым следам и вскоре наткнулись на раненого осла: ученый рассек ему губу и выбил зубы. Оказывается, осел освободился от веревки и сунул голову в лаз; тут хозяин и угостил его мечом.

Все хохотали до упаду. Потом разошлись по домам, а тот ученый от пережитого страха заболел. Только дней через десять он пришел в себя.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Фишман. Предисловие	3
----------------------------------	---

ТАНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Ван Ду	
Древнее зеркало. Перевел А. Тишков	15
Чэнь Сюань-ю	
Душа, которая рассталась с телом. Перевел А. Тиш- ков	27
Неизвестный автор	
Белая обезьяна. Перевел А. Тишков	30
Шэнь Цзи-цзи	
Волшебная подушка. Перевел А. Тишков	35
Жизнеописание Жэнь. Перевел А. Тишков	40
Ли Чао-вэй	
Дочь повелителя драконов. Перевел А. Тишков	50
Ли Гун-цзо	
Правитель Нанькэ. Перевела О. Фишман	64
История Се Сяо-э. Перевела О. Фишман	76
Ню Сэн-жу	
Путешествие в далекое прошлое. Перевела О. Фишман	81
Чжан Цзо. Перевела О. Фишман	89
Шэнь Я-чжи	
Записки об удивительных снах. Перевела О. Фишман	95
Неизвестный автор	
Музыка из царства мертвых. Перевела О. Фишман	98

Пэй Син	
Цуй Вэй. <i>Перевела О. Фишман</i>	102
Сунь Кэ. <i>Перевела О. Фишман</i>	112
Куньлуньский раб. <i>Перевел А. Тишков</i>	119
Женщина с мечом. <i>Перевел А. Тишков</i>	124
Ли Фу-янь	
Предсказанный брак. <i>Перевел А. Тишков</i>	129
Гуляка и волшебник. <i>Перевел А. Тишков</i>	132
Чжан Лао. <i>Перевела О. Фишман</i>	139
Бо Син-цзянь	
Три сна. <i>Перевела О. Фишман</i>	146
Повесть о красавице Ли. <i>Перевела О. Фишман</i>	150
Сюй Яо-цзо	
История Лю. <i>Перевела О. Фишман</i>	165
Фан Цянь-ли	
История гетеры Ян. <i>Перевела О. Фишман</i>	170
Цзян Фан	
История Хо Сяо-юй. <i>Перевела О. Фишман</i>	173
Чэнь Хун	
Повесть о бесконечной тоске. <i>Перевела О. Фишман</i>	185
Юань Чжэнь	
Повесть об Ин-ин. <i>Перевела О. Фишман</i>	198
Цао Е	
Повесть о фаворитке Мэй. <i>Перевела О. Фишман</i>	213
Се Тяо	
История У-шуан. <i>Перевела О. Фишман</i>	221
Ян Цзюй-юань	
История Хун Сянь. <i>Перевела О. Фишман</i>	230
Ду Гуан-тин	
Чужеземец с курчавой бородой. <i>Перевела О. Фишман</i>	236
Хуанфу Шн	
Столичный ученый. <i>Перевела О. Фишман</i>	244

ТАНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Редактор М. Черкасова
Художественный редактор Г. Клодт
Технический редактор Л. Сугина
Корректор М. Муромцева

Сдано в набор 10/II 1960 г. Подписано к
печати 16/III 1960 г. Бумага 84×108^{1/32}—
7,75 печ. л. 12,7 усл. печ. л. 12,8 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ 694.
Цена 4 р. 70 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа,
Минск, Красная, 23.

